

Г.Е. Катанаев

Князь
Матвей Петрович
Гагарин

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

Георгий Катанаев

633/2/46
К29

Князь Матвей Петрович Гагарин

Генеральный президент Сибирского приказа
и сибирских провинций судия

Московский комендант и всея Сибири губернатор
(Первый сибирский автономист)

Сибирь эпохи Петра Великого

Составитель Л.И. Огородникова

- 99438 / 1 -
и

Мандр и Ка
Тюмень
2005

ББК 63.3 (0) 5

К 29

К 29 **КАТАНАЕВ** Георгий Ефремович. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / Государственное учреждение «Государственный архив Омской области»; сост. Л.И. Огородникова. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 208 с.

Первая публикация документа, хранящегося в Государственном архиве Омской области, подготовленного к печати его сотрудниками.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, историков, всех читателей, интересующихся вопросами истории Сибири.

Над книгой работали:

Е.Н. Гусева, **К.В. Канаки**, Н.Г. Линчевская,
Л.И. Огородникова (составитель)

© Огородникова Л.И. (составление), 2005.

© Александров В.А. (обложка), 2005.

© Мандр и К^а (издание, оформление), 2005.

ISBN 5-93020-347-4

Оглавление

От составителей	5
Глава I. Краткий обзор догубернаторской и внесибирской деятельности кн. М.П. Гагарина	8
Глава II. Жизнь и деятельность кн. Гагарина в Тобольске	28
Глава IV. Дела христианского просвещения	44
Глава VII. Первые шаги в глубь Средней Азии	69
Комментарии	133
Глава I	133
Глава II	143
Глава IV	147
Глава VII	151
Приложения	
Подборка документов о сибирском губернаторе М.П. Гагарине	165
М.П. Гагарин в оценках историков	
К. Голодников	177
П. Милюков	182
В. Корсакова	186
М. Акишин	193
А. Зуев	199
<i>Тиунова Н.В.</i> Именной указатель	201

Георгий Ефремович Катанасев.

ГАОО. Фотофонд. № 881.

От составителей

Эта книга — продолжение задуманного архивом более десятилетия назад издания сочинений известного сибирского историка, генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева. В уже далеком 1991 г. научные сотрудники архива Г.Я. Цветкова и К.В. Канаки структурировали научное наследие ученого и наметили его издание в шести томах. Тогда же в качестве введения к нему и, вместе с тем к 275-летию Омска, была подготовлена к изданию работа Г.Е. Катанаева «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск». Но издать ее, значительно дополнив научно-справочный аппарат, удалось лишь к следующему юбилею города — в 1996 г.

И вот другая работа сибирского историка, теперь — о Сибири эпохи Петра Великого, условно составляющая 1-й том его сочинений, намеченных к изданию. Предметом публикации явилась рукопись Георгия Ефремовича о первом сибирском губернаторе князе М.П. Гагарине, хранящаяся в личном фонде Катанаева в Государственном архиве Омской области.

Работа над этой книгой была, пожалуй, главной в последние годы жизни историка. Накопленный за долгие годы изысканий в библиотеках и архивах Москвы, Петербурга, городов Сибири материал о Петровской эпохе, яркой и трагической судьбе знатного сановника постоянно изучался, анализировался. Мысли автора ложились мелкими строчками на белую бумагу — рождалась книга о сибирском губернаторе.

Более всего Георгий Ефремович доверял документам. Их тщательное изучение приводило исследователя к своим выводам, зачастую противоречащим господствующим в исторической литературе точкам зрения. Так случилось с книгой о Матвее Гагарине. После долгой исследовательской работы он увидел в петровском вельможе не казнокрада-сепаратиста, а человека, радевшего за интересы Российской империи, присоединившего к ней огромные территории, заключая: «...Это заслуга князя Гагарина перед отечеством, которую никакими казнями и наветами «обер-фискалов» петровского времени из истории России не выкинуть». И подкрепил это вескими доводами, конкретными историческими фактами.

Не все историки и ранее, и сейчас разделяют точку зрения Г.Е. Катанаева. У некоторых из них иное мнение. А другие приходят к тем же выводам, что и Катанаев. И право на жизнь имеют разные точки зрения. Как говорится, в споре рождается истина.

Георгий Ефремович предполагал написать серьезную, объемную книгу. 11 июня 1921 г. он сообщал, что по плану сочинения намечено 8 глав, 5 из которых уже написаны: «По окончании всех глав составитя том не менее 450 страниц». Через шесть с небольшим месяцев, 18 декабря 1921 г., он умер, и его труд так и остался незаконченным. И хотя не были написаны все намеченные главы, по неизвестным причинам отсутствует существовавшая 3 глава, работа не носит отрывочного характера, представляя связанный материал, потому что ее разделы о распространении православия в Сибири, о продвижении России на юг рассматриваются в контексте деятельности сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина. В личном фонде Катанаева находятся вместе разные варианты одних и тех же глав, подготовительные материалы для работы над рукописью. Это и создавало сложности при выборе и соединении частей, но и давало дополнительную информацию для комментариев.

Названия утраченной 3-й главы установить не удалось. В своих записках Г.Е. Катанаев писал, что в 5-й главе он намеревался описать «башкирский бунт» (восстание башкир в 1705–1711 гг.), в 6-й — положение народностей, населявших тогда Сибирь, — восточно-сибирских чукчей, коряков, юкагиров, камчадалов, саянских киргизов-монголов.

В ходе подготовки рукописи к изданию проходило выявление дополнительного материала в архивах и музеях Москвы, Петербурга, Тюмени и Тобольска. Часть его была использована для примечаний, приложений, иллюстративного оформления книги. Для выявления изображения (парсуны) М.П. Гагарина шла длительная переписка с этими и другими многочисленными учреждениями, с Российским дворянским собранием, с потомками рода Гагариных. Но этот поиск положительного результата не дал.

Книга имеет раздел с приложениями. Это подборка документов из разных архивов о сибирском губернаторе, выдержки из работ ряда историков дореволюционного и советского периодов со сведениями о М.П. Гагарине, дающих оценку его деятельности, роли и значения в отечественной истории.

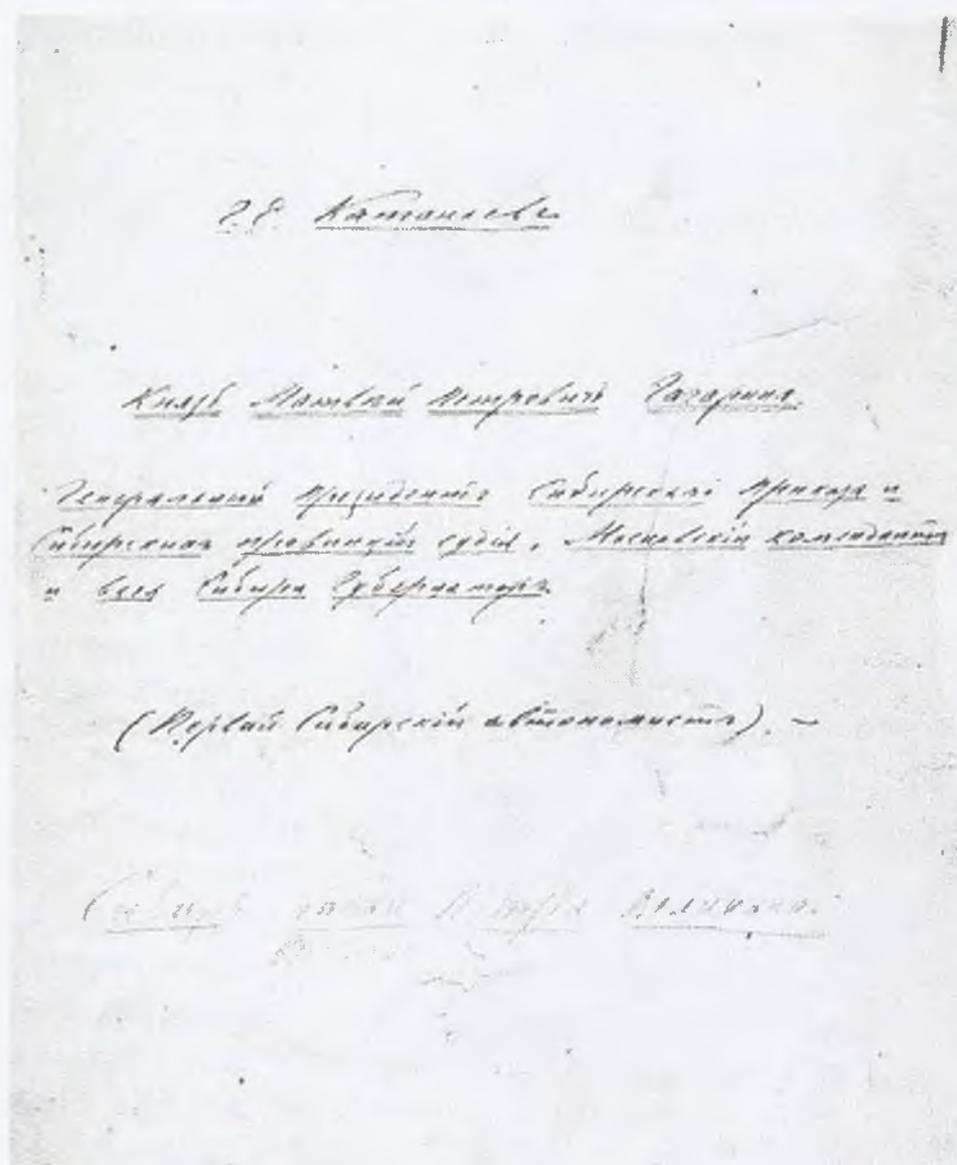
Рукопись работы Г.Е. Катанаева прошла археографическую обработку в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст дан по правилам современной орфографии. Исправления, неточности, не имеющие принципиального, смыслового значения, орфографические ошибки исправлены без оговорок. Сохранена авторская стилистика изложения текста. Текст документов, цитируемых Г.Е. Катанаевым из «Памятников Сибирской истории XVIII века», выверен по первоисточнику с устранением ошибок. Выверены и уточнены библиографические ссылки. Пропуск части дублирующегося в рукописи текста

отмечен многоточием. Примечания, составленные самим автором, как и в рукописи, даны внизу листа без указания авторства Катанаева, примечания составителей оговорены. Комментарии по содержанию, дополняющие основной материал, даны после глав.

Составители выражают благодарность М.Н. Савиных, кандидату исторических наук, принимавшему участие в работе по подготовке примечаний к главам.

В одной из своих работ Георгий Ефремович Катанаев писал: «Мы всецело поглощены вопросами момента, мало заглядывая в будущее и совсем не оглядываясь назад. А между тем это так необходимо».

Так перевернем страницу и окунемся в Петровскую эпоху, в то переломное для России время, которое может нас многому научить, которое и поныне мы пытаемся понять, познать через архивные документы, печатные труды, музейные коллекции.

Титульный лист рукописи Г.Е. Катанаева
«Князь Матвей Петрович Гагарин...»

ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 369.

Глава I

Краткий обзор догубернаторской и внесибирской деятельности кн. М.П. Гагарина

Род князей Гагариных. Скучность данных о ранней молодости и воспитании. На воеводстве в Иркутске и Нерчинске. При постройке Волго-Донского и Вышневолоцкого каналов. В Сибирском и Рудном приказах. Оружейная палата и Печатный двор в Москве. Московский комендант.

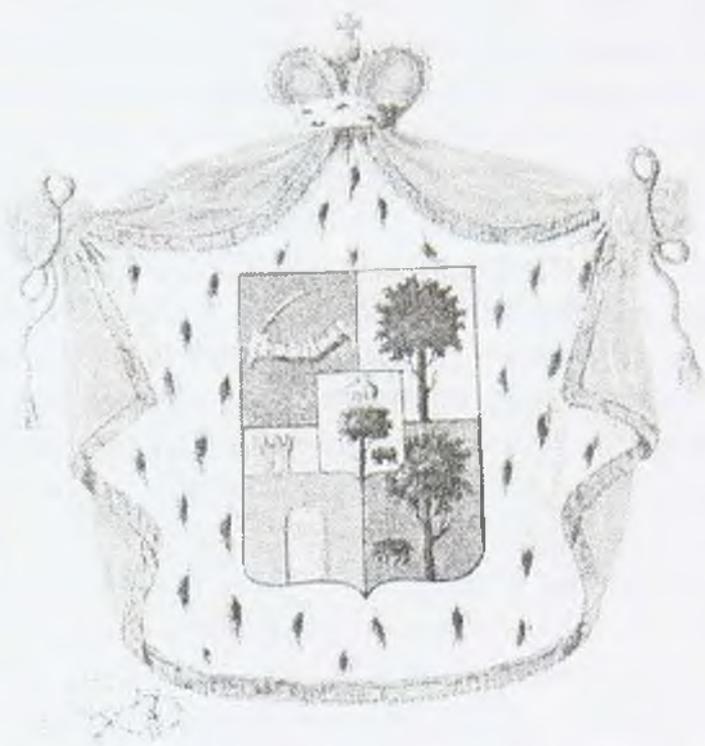
*Великий князь Всеволод III Юрьевич
Большое Гнездо*

Из кн.: Дворянские роды Российской империи. Т. I. СПб., 1993.

В среде наиболее памятных для Сибири ее деятелей имя кн. Матвея Петровича Гагарина, бесспорно, должно занять одно из виднейших мест, хотя до сих пор для большинства не только людей, мало интересующихся историей Сибири, но и для лиц, более или менее осведомленных в ней, сведения о Гагарине не заходят далее сказаний о баснословных¹ его богатствах и трагической кончине на виселице. Более или менее полной и всесторонней оценки деятельности этого более чем незаурядного государственного человека до сих пор не было. Восполнение этого весьма важного, по нашему мнению, пробела в истории Сибири составляет главную задачу настоящего ис-

¹ Лист порван, по смыслу восстанавливается слово «баснословных». — Прим. сост.

торико-биографического обзора. Род князей Гагариных, как известно, принадлежит к числу древнейших княжеских родов России, ведущих свое начало от самого Рюрика. Один из непосредственных родоначальников того колена Гагариных, к которому принадлежал князь Матвей Петрович, — Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо, был даже на великом княжении во Владимире на Клязьме². И в последующие времена члены этой многочисленной семьи высоко держали «честь» своего рода, доходившую даже, после Смутного времени на Руси, до притязаний на все-российский царский престол в Москве. Год и день рождения князя Матвея Петровича Гагарина в дошедших до нас родословных актах его семьи не обозначены; известно только, по боярским семейным книгам за 1686 год, что в этом году он числился в придворном звании царского стольника и в том же звании стольника [1]* с сентября 1691 года в течение двух лет состоял «товарищем» [2] своего родного брата Ивана на воеводстве в Иркутске, а с 1693 по 1695 год был на посту старшего воеводы в Нерчинске. О детстве его, воспитании и полученном образовании сведений также не сохранилось; но что по тому времени он был человеком солидной домашне-учебной подготовки и просвещенных «западнических» взглядов, не подлежит сомнению. Это видно из всей его государственной и общественной деятельности в пер-

Родовой герб князей Гагариных

«Щит четырехчастный с малым щитком посредине, на котором в золотом поле изображен дуб и под ним медведь, на дубе княжеская шапка и выходящая из нее рука в латах с поднятой саблею, в левой верхней части дуб в серебрянном поле и в правой нижней части дуб с идущим от него черным медведем в голубом поле. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою».

Из кн.: Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993.

² Корсакова В. Кн. М.П. Гагарин // Русский биографический словарь. М., 1914. С. 75–82.

* В квадратных скобках указано наличие комментария, помещенного на С. 133–164 данной книги.

вых рядах «птенцов гнезда Петрова». Он не принадлежал к числу тех боярских недорослей, что были посланы Петром в немецкую учебу за границу, ибо к тому времени уже вышел из подходящего для посылки возраста, но, несомненно, находясь у себя дома в Москве, основательно прошел признававшуюся во времена царя Алексея Михайловича модною греко-латинскую на церковной подкладке премудрость. Более того, ему знакомы были, по-видимому, и начала светских, преимущественно математических наук, выходящих из сферы тех знаний, которые удовлетворяли потребности среднего круга грамотеев того времени. Редактирование им впоследствии и наблюдение за выполнением геометрических и архитектурных чертежей в книгах, издаваемых по указу Петра Московским печатным двором, несомненно это подтверждают. Не говорим пока о других проявлениях просветительской деятельности кн. Гагарина, которая ставит его в ряды таких прогрессистов эпохи царей Алексея, Федора и царевны Софьи, какими были известные бояре Матвеев, Морозов, Ордин-Нашекин, Ртищев, князь Василий Голицын и другие [3].

Неизвестно, был ли он когда-либо сам за границей и говорил ли на каком-либо из новых иностранных языков, но что порядки тамошнего государственного и общественного строя, равно как и домашнего обихода, были ему хорошо известны, доказано всею обстановкою и образом его жизни не только в Москве и новоявленной Петровой столице, где у него было несколько великолепных, на иностранный манер построенных домов, но и в далекой Сибири. Сын его, женатый на дочери Государственного вице-канцлера Шафирова [4], долго путешествовал по Западной Европе, удивляя бережливых иностранцев своей расточительностью на покупки заморских диковин. Одна из дочерей была в замужестве за сыном ближайшего проводителя Петровых новшеств на Руси Государственного канцлера графа Головкина [5].

Будучи еще весьма молодым человеком, князь Матвей Петрович, как увидим в последующих главах этой книги, с первых же шагов своей административной деятельности, сначала в должности помощника своего брата в Иркутске и самостоятельного воеводы в Нерчинске, сумел проявить себя выдающимся государственным человеком как по внутреннему устройству далекой Даурии [6], так и по внешним сношениям с приграничным Китаем.

Несомненно, однако же, что не эта дальнесибирская деятельность Гагарина обратила на себя внимание и побудила приблизить его к себе также молодого еще тогда царя Петра, ибо целых пять лет по возвращении нерчинского воеводы из Даурии в Москву фамилии Гагарина мы не встречаем ни в одном из архивных актов того времени, дошедших до нас. Где он находился в это время — неизвестно: просто ли проживал в родной ему Москве (что очень маловероятно), странствовал ли за границей или участвовал в Азовском походе [7] царя в

воинском звании или в качестве «кумпанейца», строил и снаряжал для тех же походов дощаники и галеры [8] на Дону в Воронеже. Всего вероятнее последнее предположение. Известно только одно: что немедленно же по возвращении из первой своей поездки за границу и вслед за жестокой расправой с мятежными стрельцами [9] энергичный царственный преобразователь, по-видимому, уже хорошо узнавший кн. Гагарина по Азовскому походу, возлагает на него весьма ответственное и новое еще в тогдашней Руси дело сооружения водных каналов, соединяющих между собой бассейны пригодных к судоходству рек Черного и Каспийского морей. В течение целых семи лет неотступно трудится Гагарин над порученным ему делом, начав с осуществления намеченного Петром еще до отъезда его за границу водного пути из Каспийского моря в Азовское, на берегу которого он только что обосновался в 1696 г.

Местом соединения двух водных бассейнов было выбрано Иван-озеро, изливавшее свои воды, с одной стороны, посредством речки Шати в Дон, приток Азовского моря, и с другой — речкой Упой в Оку и Волгу, вливающуюся в Каспий. Благодаря настойчивости Гагарина уже к весне 1707 года готовы были к проходу малых судов 24 шлюза, по которым было пропущено тогда же до 300 разного рода судов. Не были еще окончены эти шлюзы, как на Гагарина же было возложено другое, еще более важное, «перекопное дело», положившее начало обширной, поныне действующей сети Вышневолоцкой системы каналов, соединяющих Балтийское море и новую столицу государства с Каспийским, Азовским и Черным морями³ [10].

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
ПРИСНО ПРИКАВИТЕЛЪ ЦАРЬ
И САМОДЪЖИЦА ВЪСРОССИИ И ИТАЛИИ

А. Шхонебек. *Портрет Петра I.*
1703–1705

Из книги М. Алексеевой «Гравюра петровского времени». Л., 1990.

³ Корсакова В. Указ. ст.; Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 16. М., 1866.

До какой степени Петр был доволен руководством Гагарина по осуществлению порученного ему дела, видно из того, что и впоследствии, по отзывании его от «перекопного дела», к еще более важным делам... он не раз, при случае, пользовался его услугами по этой части. И даже в 1712 году, когда Гагарин, будучи уже сибирским губернатором, временно находясь по делам своей губернии в столице государства, ему поручено было произвести осмотр перекопных работ между Тверцою и Мстою, произведенных уже после него, и высказаться по вопросу о возможности и способах расширения канализаций всей Вышневолоцкой системы, для чего: «1-е, осмотреть Мстинские пороги; 2-е, осмотреть обход реками Иверью и Вильею; 3-е, из Мологи ко Мсте или ... и, осмотря, где лучше, тут велеть готовить работникам припасы, а самим ехать на Вытегру и Шексню. И, осмотря все, быть с полным доношением к Сенату к Москве, чтобы будущей весною, конечно, где лучше, зачать дело неотложно»⁴.

Перекопные работы были в самом разгаре, когда в 1703 году совершенно неожиданно освободилось место Генерального президента Сибирского приказа [11] в Москве, несколько лет перед этим с честью занимаемое думным дьяком и «другом» молодого царя Андреем Андреевичем Виниусом [12]. Старый испытанный служака впал за что-то в немилость, и Петр, приискивая ему достойного заместителя, остановился в своем выборе на хорошо сделавшемся ему теперь известным Гагарине, в течение пяти лет перед этим уже бывшем в Сибири на должности иркутского и нерчинского воеводы. Не отзывая его от главного заведования постройками соединительных каналов, Петр ему же вручает и заведование ответственным приказом Сибирским.

Одновременно с этим, имея в виду, что с 1700 года на том же Виниусе лежало заведование и вновь образованным приказом Рудных дел [13], то тому же Гагарину препоручено было это дело. Мало этого: вскоре под его же ведение подведена была и Московская Оружейная палата, в обязанность которой, вместе с Рудным приказом, входило изыскание средств и способов снабжения всей русской армии и флота оружием, снарядами, «фортецией» [14], знаменами и другими предметами воинского вооружения. Таким образом, кн. Гагарин сразу стал в центр нескольких дел, которым царь Петр придавал особенно важное значение⁵.

В 1707 году перекопное дело, по-видимому, было сложено с Гагарина, но зато, при сохранении всех прочих должностей, на него возложено еще новое: быть московским комендантом с обязательством, ввиду возникших слухов о приближении войска шведского короля Карла XII к Москве, незамедлительно же «фортификаковать»

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 4. СПб., 1830. № 2535. Далее — ПСЗРИ.

⁵ Корсакова В. Указ. соч.

Московский Кремль и Китай-город⁶ [15]. В виде ли особой милости или для усиления престижа власти особы, совмещавшей в себе столько важных должностей, в том же году последовал Указ «О сформировании Президенту и Сибирских провинций Судии Гагарину драгунского полка из царедворцев и из вольных людей, городовых, дворян, солдат, пушкарей и детей их, и о ведении ему сбора лошадей с городов: Орла, Болхова, Кромы и других»⁷.

В следующем, 1708, году ход событий великой Северной войны [16], требовавших исключительного к себе внимания царя, заставил его прибегнуть к столь же исключительным мерам разверстки личных его обязанностей и центральных управлений по внутреннему устройению государства между учреждениями местного, областного значения. Решено было учредить «Управительствующий Сенат», которому «за постоянными отлучками» царя из столицы пришлось вручить верховное управление государством, разбив всю Россию на несколько крупных областей, или губерний, с полуавтономным управлением в лице особо уполномоченных царских наместников — губернаторов [17].

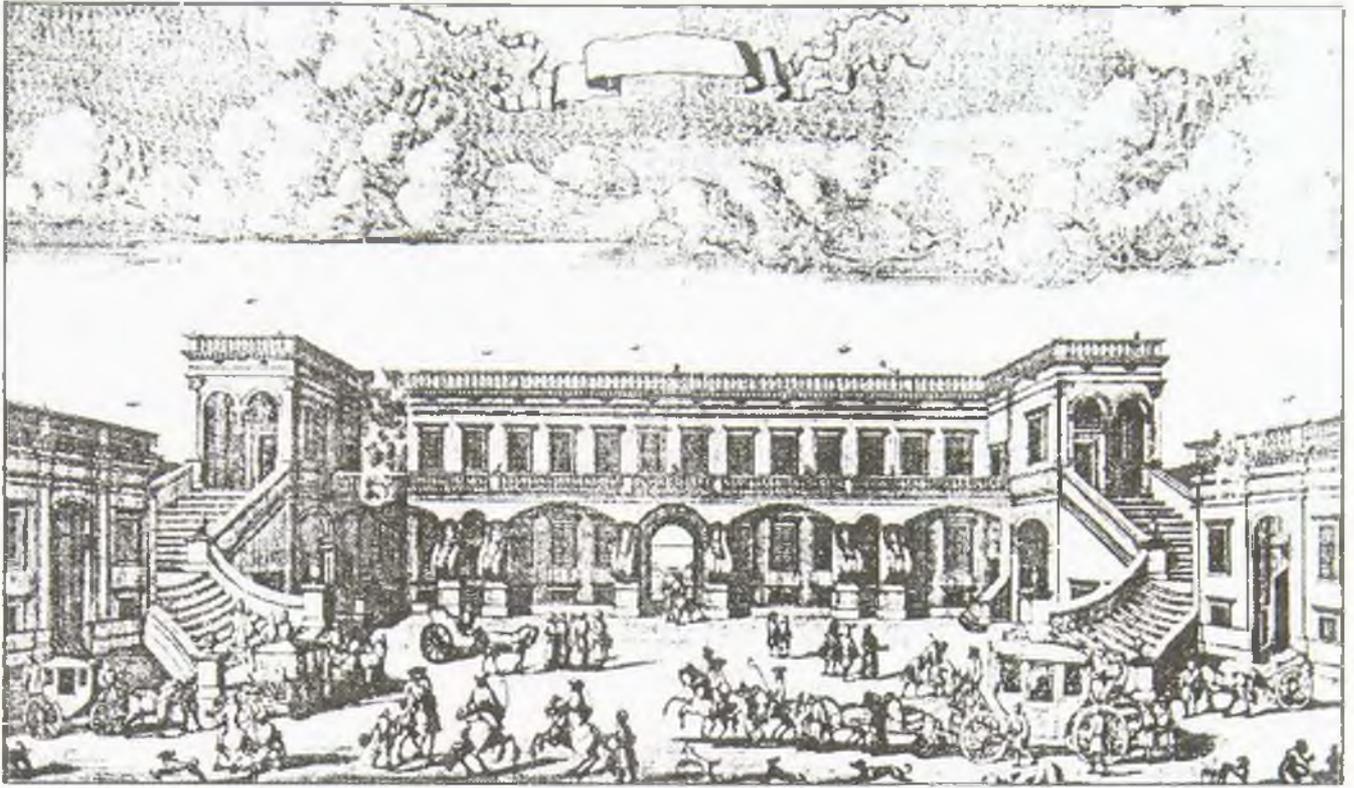
В число восьми образованных таким образом территориальных единиц вошла и Сибирь, в виде особой губернии, с присоединением к ней и части территории Европейской России, прилегающей к западному склону Уральского хребта. Во главе этой необъятной новой губернии поставлен был Генеральный президент Сибирского приказа кн[язь] М.П. Гагарин с оставлением в ближайшем его ведении по-прежнему Сибирского и Рудного приказов в Москве. Выезд самого губернатора к месту нового служения состоялся, однако же, не ранее трех лет после этого. Вплоть до половины 1711 года он продолжал оставаться в Москве, полномочно управляя из нее далеким краем и распоряжаясь двумя приказами.

Причины этого лежали не в самом сибирском губернаторе, а в обстоятельствах организационного характера, касавшихся всех восьми губерний, туго поддававшихся осуществлению и требовавших многократных совещаний губернаторов, в связи с одновременным формированием и определением прав и обязанностей вновь учреждаемого органа высшего управления всем государством — Сената [18].

Не меньшее значение имело также и то обстоятельство, что Петру не хотелось отпускать Гагарина из Москвы, где он по-прежнему продолжал оставаться комендантом и правил всеми делами столицы как города. Занимая эту должность, кн. Гагарин при своем выдающемся богатстве, высокознатном происхождении и родстве, соединенном с широкою осведомленностью его в модно-культурных запросах тогдашнего высшего наполовину иноземного столичного общества, более чем кто-либо другой являлся истинным «хозяином» старой, хле-

⁶ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 2149.

⁷ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 2136.

А.Ф. Зубов. *Вид дома М.П. Гагарина в Москве. 1707 г.*

Из кн. М. Алексеевой «Гравюра петровского времени». Л., 1990.

босольной барской резиденции царя. О богатствах Гагарина и умении его достойно обставить себя и жить широко дошло до нас немало показаний и записей его современников, русских и иностранцев.

В Москве, а потом и в новой Петровой столице он имел несколько каменных домов. На Тверской улице у него были великолепные палаты, воздвигнутые по образцу венецианских и по плану одного из иностранных архитекторов. Внутреннее убранство палат соответствовало их внешнему виду. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро, золото, драгоценные ковры и разноцветные наборные полы украшали его покои, а зеркальные потолки отражали в себе блеск висящих внутри люстр, канделябров и стеклянных прудков (аквариумов) с плавающими в них рыбами⁸. Как все это мало походило на жизнь громадного большинства тогдашнего именитого боярства и купечества и как подходило к жизни «хозяина» столицы, обязанного по своему положению в разных торжественных случаях принимать у себя знатных иностранцев, посольства и других высокопоставленных гостей, в чем Гагарин, по общему отзыву, был великий мастер.

В этом отношении он не имел себе соперника, и поспорить с ним несколько лет перед этим мог разве только павший вместе с царевной Софьей ее знаменитый «галант», богач и президент По-

⁸ Мартынов. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества (текст Снегирева). Изд. 2-е. М., 1852; Бантыш-Каменский Д. [19]. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 2. М., 1836.

сольского приказа [20] князь Вас. Вас. Голицын. Брауншвейгский резидент при русском дворе Вебер, описывая один из неособенно парадных обедов, данных Гагариным, пишет, что поданное гостям угощение состояло из пятидесяти разных кушаний, различным образом приготовленных и разложенных на стольких же переменах серебряных блюд. В кабинете своем, продолжает далее Вебер, куда он меня провел, показана мне была, в числе прочего, икона, вся унизанная драгоценными бриллиантами, стоимостью, по уверению местных ювелиров, до 130 тысяч рублей⁹.

Особенно отличился он в праздновании Полтавской победы, когда с Московского Кремля и вновь фортификованных под его же руководством укреплений столицы сделано было несколько тысяч орудийных выстрелов, устроено два торжественных обеда. Один у цесаревича Алексея Петровича [21] и другой у самого Гагарина, перед палатами которого выставлено было для народа и шведских пленнх множество бочек с вином, водкою, медом, пивом и столы со всякими яствами.

В задачи настоящего исторического очерка не входит подробное описание деятельности и заслуг кн. Гагарина за бытность его в Москве на должностях, имевших только косвенное отношение к Сибири, а потому, ограничиваясь в данном случае лишь сказанным выше, заметим вообще, что, знакомясь с обширною, зачастую собственноручною перепискою, которую Гагарину за это время пришлось вести лично с государем Петром Алексеевичем, цесаревичем Алексеем Петровичем, Меншиковым, Ромодановским, Нарышкиным, Стрешневым, Шереметевым, Репниным [22] и сотнями других менее высокопоставленных лиц, имевших до него личное и служебное дело, по многочисленным занимавшимся им должностям, нельзя, поистине, не удивляться разносторонним по тому времени знаниям, спо-

Дом князя Гагарина в Москве

ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 387. Л. 5.

⁹ Корсакова В. Указ. соч.

способностям и энергии, которые этому человеку волей-неволей пришлось проявить, удовлетворяя разнообразные, часто противоречивые, большие и малые требования и просьбы этих особ и лиц¹⁰.

Заведование Оружейною палатою, независимо от заготовки для войска оружия, знамен и прочего воинского снаряжения, ставило кн. Гагарина в ближайшее соприкосновение с Печатным двором в Москве, где по заказу палаты изготовлялись рисунки и чертежи к печатаемым там же наставлениям по части обмундирования войск, снаряжения артиллерии, «фортификация» крепостей, изготовление «фейерверков»¹¹ и руководства по архитектуре, механике, геометрии и проч.¹²

Есть указания на ближайшее участие Гагарина в составлении этих руководств и чертежей в качестве лица, на опыте доказавшего свою осведомленность в этом деле постройкою своих великолепных и многих из городских каменных домов в Москве, укреплением Кремля и Китай-города, равно как и работами по устройству водных каналов Вышневолоцкой и Волго-Донской систем¹³. То же заведование Оружейной палатой в связи с президентством в Сибирском приказе поставило Гагарина в ближайшие сношения и с виднейшими из тогдашних представителей горного дела в России в лице родоначальников его, отца и сына, Никиты и Акинфия Демидовыми [24], знакомство с которыми Гагарина, как увидим ниже, было столь чревато последствиями по развитию горного дела в Сибири.

В делах собственно Сибирского приказа кн. П.М. Гагарин был продолжателем дел и начинаний Виниуса, от которого он и принял этот приказ со всеми прочими обязанностями. Заслуги предшественника Гагарина более или менее известны всем, знакомым с эпохою

¹⁰ В виде характеристики того, с какими иногда просьбами приходилось иметь Гагарину дело в Москве по званию Генерального президента Сибирского приказа и коменданта, позволим себе привести краткую справку из дела Сибирского приказа, извлеченную Н.Н. Оглоблиным [23]. Письмо цесаревича от 21 июля 1707 г.: «Князь Матвей Петрович! Здравствуй! Зело благодарствую за любовь твою — освобождение людей моих от работы, також де благодарствую и за учителя. Алексей. P.S. О чем будет Василей Григорьевич от меня тебя просить, пожалуй, не остави». На письме пометка рукою князя Гагарина: «Господам дьякам по сему отпустить к государю царевичу без умедления: 1 пара соболей — 40 р., 6 косяков больших, два меха черевьи лисьи, да 2 белы хребтовые». Другою рукою, очевидно, дьяка, приписано: «Отослать на двор к Василью Григорьевичу Нарышкину». Русск[ая] старина. 1892. Февраль. Бытовые черты XVIII века.

¹¹ Фейерверков. — Прим. сост.

¹² Корсакова В. Указ. ст.

¹³ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 2265. Одобрение государя сделанного Гагариним лично распоряжения о постройке взамен сгоревших деревянных торговых рядов каменных и отказ царя от только что данного им самим разрешения о возобновлении деревянных лавок. [В оригинале: «О строении в Москве, вместо сгоревших рядов, вновь каменных лавок». — Прим. сост.]

Петра Великого, и отмечены не только в специальных исследованиях той эпохи и многотомных историях России, но и в более кратких университетских и среднеучебных курсах и учебниках истории.

Не только инициатива и ближайшее участие его в Сибирском, Пушкарском и Горнозаводском приказах [25], но и во «всепьянейшей компании» его царственного друга перешли в потомство мало обесцвеченными тем световым ореолом, которым большинство историков до сих пор окружает деяния Петра.

Преемнику Виниуса в этом отношении выпала несколько иная доля. Всем известно о предании его суду за «воровство» и казни чрез повешение, но заслуги его как продолжателя дела Виниуса по Сибирскому приказу и первого всесибирского губернатора за царским ореолом остаются и теперь как бы незамеченными. Очередную задачу сибирской истории составляет обезвредить влияние этого ореола, мешающего разглядеть крупную историческую фигуру.

Читая дошедшие до нас архивные акты времен Петра Великого и встречая заголовки или в тексте их выражения: «От Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца» в Сибирь (такому-то и туда-то), или «По Указу Его Царскаго Пресветлаго Величества», «Сей нашей Великаго Государя грамотой», «нам Великому Государю» и т.п., не только люди малопосвященные, но и знатоки форм официальных сношений того времени, склонны думать, что повеления, излагаемые в этих указах и грамотах, исходили или непосредственно от самого царя или писаны по личному его велению. Не зная того, или упуская из виду, что громадное большинство их имели в свое время такое же отношение к личным повелениям Петра, как до самого последнего времени «Указы Его Императорского Величества», издававшиеся губернскими или областными правлениями, духовными консисториями и другими местными присутственными местами, имели к личной воле и повелениям царствовавших императоров.

Что это именно так, видно из того, что указы эти и грамоты, изданные как бы от лица самого государя, подписаны всего чаще не только не им самим, но даже и не президентами того или иного приказа или коллегии, а лишь дьяками этих приказов, а на местах, в провинции, губернаторами, воеводами и комендантами с приписью, что ответы на эти якобы царские грамоты надлежит прислать или подать в такой-то приказ, такому-то дьяку и т.п.

Точно так же и наоборот: исстари, еще с великокняжеских времен, установившемуся на Руси порядку «единодержавства» официальных сношений низших инстанций с высшими, как бы первые ни были малы в иерархической градации должностей, положений и состояний, они адресовали свои донесения, просьбы и челобитные не иначе как на имя самого всеведущего, вездесущего и всезнающего

самодержца. Хотя за самым редким исключением такие «всенижайшие просьбы холопей [26] царских» и «служилых людей» далекой «царской вотчины» Сибири, дальше какого-нибудь подьячего Тобольской приказной палаты или Сургутской съезжей [27] избы не шли.

Да и в наше время давно ли наше чиновенство¹⁴ и офицерство о всякой перемене в своем семейном положении и переводе из одной части в другую, а начальники отдельных частей о всяком происшествии в «Высочайше вверенных им частях», как бы последние мелки ни были, обязаны были доносить «по команде» на Высочайшее имя, непосредственно от своего имени обращаясь к царям по титулу: «Всепресветлейший державнейший Государь Император» и пр. и пр., твердо зная, что донесения эти не только не прочтутся государем, но и не поднимутся выше столоначальника какого-либо департамента общей полиции?..

В частности, по отношению к царю Петру, иного порядка сношений с ним не могло и быть, так как известно, что за все время своего многолетнего царствования великий преобразователь России сначала находился под опекою своей сестры царевны Софьи, потом предавался потехам и двоевластвовал с немощным братом Иваном, а за время своего единодержавства бывал дома в своих старой и новой столицах не более как гостем, два-три года в общей сложности, находясь все остальное время в отлучках: то в разъездах по своему обширному государству, западную половину которого, т.е. Европейскую Россию, он исколесил вдоль и поперек, то в бесконечных походах и войнах, то за границей в Западной Европе в сопровождении небольшой лишь походной канцелярии, состоявшей всего лишь из двух, трех, пяти дельцов и проч.

Волей-неволей за все это время [вести] всю текущую переписку и делопроизводство по государственным делам и исполнять таковые именем «Его Царского Пресветлаго Величества» приходилось сначала Боярской думе или консилию [28] и приказам, потом Сенату, коллегиям, губернаторам, воеводам, думным дьякам и другим лицам и учреждениям высшей, средней и даже низшей общегосударственной местной администрации.

По отношению собственно к Сибири это применялось чаще, чем где-либо в другом районе государства, как ввиду ее удаленности от центра управления, так и по малому знакомству с нею самого царя и центральных учреждений с особенностями географического положения, природы и быта разноплеменного населения этого далекого и обширного края. Да и сам великий преобразователь необъятной России хорошо сознавал, что, непосредственно руководя среди постоянных переездов дипломатическими сношениями и военно-морскими операциями на местах, он не был в состоянии достаточно полно следить за ходом внутренних дел государства.

¹⁴ Так в тексте. Т.е. — чиновничество. — Прим. сост.

Невольно мирясь с таким положением дела, всемогущий самодержец, объясняя причины многовластия восьми своих «наместников» (губернаторов) и таких чисто территориальных учреждений, как Сибирский, Казанский и Малороссийский приказы в Москве, как бы в извинение себе, всегда добавлял: «Человеку трудно за очи все выразуметь и править»¹⁵. И самое учреждение Правительствующего сената как центрального управления государством было не чем иным, как стремлением царя переложить часть верховной власти на второстепенных и третьестепенных вершителей таковой. В высочайших указах от 22 февраля и 2 марта 1711 года это ясно выражено словами: «Повелеваем всем, кому о том ведати надлежит, что Мы, *для всегдашних наших в сих войнах отлучках* [29], определили управительный Сенат, которому всяк и их указам да будет послушен так, *как Нам Самому*¹⁶, под жестоким наказанием или и смертию, по вине смотря»¹⁷.

Независимо от этих, так сказать, внешних обстоятельств, обусловивших децентрализованность государственной власти времен Петра, существовали, как доказываются новейшими исследованиями, и внутренние причины ее, лежавшие в самом Петре и особенностях его творческих способностей и характера. Вопреки существовавшему почти до самого последнего времени мнению о всеобъемлемости «гения Петрова» и строгой планомерности его реформ, приходится признавать ошибочность этого мнения.

Не подлежащими сомнению данными выясняется, что большинство даже наиболее выдающихся (за исключением военной и морской) реформ Петра являются плодом не глубоких всеобъемлющих дум преобразователя по заранее намеченному плану, а результатом случайностей, увлечений и неотложных, требовавших немедленного удовлетворения нужд государства, и притом не сразу в законченном виде, а путем эволюции, часто непоследовательной и полной ошибок, требовавших постоянных поправок и дополнений. Петру некогда было обдумывать и приводить свои мероприятия в стройную систему. Быстро менявшиеся обстоятельства не ждали. Только под самый конец его царствования, в последние пять-шесть лет, мы видим как бы сведение¹⁸ всего содеянного им в систему более или менее стройную. Нельзя не пожалеть поэтому, что смерть похитила его сравнительно рано, в период наибольшего развития его государственностроительных дарований.

В известном труде П.Н. Милюкова о государственном хозяйстве в эпоху Петра¹⁹ приводится заслуживающий внимания отзыв о Пет-

¹⁵ Ключевский В. Курс русской истории. Т. 4. С. 65.

¹⁶ Выделено Г.К. — Прим. сост.

¹⁷ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 2328.

¹⁸ В тексте рукописи — подведение. — Прим. сост.

¹⁹ Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905.

ре одного из членов иностранных посольств при русском дворе того времени Фоккеродта [30], который между прочим доносил своему правительству: «Он (Петр) особенно и со всею твердостью старается улучшить свои воинские силы. Вместе с тем, также войны, занимавшие всю его жизнь, и по поводу этих войн заключаемые им договоры с иноземными державами, заставили его обращать внимание также и на иностранные дела, хоть тем не менее он полагался тут большею частью на своих министров-любимцев, обыкновенно умевших повернуть его к той стороне, которая всего больше платила им. Самым его любимым и приятным занятием было кораблестроение и другие дела, относящиеся к мореходству. Оно развлекало его каждый день и ему должны были уступить и самые важные государственные дела... О внутренних улучшениях в государстве, хозяйстве и торговле он мало или вовсе не заботился в первые тридцать лет своего царствования (т.е. примерно до 1719 г.) и бывал доволен, если только его адмиралтейство и войско достаточным образом снабжались деньгами, дровами, рекрутами, матросами, провиантом и аммуницией».

Не в столь категоричной форме, но в не менее определенном смысле подтверждает сказанное Фоккеродтом массою фактов и сам автор обширного исследования о государственном хозяйстве Петровой эпохи: «Только люди, стоявшие далеко от дел (той эпохи), — пишет он, — могли наивно отождествлять Петра с его реформами и подготовить тот взгляд, по которому Петр был его единственным творцом новой России».

В том же труде г. Милюкова и исследованиях не менее его авторитетных знатоков истории России Соловьева (т. 16), Ключевского (т. 4) и других мы видим, как менялись взгляды Петра на те или иные мероприятия по устройению государства в зависимости от тех или иных советов, настояний не только его ближайших сотрудников, но и, зачастую, неизвестных ему анонимных «доносителей», «прибыльщиков» [31] и «фискалов» [32]. Многие из этих мероприятий чуть не целиком списаны с готовых иностранных образцов, преимущественно шведских, другие же, каковы, например, бесчисленные доходившие до виртуозности способы податного обложения «подлого люда», введение «поголовщины» (подушного налога), значительнейшие из мер по финансовому и городскому благоустройству, искоренению казнокрадства и взяточничества, учреждение майоратов [33] и многое другое явилось несомненным следствием личных челобитий и «доносительных писем» к царю всякого рода «всенижайших радетелей пользы отечества».

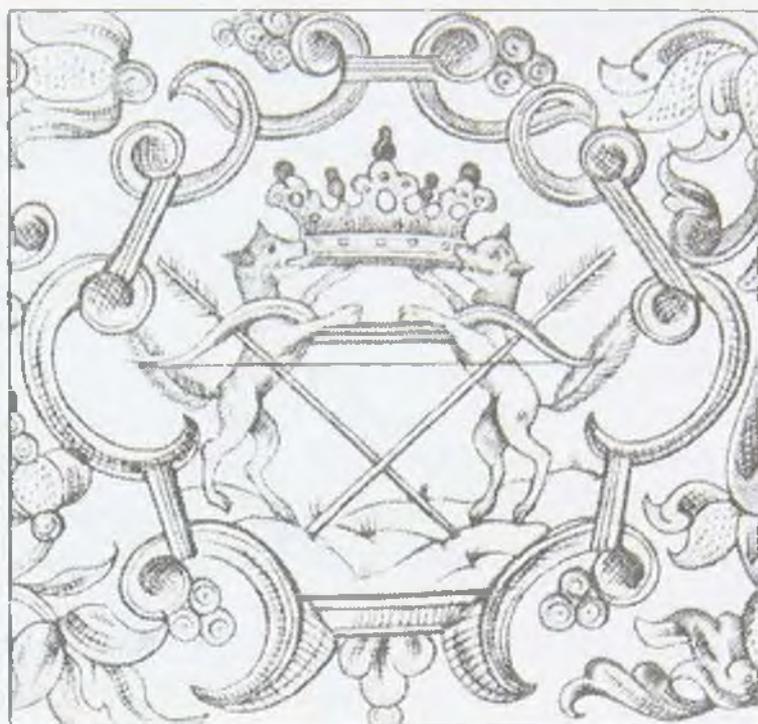
Это доказывается как сходством текста высочайших повелений, так и временем их издания, по сличению тех и других между собою. Имена и фамилии многих из этих радетелей и доносителей дошли и до нас. Из иностранцев, в числе их наиболее известны Фик [34] и Люберас [35], а из русских — Курбатов, Ершов, Посош-

ков, Филиппов, обер-фискал Нестеров, Салтыков и др. [36]. Советы Салтыкова, как оказывается, имели в последний период царствования Петра немалое значение и в устройении собственно Сибири, на которую Петр до этого времени имел взгляд лишь как на место ссылки неугодных ему людей и источник извлечения доходов для ведения бесконечных войн.

Вот, например, что писал царю Федор Салтыков 1 декабря 1712 года из-за границы по поводу Сибири и дел в Азии²⁰: «В Сибири, а также около Астрахани, Красного Яра следует искать минералов, красок и аптекарских специалов. В устье Енисея можно построить корабли и проехать кругом Сибири с целью поискать островов, которые бы можно было обратить в русское владение». Далее он советует систематическое завоевание Передней Азии, «в степи которых между Индиєю и между Тангутами [37] и Китаями, и Бухариєю, построить на путях к ним малыя фортеции и потому исподволь теми крепостьми подаваться к тем соседственным государствам и начать их воевать с Еркентию, Тарфаны (Турфаны) [38], от Казачей орды (Киргизии) и от Каракалпаков»²¹. Все это в действительности и было вскоре же осуществлено Петром при ближайшем участии и настоянии кн. Гагарина.

Ближайшее знакомство с делами Сибирского и Посольского приказов, хранящимися в Главных архивах Министерства юстиции и иностранных дел в Москве²², показывает, что и большинство других начинаний по устройению Сибири, осуществившихся в царствование Петра, не были не только плодом его личного почина и настояний, но даже и задуманы были не им, а задолго до появления его на политической арене.

Находясь еще в Москве, перед отправкою в Сибирь на губернаторство, Гагарин несомненно уже наметил общий план своего уп-

Герб Сибири. Из царской грамоты XVII в.

Из кн. Н.И. Никитина «Сибирская эпопея XVII в.». М., 1987.

²⁰ Ф. Салтыков находился в это время в Англии, куда был послан для покупки кораблей.

²¹ Милюков П. Указ. соч.

²² Ныне в РГАДА. — Прим. сост.

правления краем, обоснованный на семилетнем опыте президентствования в Сибирском приказе и личном знакомстве со страной за время поездок по ней и воеводства в Иркутске и Нерчинске. Лучше, чем кто-либо другой, он знал, до какой степени этот край обширен и вместе неблагоустроен, начиная с неопределенности и необеспеченности границ его, не только внешних, но даже и внутренних.

На западе район ведения Сибирского приказа и губернатора Сибири начинался далеко не доходя Уральского хребта, захватывая собою всю нынешнюю Пермскую губернию, по ту и другую сторону хребта, восточную часть Оренбургской, почти всю Вятскую и северо-восток Архангельской губернии. В самой Сибири южная грань ее условно считалась идущею севернее рек Камышлова (впадающей в Иртыш с запада) и Оми и далее вверх по Оби. Все Киргизская, Кулундинская и Барабинская степи, весь Алтай, часть Саяна, Семиречье и Туркестан еще не были нашими.

И в восточной части Сибири южная грань ее проходила далеко севернее, чем теперь. Нам не только не принадлежал еще весь Уссурийский край, но даже Приамурье, бывшее раньше русским, по Нерчинскому договору 1689 года в правление царевны Софьи отошло Китаю по Яблоновый хребет [39]. Побережье Великого океана восточнее Станового хребта и весь Чукотский край, хотя номинально и считались нашими, но фактически были мало досягаемы для русской власти.

Гагарину предстояло, не только сидя в Москве, но и отправившись в самую Сибирь, приняться, если не за расширение ее пределов, то за укрепление их и внутреннее устройство страны, на которую он смотрел не только как на колонию, долженствующую служить для метрополии источником извлечения доходов и ссылки элементов русского населения, признаваемых вредными для государства, но и как на страну, имевшую свое собственное население, интересы и потребности которого также надлежало в той или иной мере удовлетворить вне зависимости от того, приносило это какие-либо выгоды метрополии или нет.

Правда, население это в то время состояло из инородцев разных наименований и племен, в котором русское племя было лишь спорадически вкраплено гнездами в несколько десятков, сотен, редко тысяч человек. Главная масса русского населения, не считая европейских уездов Сибири, ютилась в бассейне рек Исети, Миасса, Туры, Тобола, Томи, Кети и нижнего течения Иртыша и Оби. Все остальное пространство страны представляло полупустыню, населенную почти исключительно остяками, тунгусами, бурятами, якутами, коряками, чукчами, другими бродячими и кочевыми инородцами.

По переписи 1710 года все русское население тогдашней Сибири состояло из 625385 душ обоего пола, из которых 85230 всякого рода служилых людей и 416700 душ обоего пола тяглых людей раз-

Представители сибирских народов. С гравюры XVII в.

Из кн. Н.И. Никитина «Сибирская эпопея XVII в.». М., 1987.

ных наименований. Из последних 31399 дворов, или семейств, имели оседлость в европейской части Сибирской губернии и только 28021 двор в азиатской. Численность инородцев не приведена была еще в известность, но несомненно превышала русское население собственно Сибири в несколько раз²³.

По времени своего вступления в русское подданство, или, как тогда выражались, «под высокую царскую руку», все эти инородцы были далеко не одинаковы. Одни, как вогуличи, пелымцы, туринские, тобольские и нижеиртышские татары и остяки, числились в нашем подданстве еще с «Ермакова пришествия», другие, как самоеды и часть тунгусов и якутов, состояли в этом подданстве не более ста, семидесяти и пятидесяти лет; третьи — того менее, а четвертые, как коряки, чукчи, некоторые из крайне восточных и северных тунгусов, бурят и саянских «кыргыз[ов]» [42] еще и не закончили процесс своего подчинения русским.

В общем же все они, и давние и новые, лишь сносили это подданство, а не дорожили им и при всяком удобном случае готовы были его сбросить и быть «как при Кучуме-царе» [43] — или жить по вольной воле, не платя чужеземцам ясака и не подчиняясь произволу сборщиков такового. Еще не далее как два-три-четыре года тому назад за время нахождения кн. Гагарина в Москве и управления им Сибирским приказом часть западных сибирских инородцев, подстрекаемых башкирцами ... отказалась от уплаты ясака и пристала к подстрекателям. Сами же башкирцы, предводимые од-

²³ Миллюков П. Указ. соч. С. 200–201. Цифры населения взяты из исследования г. Миллюкова, а не из «Исторического обозрения Сибири» [Кн. 1. М., 1838] П. Словова [40] и «Исторического очерка Сибири» [Т. 2. Иркутск, 1886.] В. Андриевича [41], как более верные и обоснованные на официальных данных переписи, а не на предположительных только.

ним из энергичных и родовитых своих старшин Айдаром, несколько лет держали весь приуральский край в страхе и разорении [44].

Конные шайки их, поддержанные частью киргиз-кайсаков, ногаев и сырдарьинских каракалпаков, тогда еще не бывших в русском подданстве, рыскали по краю, сжигали русские поселения, травя хлебные посева, отгоняя скот и забирая в полон или убивая самих русских жителей. Разорению подверглись не только русские поселения, внедрившиеся внутри самой Башкирии и Приуфимского края, но и прилегающие к ним чисто русские уезды по ту и другую сторону Уральского хребта, в Демидовских горных заводах, Верхотурском, Шадринском и Миасском уездах. Многие из таких грабительских шаек проникали даже в Тюменский, Тобольский и Курганский уезды Сибири, встречая здесь среди местных инородцев не только сочувствие, но нередко и содействие²⁴. Не говоря о войсках, расположенных тогда в восточной части Европейской России, но и все воинские силы, регулярные и казачьи, что находились в западной части Сибири, в Тюмени, Тобольске, Таре, Верхотурье, Кургане и восточном Приуралье, пришлось привлечь к делу усмирения башкирского мятежа.

К приезду Гагарина в Сибирь в 1711 году бунт был уже подавлен, но следы произведенных им разрушений оставались еще незаглаженными и незалеченными. Гагарину предстояло, отправляясь в Сибирь, возможно скорее все это поправить и залечить.

О тогдашних делах с восточно-сибирскими чукчами, коряками, юкагирами, камчадалами и саянскими киргизо-монголами скажем подробнее в VI главе²⁵.

Нельзя сказать, чтобы и само русское население тогдашней Сибири, вкрапленное более или менее спорадически в инородческую среду края, чувствовало себя здесь вполне хорошо. Не говоря о постоянной опасности от нападений, не только от внешних, но и внутренних неприятелей, оно и в собственной своей среде не было еще сколько-либо прочно сколочено и объединено общностью интересов и сознания единства верноподданства. Это была еще пестрая смесь разнообычных людей всех уездов бывшей своей родины, коренной России, частью уже обинородившихся в глухих таежных дебрях Сибири, частью попавших сюда не только по своей, но и по чужой воле.

Всероссийская перепись 1710 года по сравнению с таковою же 1678 года показала, вопреки ожиданиям, что благодаря непомерным тягловым требованиям царствования Петра, непрерывным

²⁴ О башкирском бунте см. ниже в главе V — [автором не написана. — Прим. сост.].

²⁵ Материал для главы был собран, но Г.К. написать ее не успел. — Прим. сост.

солдатским наборам и убыли пленными и убитыми за время войны со Швецией и Турцией, и особенно благодаря возросшему до небывалых размеров бегству в Запорожье, на вольный Дон и даже в Польшу, податное население государства за минувшие

К. Вещилов. *Протопоп Аввакум*

ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 13.

тридцать лет не только в общем не увеличилось, но наоборот, уменьшилось на 19%. Лишь дальние Казанская и Сибирская губернии за этот период времени увеличились, первая на 17%, а вторая на 48%, да и то, главным образом, за счет всякого рода беглых и ссыльных из Внутренней России. Собственно Сибирь в азиатской части за счет этого пришлого элемента усилилась даже на 169%²⁶.

Большей частью это был элемент населения, еще не вполне осевший на новых местах, полубродячий, или «гуляющий», как тогда выражались даже в официальной переписке, элемент малонадежный и недовольный всеми и вся во главе с самим царем Московским. Не говоря о беглых и гулящих людях, появление которых в крае истекало более или менее из личных обстоятельств, большинство подневольных переселенцев Сибири были не уголовные или гражданские преступники, а политические и сектанты.

Наиболее беспокойными и опасными в смысле нарушения народного спокойствия были стрельцы разных рангов с их семьями, сосланные сюда тысячами после известных волнений в правление царевны Софьи и после расправы с ними Петра в 1698–1699 гг. По словам известного исследователя ссылки в Сибирь С. Максимова, «не осталось в Сибири без ссыльных стрельцов ни одной крепости, ни одного острога, даже в таких неудобных и далеких, как Удский, Анадырский, Колымский, Охотский, Илимский, Балачанский и Тункинский»²⁷.

Почти столь же опасными являлись и ссыльные расколотчики и их последователи противониконианцы, староверы. Враждебное правительству положение занимали и сосланные с

²⁶ Милюков П. Указ. соч. С. 200, 201.

²⁷ Максимов С. Сибирь и каторга. Кн. 3. СПб., 1871.

Тобольский кремль

Фото В. Сухарева

Украины мазепинцы, уцелевшие от царской расправы соучастники атамана Булавина с Дона, подневольные пленники шведы, захваченные русскими войсками и высланные в Сибирь подальше от театра военных действий. Находясь обыкновенно не под арестом, а лишь на поселении под надзором мес-

тной администрации, люди всех этих вольных и подневольных категорий имели полную возможность не только выражать свое неудовольствие на порядки и людей, поставивших их в такое положение вдали от родных мест, но и открыто проповедовать это неудовольствие с прямым иногда вызовом к восстанию против властей-насильников, не исключая и самого царя, публично обзываемого «самозванцем» и «антихристом».

«Какой он царь, — говорили многие из них в раздражении, — где его царский венец и порфира?» — «Где это видано, — говорили другие, — чтобы настоящий царь с топором в руках и трубкой в зубах работал, как корабельный мастер, одевался и курил, как немец, пил водку, как солдат, ругался и дрался, как гвардейский офицер?» — «Какой он царь, — добавляли третьи, — как Господь его нам на царство послал, одна тягота миру пошла, рубли да полтинники, да подводы, да солдатчина, отдыху рабочему человеку нет!» — «Мироед, — заключали четвертые, — весь мир переел, все добрые головы перевел, только на него, кутилку, переводу нет» и т.д.²⁸

Ненависть и изуверство сектантов православия, предводимых такими находившимися в Сибири расколоучителями, как знаменитый протопоп Аввакум [45], поп Лазарь [46] и др., доходила, как известно, до мученического ради Христовой истинной веры и царства небесного самосожжения сотнями и даже тысячами правоверных²⁹.

²⁸ Ключевский В. Указ. соч. Т. 4.

²⁹ Буцинский П. [47] Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893; Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883; Андриевич В. Указ. соч.

Воинствующие приверженцы «древляго» благочестия демонстративно на виду у всех проявляли свое пренебрежение к требованиям и уставам господствующей церкви. Сектанты шли еще дальше, позволяя себе даже прямые надругательства над самыми высшими ее представителями и Святыми Таинствами, как это было, например, с митрополитом Тобольским Павлом [48], который был публично в кафедральном соборе обруган во время пасхальной заутрени, а принятые из рук православного священника Святые Дары тут же, не выходя из церкви, выплевывались раскольниками на пол и топтались ногами.

Политическая шаткость сибирской окраины не миновала и служилого населения края, часть которого в лице стрельцов была наравне с московскими приверженцами царевны Софьи расформирована, а коренные казаки, потомки и преемники завоевателей страны, стали на общем основании верстаться в солдаты и драгуны [49]... Правда, до открытого мятежа на этой почве недовольства мало где доходило, но ропот был. Уравнение казачьей службы с общесолдатскою сибирские казаки не без основания считали незаслуженною ими обидою себе, граничащею с нарушением их прав, давностью освященных. Такова была Сибирь и таково было положение в ней дел, когда князь Матвей Петрович Гагарин после пятнадцатилетнего отсутствия из нее и восьмилетнего заочного заведывания ее делами в Сибирском приказе, вновь был отправлен туда в половине лета 1711 года. Он хорошо знал куда, на что идет и что ему предстоит делать.

Глава II

Жизнь и деятельность кн. Гагарина в Тобольске

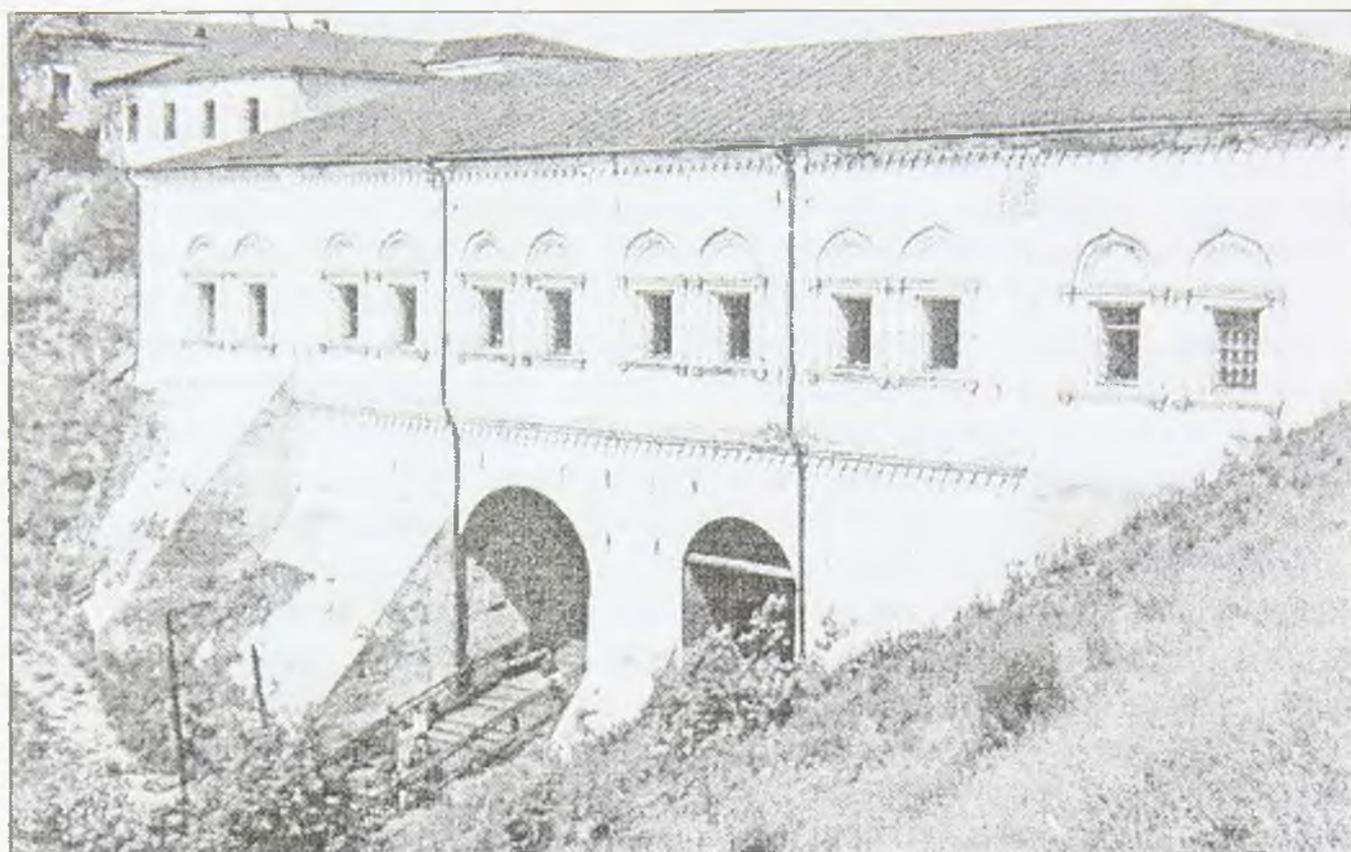
Следование и проезд в столицу Сибири. Ближайшие духовные и светские сотрудники. Дружба с митрополитом Иоанном (Максимовичем). Частная и общественная жизнь князя в своей резиденции. Щедрость и благотворительность. Отношение к местным ссыльным раскольникам, мазепинцам и пленным шведам. Покровительство просвещению, искусству и промышленности. Постройка каменного кремля. Отвод реки Тобола в новое русло. Оружейный и орудийный заводы в Тобольске. Легенда о сепаратных устремлениях.

Только через три года после назначения на должность сибирского губернатора кн. Гагарин получил фактическую возможность двинуться из Москвы в Тобольск — давнюю резиденцию главных правителей Сибири. Отправился кн. Матвей Петрович к месту своего сибирского служения не один. Вместе с ним туда же из Москвы выехала и его многолюдная «походная канцелярия», фактически заменившая теперь полурасформированный московский Сибирский приказ и перешедший в ведение Гагарина приказ Рудных дел, не говоря о массе лиц, состоявших лично при князе в качестве его свиты, дворни, конюших и проч., и проч.

Следование столь многолюдного эскорта служащих первого «Губернатора всея Сибири» обставлено было царственной пышностью. Судно, на котором он с ближайшею свитою плыл по Туре и Тоболу от Верхотурья, было обито внутри красным сукном и бархатом, а снаружи изукрашено всяким «узорочьем». Всюду подготавливались народные депутации от попутных городов и сел, подносились хлеб и соль, говорились приветственные речи, расспрашивалось о нуждах населения, давались указания и обещания и проч³⁰.

В Тюмени кн. Гагарин навещил бывшего митрополита Тобольского и Сибирского Филофея (Лещинского) [1], за год перед этим сложившего с себя свое высокое звание и принявшего схиму [2] под именем старца Феодора. Схимник, проживавший в одном из местных монастырей, собирался уже было совершенно удалиться от мира и в помыслах о спасении души провести остальные дни своей жизни, как проезд энергичного всесибирского губернатора заставил его

³⁰ Словоцов П. Указ. соч.

Рентерея. Тобольск. 1969

Фото А. Мусина

совершенно изменить свое решение. Гагарин напомнил ему, для чего старец по требованию царя вызван был десять лет тому назад из Киево-Печерской лавры на митрополичью кафедру в Сибирь и о чем ему царь вновь повторял год назад. «Твое дело, — говорил Гагарин, — быть здесь среди инородцев проповедником святой веры Христовой, и ты должен исполнить эту святую миссию». Обещая старцу всякое со своей стороны материальное и административное содействие в этом деле, он убедил его оставить свое тихое пристанище при монастыре и взяться за хлопотливое миссионерское дело, что тем и было исполнено...³¹

До нас не дошло определенных сведений прибытия кн. Гагарина в самый Тобольск и о том пышном церемониале вступления в должность, которым всегда обставлялось это вступление. Есть основания думать, что это было в начале октября [3], когда река Иртыш еще свободна ото льда. А церемониал вступления в губернаторство со свойственным новому губернатору умением обставлен особою торжественностью с митрополичьим служением в кафедральном соборе, принятием городских ключей и печати «царства Сибирского» в присутствии всех наличных войск в парадной форме и инородческих deputаций от ближайших ясачных волостей. Так водилось по наказам из Сибирского приказа еще при воеводах, а теперь тем более было уместно, что

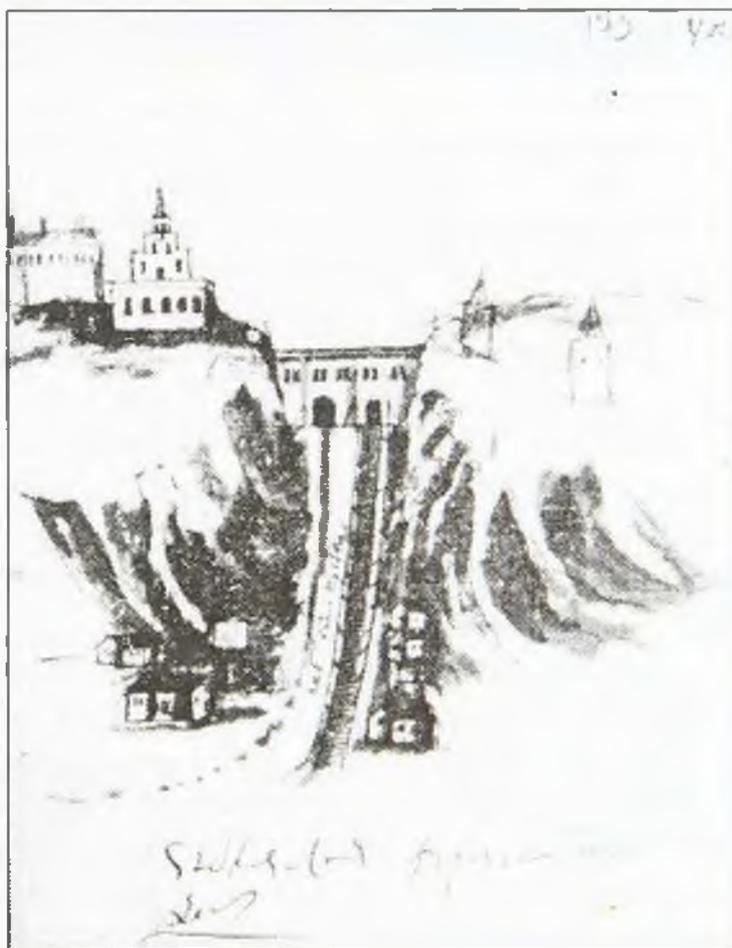
³¹ Сулоцкий А. [4] Филофей Лешинский, митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских инородцев. Омск, 1882.

Гагарин являлся уже начальником не одного Тобольска и ближайших к нему городов, как было ранее, а всей Сибири.

И в последующие годы своего пребывания в тогдашней столице Сибири кн. Гагарин всегда считал необходимым держать себя на высоте своего исключительного положения. Предания о времени его пребывания в Тобольске живут среди местных обывателей и до сих пор. Ходят целые легенды о его пышных выездах в каретах с колесами, обтянутыми серебряными шипами и подбитыми золотыми гвоздями, об устройстве его палат, обитых внутри шелками и бархатом, о пирах на весь мир с угощением народа винами и яствами и бросанием толпе из окон губернаторского дворца пригоршней серебряной и золотой монеты, о его ласке и приветии к людям и благотворительности к нищей братии и т.д.

По отзыву одного из иностранцев, Блюгера, оставившего записки о своем пребывании в России в петровские времена, в Сибири Гагарина боготворили за его щедрость и доброту. «Одним пленным шведам, проживавшим в Тобольске и других городах Сибири, по тому же свидетельству, было роздано им из собственности более 15000 рублей³².

В первые дни пребывания в Тобольске новый губернатор обратил внимание на его неблагоустроенность и со свойственной ему энергией принялся за исправление неисправностей и перестройку общественных и казенных сооружений. Пользуясь пребыванием в городе дешевых и сведущих мастеров из числа пленных шведов, он, согласно указаниям, данным им еще в бытность президентом Сибирского приказа, приступил к перестройке старой деревянной крепости и замене ее на горе новой каменной, на манер кремлевской, зубчатую стеною, начиная от берегов Иртыша, до каменного гостиного двора с воротами

Вид Прямского взвоза и части кремля в Тобольске. 1713 г.

Рис. неизвестного автора. РГАДА

Из кн. А.Н. Копылова «Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX в.». Новосибирск, 1974.

³² Корсакова В. Указ. соч.

Троицкими и Воскресенскими, а над спуском с горы башню на трех арках, известную доныне под названием «Шведской»³³ [5].

Надо иметь в виду, что тогда только что подавлено было восстание башкир, в набегах своих на русские деревни доходивших почти до Tobольска [6]. Не были спокойны и другие инородцы Сибири, как севернее Tobольска, так и в окрестностях Томска, не говоря о далекой Камчатке, где борьба за господство в крае велась наиболее энергично. Подробнее об этом будет сказано в следующих главах настоящего исследования.

Одновременно с этим, через посредство тех же пленных, Гагариным произведено перемещение устья реки Tobол, впадающего в Иртыш при городе. Прежде устье Tobола находилось против нагорной части — против зданий нынешних губернских присутственных мест. Здесь воды Tobола делали быстрый напор на Иртыш, отчего волны последнего, ударяя в крутой обрыв горы, подмывали подошву ее до такой степени, что громадные глыбы ее ежегодно обрушивались в воду. В предупреждение могущего произойти от этого несчастья и крушения зданий сколочены были сначала деревянные сваи, а когда это не помогло, прорыт был канал из Tobола в Иртыш выше города на три версты и здесь образовалось существующее теперь устье реки Tobола³⁴. Вышневолоцкий строитель шлюзов и водных каналов сказался и в Tobольске.

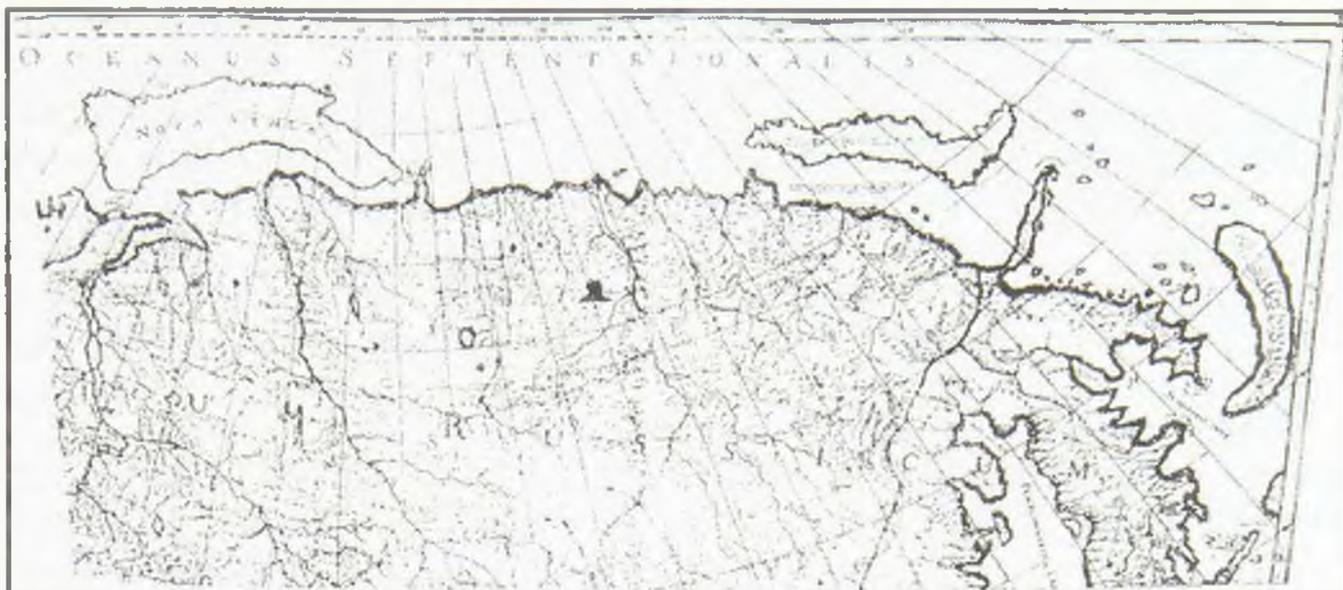
Использование технических и иных познаний пленных шведов в применении к работам на пользу Сибирского края, как и ранее в Москве, видимо, обращено было Гагариным в систему. Мы их видим за его время везде, где требовались специалисты, которых не было или не хватало в числе русских мастеров. Пользуясь достаточною свободою и покровительством губернатора, шведы имели возможность проявить свои знания, вкусы и сравнительную образованность всюду, где представлялась возможность³⁵.

Они заводили фабрики и мануфактуры, кустарным способом выделывали разные вещи из серебра, вытачивали из мамонтовой кости табакерки и коробки (промысел, с их легкой руки державшийся в Tobольске и доселе), шлифовали дорогие каменья, вырезали печати, делали игральные карты и проч. Ротмистр Гилль (?) был в Tobольске отличным красильщиком, ротмистр Раддеборг вышивал золотом и серебром шапки и чепраки. Корнету Эннесу князь Гагарин заказал сделать для своей громадной залы шелковые обои с золотыми и серебряными цветами и для исполнения этой работы доставил ему все нужные материалы, обещая заплатить по одному рублю за каждый

³³ *Словцов П.* Указ. соч.

³⁴ Путешествие на Восток Наследника Цесаревича Николая Александровича в 1890—1891 гг. Автор-издатель кн. Э. Ухтомский. Т. 3. СПб., 1897. // По Tobольской губернии.

³⁵ *Словцов П.* Указ. соч.

Карта Сибири Сталенберга (деталь)

Из кн. «Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв.». М., 1964.

локоть. Этот огромный и медленный труд потребовал пособия нескольких рук, и поэтому Эннес приискал себе помощников: ротмистра Маллина и корнетов Горна и Барри. Проработав таким образом несколько месяцев, они так поправили свои денежные дела, что могли каждое воскресенье угощать у себя обедом до 12 человек из своих бедных товарищей, не знавших никакого ремесла. В числе прочих шведов были музыканты, учителя танцевания, актеры и пр.³⁶ ...³⁷

Капитан фон Врех в 1713 году завел в Тобольске школу, где обучались дети шведов и многих из русских состоятельных людей. К концу губернаторства Гагарина в школе этой было уже до 150 учащихся. Капитан Страленберг [7], автор известного сочинения о России, в продолжение своего плена в Сибири ездил по этой стране с разрешения Гагарина для производства топографических съемок и нанесения их на карту, которую по окончании отправил в Москву, а по возвращении в Швецию в 1730 году издал в Любеке³⁸.

Основанный в Тобольске еще в бытность президентом Сибирского приказа А. Виниуса оружейный завод поддерживался его преемником, а по прибытии в Тобольск даже усилен пристройкою нового отделения, где производилось, говорят, даже литье пушек и чугунных снарядов к ним. Мастера были выписаны из тульских демидовских оружейных заводов, а чугун подвозился (сплавлялся) с их же Невьянских заводов Верхотурского уезда.

К заводам прикомандированы были и многие из сведущих в этом деле шведских пленников, из числа которых особенно выда-

³⁶ Ухтомский Э. Указ. соч. Ст. Гройницкого.

³⁷ Опущена утраченная фраза из текста. — Прим. сост.

³⁸ Пытин А. Сибирь и ее исследования. Вестник Европы. 1888. № 4 и др.

вался капитан Ренат [8], знаниями которого Гагарин в 1715 году воспользовался при снаряжении экспедиционного отряда Бухгольца, отправленного вверх по Иртышу в Джунгарию [9]. Состоя в этом отряде с некоторыми из своих товарищей в звании артиллерийского техника, он при Ямышеском озере был захвачен джунгарами в плен и увезен в ставку контайши [10], где по заказу последнего также занимался некоторое время отливкой пушек и по требованию русского правительства вновь возвращен в Россию³⁹.

С не меньшим искусством и вниманием утилизировалось и обезвреживалось при Гагарине пребывание в стране ссылки и других подневольных ее обитателей, каковыми были, как будет сказано подробнее в следующей главе, кроме шведов, уцелевшие от казней в Москве стрельцы, высланные с Украины приверженцы восставшего Мазепы, пленные «черкасы» и поляки, ссыльные и беглые русские старообрядцы и раскольники и всякого рода гулящие люди. Следуя уже издавна установившемуся в Сибири порядку, Гагарин старался по возможности примирить этих высланцев с постигнутою их участью. Многие из них определились на службу в конные городовые казаки так называемого «литовского списка», другие — в служилые черкасы [11], третьи приставлялись к письменным делам при воеводских и комендантских канцеляриях и в мере своих заслуг получали жалованье, и возводились даже в звание детей боярских, пятидесятников, приказчиков и атаманов.

Нельзя не отметить в числе их одного из видных мазепинцев, бывшего при гетмане полковником охочекомонного полка Григорья Новицкого. Женатый на родной сестре Орлика, известного сподвижника гетмана, Новицкий явился ревностным его последователем. Мазепа даже назначил его своим резидентом при великом коронном гетмане Польши Синявском. Новицкий совместно с пятнадцатью ближайшими своими помощниками казаками по обнаружении измены был в 1712 году сослан в Тобольск и здесь поверстан в службу. Потомки его живут и доселе в Сибири. Обласканный Гагариным и определенный им в состав лиц ближайшей свиты бывшего митрополита Сибирского Филофея Лещинского (также малоросса по происхождению), Новицкий сделался ревностнейшим его в течение нескольких лет сотрудником по проповеди христианства среди сибирских инородцев.

Сочинение его «Краткое описание о народе остяцком», написанное, по-видимому, около 1718 года и тогда же переведенное на некоторые из иностранных языков (шведами, проживавшими в Тобольске), составляет драгоценнейший для науки вклад в познание эволюции верований и быта этого народа с самого начала нашего с ним знакомства и покорения.

Посвящая свое сочинение покровителю наук князю Гагарину, по поручению которого оно и написано, Новицкий в витиеватом

³⁹ *Капитан Уиковский* [12]. Тарский казачий голова Иван Чередов.

предисловии к нему возносит заслуги сибирского губернатора пре-
 выше небес, говоря, что они «могут наполнить славою своею всю
 подсолнечную», и в заключение, намекая на проникший в Сибирь
 слух о предании князя суду по наветам недобрых людей, добавляет:
 «С раболепным преклонением приношу сумления и ужаса испол-
 нен яко недовольство есть против величества дел сиятельства ва-
 шего, сиятельнейший и благородный князь»⁴⁰.

Косвенное подтверждение того, что покровительство Гагарина
 всякого рода людям, «в науках и искусстве сведущих», не замедлило
 принести свои плоды, мы видим, между прочим, в показании одно-
 го из участников знаменитой академической экспедиции в Сибирь
 Иоганна Георга Гмелина [13], посетившего Тобольск в 1733 году,
 т.е. через 12 лет после того, как Гагарин был осужден и повешен.

Гмелин пишет в своем путевом дневнике о Тобольске: «Город этот
 имеет очень много жителей; из них почти четвертая часть — татары.
 Остальные русские, но большею частью такие, которые или сами были
 сосланы сюда за свои преступления, или происходят от предков, выс-
 ланных сюда по той же причине. Так как все здесь чрезвычайно деше-
 во — так что простой человек
 легко может прожить здесь на
 10 рублей — то здесь в выс-
 шей степени господствует
 порок лени. Несмотря на то,
 что здесь *есть всякие ремес-
 ленники, которые в состоянии
 [сделать] почти все, что мо-
 жет потребоваться*⁴¹, добыть-
 ся этого трудно».

Нам не удалось выяс-
 нить, насколько покрови-
 тельство, оказываемое кн.
 Гагариным развитию в То-
 больске и Сибири вообще
 всякого рода искусств и ре-
 месел, являлось исключи-
 тельно делом его как выда-
 ющегося администратора и
 государственного человека и
 насколько это являлось
 следствием прямого или
 косвенного его участия в
 делах своего родственника,

*Иоанн Максимович, митрополит
 Тобольский и всея Сибири.*

ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1255.

⁴⁰ Пытин А. Указ. соч.; Сулоцкий
 А. Указ. соч.

⁴¹ Выделено Г.К. — Прим. сост.

тогдашнего вице-канцлера Шафирова, на дочери которого был женат сын Гагарина. Дело в том, что в одной из жалованных грамот царя Петра⁴² Шафирову в компании с тайным советником Толстым [14] на особо льготных условиях решено было, «присовокупя к себе иных компанейщиков», «заводить и учреждать фабрики и рукоделья всяких золотых, серебряных, шелковых и шерстяных парчей и штофов, також бархагов, атласов, камок и тафт и иных всяких парчей, какого б имени оные иметь не могли, також лент и галунов золотых и серебряных и шелковых и чулков всяких рук [...], в Санкт-Петербурге, також и на Москве и других городах государства Нашего, где они те заводы завести заблагорассудят».

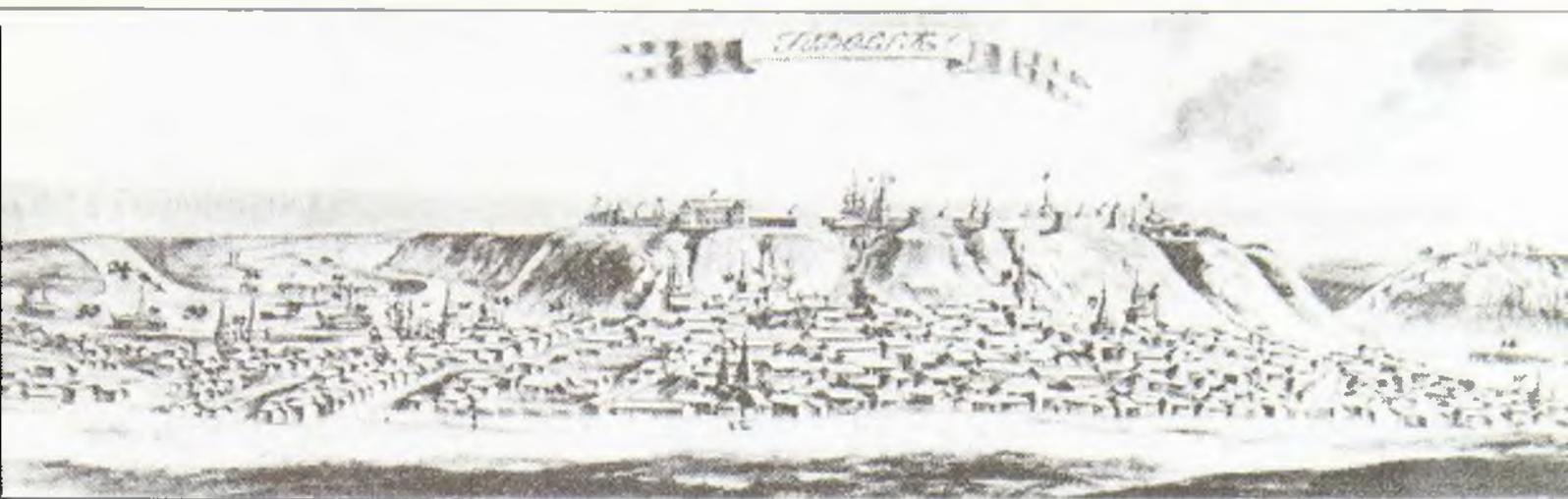
Трудно допустить, чтобы Гагарин при своем родстве с Шафировым, своем богатстве, пристрастии к искусствам этого рода, имея под рукою таких искусников, как шведы, не воспользовался бы их услугами для развития этого дела в Тобольске как «компанейщик» своего свата.

По-видимому, тех же, как и Гагарин, взглядов на положение тогдашних сибирских дел и отношение к разноплеменному и разносортному населению страны [придерживались] и современники и совластники его по управлению ее, проживавшие в Тобольске митрополиты «всея Сибири» бывший Филофей (схимник Феодор) и за несколько месяцев перед Гагариным прибывший туда Иоанн (Максимович) [15], недавно канонизированный и причисленный к лику святых. Оба они по рождению были малороссы и оба питомцы Киевской духовной академии. Митрополит Иоанн сам был не чужд духовного писательства.

Большинство его сочинений имели характер духовно-нравственных бесед и толкований на евангельские темы, но одно, носящее название «Феатр нравоучений, или Нравоучительское зеркало для царей, князей и деспотов», входило прямо в области государственной политики. Судя по этому сочинению, можно предполагать, что святитель Тобольский не был сторонником безусловного абсолютизма, и при всем уважении к личности современного ему великого преобразователя России, со скорбью сознавал и чувствовал его увлечения, промахи и выходящую из ряда вон жестокость и неумолимость по отношению к людям, не разделявшим его взглядов; не говоря уж о тех, которые дерзали противодействовать им.

По-видимому, он сходиллся в этом отношении с сибирским губернатором, которого соединяла с ним глубокая дружба, простиравшаяся до возбуждения ходатайства чрез блюстителя Патриаршего Престола Стефана Яворского [16] о помиловании одного из ближайших родственников митрополита по фамилии Максимович (также Иоанна), причастного к делу Мазепы, и назначении на должность переводчика и лексикографа при недавно еще находившемся в ведении кн. Гагарина Московском печатном дворе.

⁴² ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3089.

Панорама Тобольска. С гравюры XVIII в.

Из кн. «История Сибири». Т. 2. М., 1968.

Сам митрополит Иоанн, как известно, находясь на Украине, пользовался особым вниманием павшего гетмана. Как бы то ни было, но дружба двух высших правителей Сибири практически сказалась в ревностнейшем содействии князя во всех мероприятиях митрополита по устройению своей необъятной епархии, простиравшейся от реки Камы до Великого океана.

Строение церквей, покровительство монастырям и духовенству, миссионерское дело не только в пределах Сибири, но и за Великою Китайскою стеною⁴³, комплектование Тобольской славяно-латинской митрополичьей школы учениками светского звания, пополнение архиерейского хора прекрасными певцами из числа «служилых украинцев», помощь вообще страждущим и проч. — всегда встречали в кн. Гагарине преданнейшего сотрудника митрополита. В виде знака особого своего расположения к митрополиту Иоанну кн. Гагарин сделал вклад в митрополичью сборную ризницу в виде хранящейся в ней и до сего времени драгоценной митры, стоимостью до 40000 рублей [17].

Ему же, Гагарину, как самому близкому к митрополиту лицу, пришлось и в день смерти последнего (10 июня 1715 г.) вскрыть двери той кельи, в которую тот удалился в последний раз для молитвы и не вышел уже из нее. Взломав замок запертой двери и войдя в келью митрополита, князь Матвей Петрович нашел его, как говорят, стоящим на коленях в молитвенном положении пред образами, но уже мертвым.

Желая почтить память усопшего особо торжественным погребением, кн. Гагарин немедленно же распорядился известить о его смерти бывшего митрополита Тобольского старца Феодора, находящегося тогда с миссией среди вогулов на Конде, приглашая его совершить чин митрополичьего погребения. Что тем и было исполнено. Митрополит Иоанн был погребен в пределе Успенского собора, где и покоился до 1916 года, когда по причислении его Св. Синодом к

⁴³ См. об этом подробнее в гл. IV «Дела христианского просвещения».

лику святых торжественно переложен был на новое место упокоения в самом соборе, в особо изготовленную усердием почитателей раку.

Не таков был, как мы знаем, конец [...] князя и оценка его заслуг пред потомством. Наше дело — в дальнейшем изложении восстановить в глазах потомства эти заслуги и реабилитировать память его от наветов всякого рода «доносителей», завистников и угодников предержавших властей.

Фактическое пребывание кн. Гагарина собственно в Тобольске за все его девятилетнее губернаторство в Сибири, несмотря на неизгладимую память, оставленную им в сибирской столице того времени, было весьма непродолжительно: всего не более четырех лет, да и те неизвестно, проведены ли им в самом Тобольске или где-либо в другом месте вверенной ему губернии. Все остальное время он находился вне Сибири.

Более полутора лет после назначения губернатором он, как уже говорено раньше, оставался в Москве при сдаче многочисленных своих дел по исправляемым им здесь должностям и расформировании Сибирского и Горного приказов, прибыв в Тобольск в конце 1711 года, он уже весной следующего года, по своей ли воле, или по вызову царя, вызывается внутрь России, где и пребывает все лето, частью в Москве, частью во вновь строящейся столице, а частью, как мы уже видели, занимается осмотром начатых им постройкою водных каналов, соединяющих Балтийское море с Каспийским и Черным.

Тобольский кремль. 1969 г.

Фото А. Мусина

В начале 1714 года мы его вновь видим в Москве и Петербурге, хлопочущим перед царем и Сенатом по сибирским делам. Только в половине следующего, 1715 года он возвращается в Тобольск и остается здесь до 1717 года, когда вновь уезжает в Петербург, вызванный царем для участия в разборе дела царевича Алексея Петровича, и остается там, числясь губернатором Сибири, до отрешения от должности в 1719 году и казни в 1721 году.

Значит, пять лет (из девяти), будучи губернатором Сибири, он жил вне ее. Невольно рождается вопрос: чем объяснить такую кажущуюся ненормальность? Во всяком случае, не нерадением князя о вверенном ему обширном крае, ибо с одной стороны, полгода, по меньшей мере, до отправки в Сибирь и полтора последних года, во время производства над ним следствия и суда в Петербурге, проведены им вне Сибири не по собственному его желанию, а с другой стороны — большой еще вопрос, где было по условиям тогдашнего времени более полезно для Сибири пребывание ее губернаторов, в Тобольске или в Москве, где чаще всего проживал Гагарин, находясь вне Сибири?

Не надо забывать, что по указу от 18 декабря 1708 года о разделе России на 8 губерний в состав Сибирской губернии вошло не одно только Зауралье, называемое Сибирью, а и часть Европейской России, прилегающая к западному склону Уральского хребта, т.е. вся нынешняя Пермская губерния, большая часть Вятской и восток Архангельской с городами: Пермью Великой, Кунгуром, Чердынью, Соликамском, Кайгородом, Яренском и Вяткой с четырьмя пригородами. Вся эта западная часть Сибирской губернии, хотя по площади, занимаемой ею, была значительно меньше восточной, но зато (как об этом подробнее будет сказано далее) значительно больше ее по населению. Попасть в эту более населенную часть Сибирской губернии или сноситься с нею гонцами и письменно было несравненно более удобно и скорее из Москвы, а не из Тобольска.

Что же касается до Восточной Сибири собственно, то для нее вообще и, в частности, для таких городов, как Енисейск, Красноярск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Якутск и далее побережья Охотского моря и Камчатки с их Анадырским, Колымским, Охотским, Илимским и другими недосыгаемыми острожками, решительно безразлично было, где проживает их губернатор, в Тобольске или в Москве — и до первого, и до второй одинаково было далеко. Москва, может быть, была предпочтительнее тем, что оттуда можно было ожидать скорее решительного и окончательного ответа, так как там же кроме губернатора находился нередко и царь, и Сенат, и другие влиятельные лица, как замедлявшие, так и ускорявшие ход всяких дел.

С другой стороны, и губернатору, находясь в Москве, сподручнее было проводить наиболее важные дела лично, а не посылать их из Тобольска с оказией. О личном объезде сколько-либо отдаленных мест такой необъятной губернии, какова была Сибирская, нечего было и

думать при тех путях сообщения, какие тогда существовали, когда на проезд от одного конца Сибири до другого, при самых благоприятных условиях, требовался год и более. При таких условиях приходится, по-видимому, больше удивляться не тому, что князь Гагарин так долго проживал за время своего губернаторства в столицах, а тому, почему он, имея в Москве великолепные дома и влиятельнейшее родство, связи и знакомства, проживал там так мало. Нет следствия без причины. Несомненно, все только что изложенное было учтено и взвешено своевременно, а сообразно с этим и поступалось.

Как бы то ни было, но одно не подлежит сомнению, что никто из современников Гагарина не знал так управляемого им края, как он сам. Знал его лично, несколько раз следуя туда из Москвы через Верхотурье, Тюмень и Тобольск по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Енисею на Иркутск и Нерчинск и обратно, знал через многочисленных своих родственников, воеводствовавших в Сибири, знал и по делам Сибирского приказа, которым правил 8 лет перед этим. Лучше, чем кто-либо другой, знал он, до какой степени этот край обширен и вместе с тем неблагополучен, начиная с неопределенности и необеспеченности границ его. На западе, как сказано, в европейской своей части он лишь условно граничил водоразделом рек, вливающихся в Северный Ледовитый океан и Белое море, и левого притока Волги с одной стороны и средними отрогами Уральского хребта и верховьями рек Камы и Вятки с другой.

На юге низовьями этих же рек южнее городов Вятки и Кунгура и далее в собственной Сибири на восток средним течением притоков Иртыша, Тобола и Ишима, чрез самый Иртыш севернее реки Оби до р. Оби, несколько южнее нынешнего города Новониколаевска⁴⁴. Далее и эта условная грань терялась в ее совершенной неопределенности. Ни Киргизские степи с среднеазиатскими ханствами, ни Барабинская и Кулундинская степи, ни даже Алтай и Саяны русским еще не принадлежали. И в восточной части Сибири южная грань ее проходила далеко севернее, чем теперь. России не принадлежал еще весь Уссурийский край, но даже и Приамурье, бывшее раньше русским, по Нерчинскому договору 1689 года отошло к Китаю по Яблонный хребет. Побережье Охотского моря восточнее этого хребта и весь Чукотский край, хотя номинально и принадлежали России, но фактически были малодоступны для русской власти.

Неопределенность границ, естественно, порождала массу недоразумений между соседственными народами и спор, часто временно переходивших в открытый бой. Первому всесибирскому губернатору предстояла трудная задача умиротворения этих соседских недоразумений — в одном случае, подавления их силою — в другом, укрепления границы — в третьем и занятия чужих земель — в четвертом.

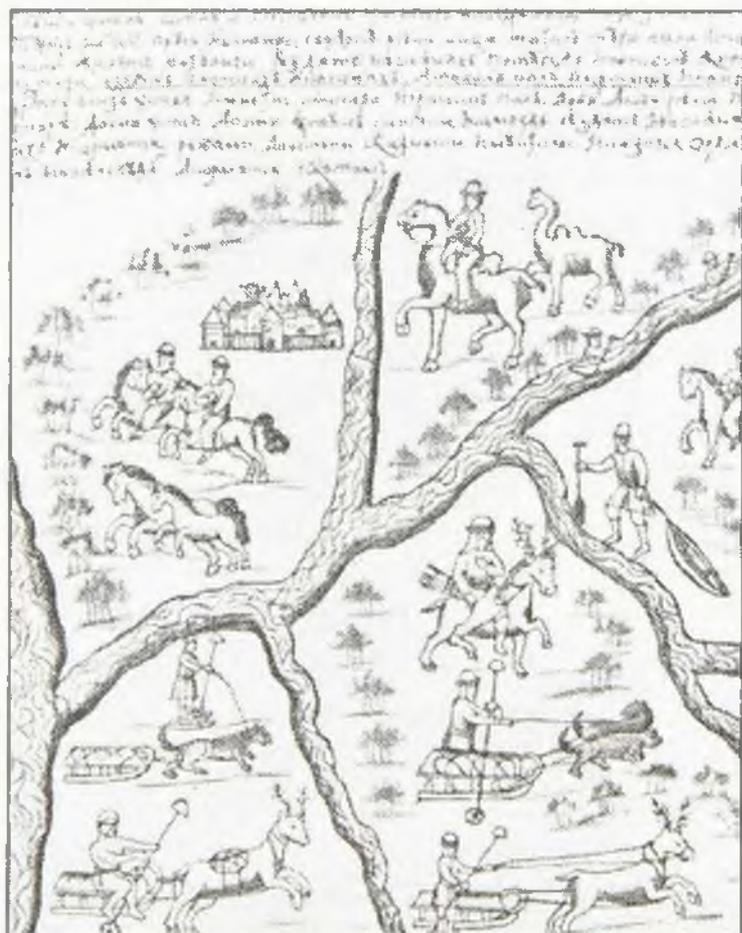
⁴⁴ Ныне — Новосибирск. — Прим. сост.

Не лучше было и внутри самой страны, необычайно пестро заселенной всякого рода инородцами и переполненной сравнительно ничтожным числом русских ее старожилов, всякого рода вольными и подневольными выходцами и высланцами из внутренней России.

Главная масса русского населения, не считая европейских уездов Сибири, ютилась в бассейнах рек Исети, Миасса, Туры, Тобола, Кети и нижнего течения Иртыша с Обью. Все остальное пространство страны представляло полупустыню, населенную почти исключительно остяками, тунгусами, якутами, бурятами, коряками, чукчами и другими малочисленными бродячими инородцами финского и монгольского племени.

О жизни и деятельности [Гагарина] в губернаторской резиденции края — Тобольске было уже сказано в предыдущей главе. Посмотрим теперь, в чем эта деятельность сказалась по отношению ко всему вверенному ему царем необъятному разноплеменному и, можно сказать, еще совершенно дикому в те времена краю. Постараемся при этом разобраться по возможности и в том, что в этой деятельности было проявлением государственного ума и личной инициативы самого князя Гагарина и что, прямо или косвенно, исходило от царя Петра.

До сих пор за ореолом, окружавшим личность великого преобра-

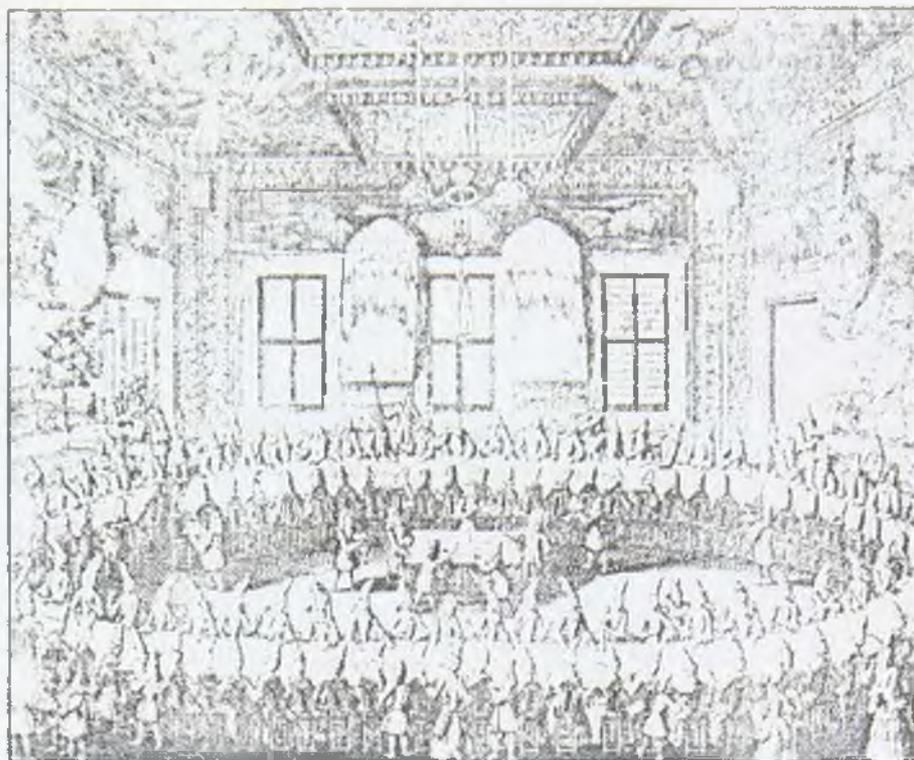
Способы передвижения в Сибири

Из Ремезовской летописи
(конец XVII — начало XVIII в.)

завателя России, историки наши плохо обыкновенно различали дела ближних и дальних его сотрудников, сплошь и рядом смешивая их с делами самого Петра и приписывая их всецело последнему. Это, как показывают новейшие, более вдумчивые исследования той эпохи, далеко не всегда соответствует истине и потому требует поправки. Благодаря раболепно созданному вокруг личности Петра ореолу его заслуг пред Россией, остаются до сих пор недостаточно оцененными заслуги других, одновременно с ним работавших на пользу той же России его современников. Только благодаря этому же обстоятельству остаются до сих пор почти совершенно неизвестными заслуги кн. Гагарина и, наобо-

рот, так прославлены его вольные или невольные прегрешения.

П.Н. Милюков, подводя итоги частотворенным отлучкам Петра Великого из его столицы и России, вообще, между прочим пишет о рассматриваемом здесь периоде следующее: «Тотчас после Полтавской победы (27 июня 1709 г.) поднялся престиж России за границей. Из Полтавы Петр едет прямо на свидание с польским и прусским королями; в середине

А.Ф. Зубов. Свадьба Петра I и Екатерины*. 1712 г.

Из кн. М. Алексеевой «Гравюра петровского времени». Л., 1990.

декабря 1709 года он возвращается в Москву, но в середине февраля 1710 года снова ее покидает. Половину лета до взятия Выборга он проводит на взморье, остальную часть года — в Петербурге, занимаясь его обстройкой и брачными союзами племянницы Анны Иоанновны с герцогом Курляндским и сына Алексея с принцессой Вольфенбюттельской.

17 января 1711 года Петр выехал из Петербурга в Прутский поход, затем прямо поехал в Карлсбад для лечения водами и в Торгау для присутствия при браке царевича Алексея. В Петербург он вернулся лишь к новому году. В июне 1712 года Петр опять покидает Петербург почти на год. Он едет к русским войскам в Померанию, в октябре лечится в Карлсбаде и Теплице, в ноябре, побывав в Дрездене и Берлине, возвращается к войскам в Мекленбург, в начале следующего, 1713 г. посещает Гамбург и Рендебург, проезжает в феврале через Ганновер и Вольфенбюттель в Берлин для свидания с новым королем Фридрихом Вильгельмом, потом возвращается в Санкт-Петербург. Через месяц он уже в Финляндском походе и, вернувшись в середине августа, продолжает до конца ноября предпринимать морские поездки. В середине января 1714 г. Петр на месяц уезжает в Ревель и Ригу. 9 мая он опять возвращается к флоту, одерживает с ним победу при Гангуте и возвращается в Петербург 9 сентября.

В 1715 году с начала июля до конца августа Петр находился с флотом в Балтийском море. В начале 1716 г. Петр покидает Россию почти

* Среди приглашенных был и М.П. Гагарин.

на два года. 24 января он уезжает в Данциг на свадьбу племянницы Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским, отсюда через Штеттин едет в Пирмонт для лечения. В июне отправляется в Росток к галерной эскадре, [с] которою в июле появляется у Копенгагена, в октябре Петр едет в Мекленбург, отсюда в Гавельсберг для свидания с прусским королем, в ноябре — в Гамбург, в декабре — в Амстердам, в конце марта следующего, 1717 года — во Францию. В июне мы видим его в Спа на водах, в середине июня в Амстердаме, в сентябре — в Берлине и Данциге. 10 октября он возвращается в Петербург. Следующие два месяца Петр ведет довольно регулярную жизнь, посвящая утро работам в Адмиралтействе и разъезжая по петербургским постройкам. 15 дек[абря] он едет в Москву, дожидается там привоза сына Алексея из-за границы и 18 марта 1718 года выезжает обратно в Петербург. 30 июня хоронили в присутствии Петра Алексея Петровича»⁴⁵.

На этом остановимся. Гагарин в это время уже не был сибирским губернатором и сидел арестованным в Петропавловской крепости [18]. Этот перечень отлучек Петра из своих старой и новой столиц и из пределов России вообще любопытен и поучителен вдвойне. Он показывает, с одной стороны, как мало Петр имел возможности посвятить достаточно времени личному и непосредственному участию во внутренних делах своего отечества, особенно такой далекой его окраины, какой являлась Азиатская Россия, о которой, как мы увидим ниже, он не только имел малые, но даже и превратные понятия, а с другой, если с этим перечнем сопоставить то обстоятельство, что наиболее крупные из дел и мероприятий, касавшихся Сибири, произошли именно в его отсутствие из России или, хотя и во время его нахождения в Москве или Петербурге, но именно тогда, когда в этих городах находился и сибирский губернатор кн. Гагарин, — то невольно является вопрос: нет ли в таком совпадении обстоятельств причинной связи?

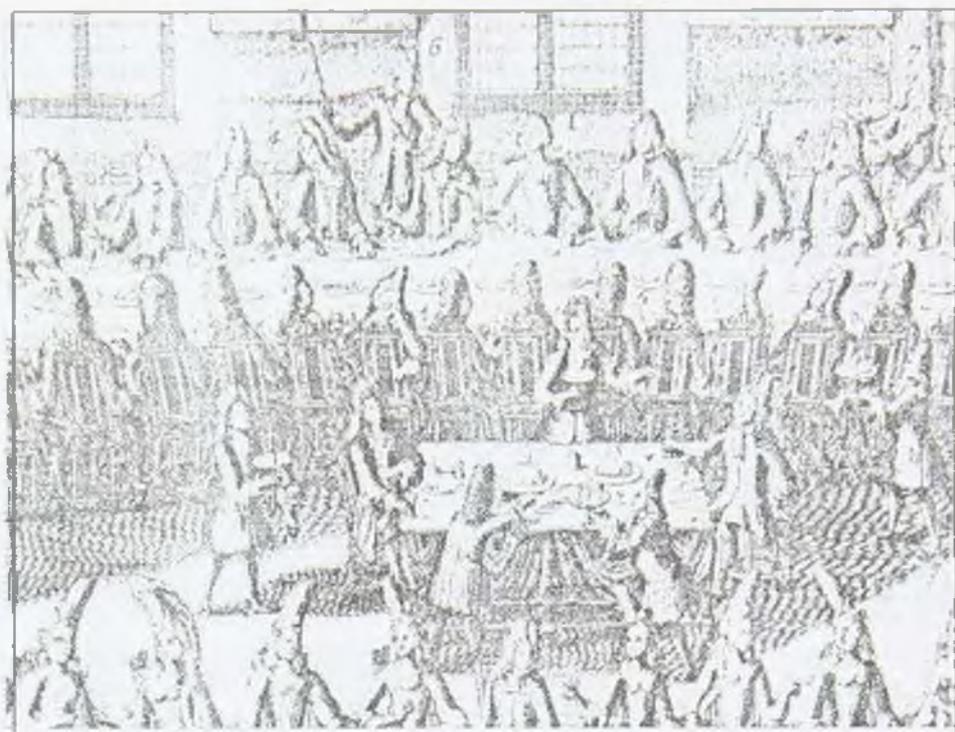
Внимательное знакомство с делом показывает, что да, причинная связь эта была и заключалась в том, что не все то, что усердными поклонниками Великого Петра приписывалось государственному уму и лично его инициативе, действительно так и было. Нужно внести соответствующие поправки и воздать каждому по делам его. Это мы, между прочим, и имеем в виду при дальнейшем изложении событий из истории Сибири за время царствования Петра в России и управления кн. Гагарина в Сибири.

Терпеть не мог Петр немогузнаек и надоедливых вопрошателей «чего изволите», и не раз им за это доставалось и чрез посредство знаменитой его дубинки, и объявления об их «негодяйстве» в приказах и наказах.

Кн. Гагарин не принадлежал к числу таких вопрошателей, немогузнаек и негодников. Ближайшее знакомство с делами Сибирс-

⁴⁵ Милюков П. Указ. соч. и его же «Петр I Алексеевич Великий» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Кн. 46. СПб., 1898. С. 487–495.

кого и Посольского приказов, хранящихся в Главных архивах Министерства юстиции и иностранных дел в Москве, показывает, что многие, если не сказать большинство из начинаний по устройению Сибири, осуществившихся в царствование Петра, не были не только плодом его личного почина и

А.Ф. Зубов. *Свадьба Петра I и Екатерины.*
Фрагмент

настояний, но даже задуманными им, а задолго до появления его на политической арене. Гагарин не принадлежал к числу людей, боявшихся проявлять свою инициативу и брать на себя за нее ответственность. И потому, как в бытность его московским комендантом и президентом Сибирского приказа, так и находясь в Тобольске на должности губернатора, в предписаниях своих к подведомственным учреждениям и лицам после обычного заголовка бумаги «По указу Его Царского Пресветлаго Величества» или «От Великого Государя, Царя и Великого князя Всея России Самодержца» не стеснялся добавлять: «И по приказу Губернатора всея Сибири князя Матвея Петровича Гагарина», а в самом тексте бумаги вставлять — «писать нам, Губернатору Сибири» и в заключение — «Подать ответ Сиб. Губернатору» или «Генеральному Президенту Сиб. Приказа» такому-то там-то... Более половины всех актов, включенных в двутомные фолианты «Памятников Сибирской истории XVIII века», и изданных Археографической комиссией, касаются времени заведования делами Сибири в звании Генерального президента Сибирского приказа и сибирского губернатора.

Многие десятки, если не сказать сотни этих актов, указов, наказов, памятей и проч. не только скреплены его подписью, но и вопреки обычаям того малограмотного времени, испещрены собственными его приписями, отметками и наставлениями, характеризующими, с одной стороны, его широкую осведомленность, а с другой стороны, его заинтересованность делами необъятной страны, управление делами которой ему было вверено.

Глава IV

Дела христианского просвещения

Митрополит Филофей, в схиме Феодор. Начало православного миссионерского дела в Сибири. Роль князя Гагарина в этом деле. Труды Филофея и помощь Гагарина. Краткий обзор обращения сибирских инородцев в православие. Забота о заграничных православных миссиях.

С не меньшим, чем к митрополиту Иоанну, вниманием относился князь Гагарин и к пастырской работе другого митрополита Сибирского Филофея, или Феодора, о призыве которого князем к миссионерскому делу мы уже упомянули выше.

Филофей, в мире Лещинский, так же как и Иоанн Максимович, по рождению был украинец, вызванный на Сибирскую митрополию в 1700 году именем самого молодого еще тогда царя Петра чрез киевского митрополита Варлаама Ясинского, которому повелено было «поискать... в тамошних городах и монастырях человека не только доброго, благого и непорочного жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог Божиею помощию исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения закоснелых человек призвать в познание истинного Бога»⁴⁶. Выбор Варлаама первоначально остановился было на архимандрит-

Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский. XVIII в.

⁴⁶ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 1800.

те Дмитрии Туптало, впоследствии известном святителе Дмитрии Ростовском [1], чудотворце, который и посвящен был в этот сан в 1701 году, но [тот] от поездки в Тобольск за болезнью отказался. Тогда выбор пал на эконома той же лавры Филофея, который и посвящен был в митрополиты Ближним Патриаршего престола в Москве известным Стефаном Яворским на 53-м году жизни.

Пробыв в Сибири семь лет в непрестанных трудах архипастырского служения, Филофей почувствовал усталость и, приняв схиму под именем старца Феодора, удалился уже было на покой в один из монастырей города Тюмени⁴⁷. Но в Москве это не понравилось, и ему незамедлительно шлетя энергичное напоминание о том, зачем он был послан в далекий инородческий край. В царской грамоте от 7 июня 1710 года, данной на имя бывшего митрополита, мы читаем: «И как сей наш, Великаго Государя, указ получишь, то выбрав по своему рассмотрению из монахов, или из священников, человека доброго, и велеть ему, по нашему, Великаго Государя, указу, ехать вниз великой реки Оби до Березова и далее, и где найдут по юртам остяцким их прелесные мнимые боги [2] шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища [3] их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святые иконы поставляти, и их остяков приводить ко крещению и к познанию единого в Тронне истинного Бога. И которые остяки малые и великие крестьяца, тем остякам нашего Великаго Государя милость, ясашные доимки все оставлять указали, и впредь не спрашивать, и в доимочных книгах тож их доимки вынести, чтобы тем доимки не помянулись. А если возможно, то того ради исправления, и самому тебе, богомольцу нашему, ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной ко христианской вере. А ко крещению им кафтаны белые и рубашки из нашей казны и хлеб, по рассмотрению, такожде давать указали. А если кто остяки учинят противность сему нашему Великому Государю указу и тем будет казнь смертная».

От кого это повеление исходило, лично ли от государя, по его ли только приказу, или из Сибирского приказа от его президента кн. Гагарина, трудно сказать. Под актом этим в Памятниках Сибирской истории⁴⁸ значатся «На подлинной Великаго Государя грамоте написано. Припись князя Матвея Петровича Гагарина. А подлинную грамоту государеву взял и расписался иеромонах Феодосий». (Из рукописи, содержащей в себе списки актов Березовского архива). В Полном собрании законов грамоты этой нет. [На]сколько известно по дошедшим до нас историческим данным, самого царя Петра в это время в Москве не было. После Полтавской победы он временно находился в Москве лишь с половины декабря 1709 года до середины февраля 1710 года, после чего он вновь покинул свою столицу и до половины лета проводил на Финском взморье, а остальную часть это-

⁴⁷ Троицкий монастырь. — Прим. сост.

⁴⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. 1700—1713. Кн. I. СПб., 1882. № 96.

го года в Петербурге (тогда еще не столице), занимаясь его отстройкою. Личные свои повеления во время таких отлучек из столицы он подписывал обыкновенно собственноручно, как, например, то видно из указа его Бухгольцу о походе к Ямыш-озеру. «На галере Святыя Наталии в 22 день мая 1714. Петр». Приходится, по-видимому, предположить, что указ этот исходил от кн. Гагарина во исполнение царской воли, выраженной ему на словах когда-либо ранее этого. Так или иначе, но, получив высочайший указ, старец Феодор задумался над исполнением его среди бродячих инородцев холодного севера Сибири, при его годах и слабом здоровье. Он медлил под разными предложениями, предполагая ограничиться посылкою туда кого-либо из подходящих для этого дела монахов или священников. Проезд через Тюмень в 1711 году самого всесильного сибирского губернатора... положил предел колебаниям старца. Выслушав настояния кн. Гагарина и подтверждение заверения указа об оказании миссионерам всякого покровительства и содействия, бывший митрополит решил стать во главе миссии лично. В 1712 году весною он прибыл из Тюмени в Тобольск, где в это время находился вновь назначенный митрополит Иоани Максимович. Митрополит по чину своему благословил старца на святое дело, снабдив его сотрудниками из монахов и священников. Губернатор, в свою очередь, согласно данному им обещанию о всемерном содействии миссии, снабдил старца и его свиту судном для плаванья по рекам, гребцами, толмачами инородческих языков, десятком казаков для охраны миссии, а для ведения необходимой переписки секретарем в одном лице упомянутого уже выше мазепинца Новицкого. На путевые расходы и для раздачи новокрещеным выдано было 2000 рублей независимо от разного рода подарков мелкими вещами и церковной утвари с принадлежностями для оборудования имеющих быть построенными взамен «языческих капищ» христианских молитвенных домов, часовен и церквей⁴⁹.

Ближайшему начальству прииртышских и приобских инородцев были посланы приказы оказывать высокому миссионеру всевозможное содействие в благополучном его проследовании чрез инородческие становья и сборе в определенных местах самих инородцев для выслушивания проповедей и беседований с провозвестником «истинной веры». В июне Филофей и его спутники отплыли из Тобольска вниз по Иртышу к ближайшим остяцким становищам.

Из описания этого и последующих поездок миссии, составленного Новицким, видно, что весь первый год христианской проповеди Филофея был почти безрезультатным в смысле обращения остяков «в русскую веру». Не будучи в состоянии подняться до понимания высоких истин нового учения о троичности невидимого Бога [4], о христианской любви и всепрощении, о подвижничестве благочестия, о греховности многоженства и всяких излишеств, инородцы

⁴⁹ Сулоцкий А. Указ. соч. С. 22; Слоцов П. Указ. соч. С. 201.

ясно сознавали и видели своими собственными глазами лишь кары, свалившиеся на них при этом учении в виде свержения в реку почитаемых ими божеств и сжигания тех кумирен, в которых они находились. В ужасе разбегаясь по тундрам и лесам, остяки, вогулы и другие инородцы ожидали немедленного возмездия за такое кощунство сокрушителям их святых и наказания немногих из обращавшихся в новую веру их

Остяки Березовского округа.

Из коллекции А.И. Дмитриева-Мамонова

Из кн. П. Головачева. «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь». М., 1902

собратьев в виде мора рыбы в обитаемых ими местах, болезней и падежа оленей, исчезновения пушного зверя и пр. Но месяцы проходили за месяцами, а возмездие не являлось. «Видите, как ничтожны и немощны ваши боги перед Всемогушим», — говорили им, как в давно минувшие времена великого князя Владимира Святого, провозвестники новой веры, обращая их внимание на это видимое подтверждение справедливости своего учения и неправоты верований обращаемых. Убедительность таких практических приемов вероучения, подкрепляемая одновременно с этим раздачею новокрещеным медных крестиков, новых рубах, табаку, пороху и свинцу для охоты и других подарков, к концу первого и началу нового года проповеди стали давать и видимые плоды. Число адептов [5] новой веры стало заметно увеличиваться. Менее податливыми практикуемым мерам обращения в христианство оказались лишь самоеды и татары, нежелание которых воспринять новое учение нередко переходило в открытое сопротивление и преследование тех из своих единоверцев, которые оказались наиболее податливыми к проповеди христианства. В «Памятниках Сибирской истории XVIII в.» приводится три случая жалоб обских остяков на враждебные против них действия пустозерских самоедов, доходивших до разбойных нападений последних вооруженными шайками с убиением многих новокрещеных остяков и надругательством над их трупами⁵⁰.

Как бы то ни было, но успех дела обращения инородцев в православие в общем был настолько ясен, что у центрального правитель-

⁵⁰ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. № 9, 32, 52.

ства в Петербурге вскоре явилась мысль о распространении проповеди христианства и на районы не только Обского, но и Енисейского и Ленского бассейнов сибирских рек, в среде местных тунгусов и якутов. Царским указом от 6 декабря 1714 года Филофеею предписывалось: «...ехать тебе, богомольцу Нашему во всю землю вогульскую и в остяцкую и во все их уезды и в Татары и в Тунгусы и в Якуты и в волостях их где найдешь их кумиры и кумирницы и нечестивыя их чтителища, и то по сему Нашего Великого Государя указу пожечь, а их Вогулечев и Остяков и Татар и всех иноземцов Божию помощию и своими труды приводить в Христианскую веру и о том явить им словесно и сей наш указ сказать: и которые Вогулечи и Остяки и Татара и все иноземцы, которые крестятся, тем Нашего Царского жалованья давать холст ко крещению, на рубахи, и в ясаку им льгота будет...»⁵¹. Как ни тяжело было это новое осложнение миссионерского дела, Филофеей, как говорит его постоянный спутник Новицкий, принял его со смирением и, несмотря на свою немощность, терпя всякие лишения, двинулся с Оби еще далее в глубь Сибири, сначала на Енисей, поднявшись по которому, достиг Красноярска, побывал в Иркутске и даже в Даурии, нынешнем Забайкалье. Не в силах будучи при суровости климата и тогдашних путях сообщения проникнуть лично еще далее на восток, он положился на находящегося уже там архимандрита Мартиниана, который, следуя вплавь по рекам Лене и Алдану, достиг прибрежий Охотского моря и только что присоединенного тогда к России полуострова Камчатка, обращая на своем пути в русскую веру тамошних коряков и камчадалов. Всего, таким образом, за все время миссионерской деятельности в Сибири Филофеея сначала в звании схимонаха, а потом, после смерти митрополита Иоанна, вновь в сане митрополита всяя Сибири обращено в православие более 40000 инородцев.

Насколько такое миссионерское рвение Филофеея и его ближайших сотрудников увенчалось проникновением в среду сибирских инородцев света истин христианского учения, а не внешних только форм чина православного священнослужения, судить ввиду только что сказанного о просветительных приемах приобщения неопитов [6] к православию, конечно, не приходится, особенно зная историю его проникновения в среду самого господствующего народа русского, где не только подобные филофеевскому свержение, сожжение и потопление в Днепре фетишей древнерусского поклонения, но и тысячелетнее священнослужение невидимому Богу, не подкрепленное иными, более действенными мерами внедрения в народное сознание и нравы истин учения Христа, не вытеснило из памяти и обычаев народных почитание пантеистических [7] леших, водяных, домовых, колдунов, знахарок, ворожей и прочих и прочих. Вне сомнения, все это хорошо сознавалось и пред-

⁵¹ ПЗСРИ. Изд. 1-е. Т. 5. Ст. № 2863.

виделось и самими зачинателями обращения инородцев в православие, не исключая и самого Филофея, фанатически предавшегося делу обращения к Христу, и тем не менее они признавали его необходимым в целях чисто государственных.

Взгляды царя Петра на религию и отношение его собственно к православию общеизвестны [8]. Вышучивание православного духовенства во время собрания «всепьянейшей компании» под председательством «всешутейшего князя-папы», упразднение патриаршества с заменою его Синодом под главенством правительственного чиновника, пристрастие к лютеранству и носителям его — немцам, данные ему народом прозвища «самозванца» и «антихриста» и прочее — это такие показатели, которые ясно свидетельствуют, что религия и, в частности, православие для такого новатора, каким был Петр, являлось не столько потребностью его души и совести, сколько государственным знаменем и учреждением, необходимым для большей сплоченности и мощного русского государства. И в этом случае, объявляя преследование супротивников его воли огнем, мечом и виселицей, самовластный царь выступал не как преданный сын православной церкви, а как строитель мощи государства с тою же беззастенчивостью и прямолинейностью, как и в беспощадной казни стрельцов, бритье бород и замене русского платья немецким.

Несравненно более продуманно и убежденно, нам кажется, относился к этому делу князь Гагарин. В преданности его православной церкви нет оснований сомневаться. Мы знаем уже о его жертвах на построение храмов, на приклады церквям, на украшение икон и принадлежностей церковносвященнослужения, на благотворение неимущим; мы видели дружбу, которая соединяла его со святителем Иоанном, митрополитом Тобольским. И здесь, радея в помощи Филофею, Гагарин несомненно удовлетворял потребностям своих религиозных чувств и убеждений; но думается нам, не в этом лежала главная причина его ревностного участия в деле внедрения православия в среде сибирских инородцев. Прежде всего, он был государственный человек и для него не было безразлично, были ли эти инородцы единоверцами, господствующими в государстве народа русского, или его религиозные противники.

Будучи сначала воеводою в Иркутске и далекой Даурии, потом президентом Сибирского приказа в Москве и наконец, всесибирским губернатором, он лучше, чем кто-либо другой, знал взаимоотношения русских и инородцев вверенного ему края необъятного. На его памяти был, как мы видели, башкирский бунт, киргизские набеги под Томск, Кузнецк и другие русские поселения юга нынешних Томской и Алтайской и Енисейской губерний, волнения среди северных инородцев, вспомнивших Кучума-царя; знал про упорный протест русскому пришествию к берегам Охотского моря, в Камчатку, Чукотскую землю и пр. Сама собою являлась мысль: не лучше ли

будет, когда все эти иных вер супротивники (которых, заметим кстати, в то время в Сибири было далеко больше, чем русских) приобщатся к общей с главным народом вере. Подобно тому, как было при Владимире Святом [9], кликнули призывной клич ко всем иноверцам-сибирцам, обещающий великие милости покорным и строгой кары супротивным. Гагарин был, очевидно, сторонником первых, а не вторых, да и сильному сомнению подлежит, применялось ли второе вообще, по крайней мере в том виде, как то было обещано в грозном указе царя от 7 июня 1710 года. Хотя в известном «Словаре достопамятных людей Русской земли» [Д.Н.] Бантыш-Каменского в главе о Филофее Лещинском говорится, что «Филофей с крестом в одной руке, как гласит предание, и с мечом в другой, силою проповеди и оружия обратил к благочестию 40 тысяч сибирских инородцев». По крайней мере, ни у Новицкого, спутника Филофея в его миссионерских странствиях, ни у первого историографа Сибири Словцова, ни у Сулоцкого, ни у Абрамова [10], ни у Андриевича, ни у Бушинского, ни у других историков, писавших об обращении инородцев в христианство по первоисточникам, никаких на этот счет не только указаний, но даже и намеков нет. Исключение составляют, кроме ссылки Бантыш-Каменского на «предание» о вооруженной расправе с непокорными, лишь публицистические статьи шестидесятых годов (без ссылки на источники), основанные, вероятно, лишь на только что помянутом грозном предупредительном указе грозного царя. Нужно не упускать из вида и того обстоятельства, что при Филофее во время его миссионерских путешествий не имелось и воинской силы, за исключением пяти-десяти казаков, приставленных к нему Гагариным в качестве посыльных и прислуги при судах. Наоборот, имеется масса указаний на то, что Гагарин широко пользовался предоставленной ему властью сложения недоимок и раздачи новокрещеным всякого рода подарков и денег, несмотря на то, что всякие поблажки в этой сфере были неприятны царю, всегда, как мы указывали уже выше, нуждающемуся в деньгах. В наказе, данном Гагариным 17 февраля 1713 года заведующему камчадальскими и анадырскими острогами, мы, например, читаем его приказ: «...на Камчатке церкви Божии делать и привлекать иноземцев с великим прилежанием в православную христианскую веру, и крестить, и за крещение давать государево жалованье, как можно, по своему рассмотрению, смотря по человеку»⁵².

С особою предупредительностью удовлетворялись сибирским губернатором нужды новообращаемых в построении им на местах их обитания православных церквей, часовен и молитвенных домов. В том же 1713 году в сентябре он пишет березовскому обер-коменданту Бибикову: «Новокрещеным остякам, которые близ Березова, построить церкви Божии, в каждой волости и сделать по церкви; а

⁵² Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 3.

на то строение наготовить лесу наймом и плотников нанять, и что к тому им же из казны Великого Государя понадобится все велеть им купить к тому строению и иконников нанять в Тоболску. А священником, которые будут при тех церквах давать Великого Государя жалования, оклад, денег по десяти рублей, хлеба по 7 юфтей [11] на год»⁵³. Всего, таким образом, за время Гагарина было построено в разных остяцких и иных *инородческих волостях 37 церквей*⁵⁴. Одновременно с этим, по рекомендации миссионеров, часть из новообращенных малолетков инородцев на казенный счет препровождалась в Тобольск для обучения русскому языку и вере в славяно-латинскую школу при митрополичьем дворе для подготовки из них церковнослужителей при вновь возводимых церквах в остяцких, вогульских и тунгусских волостях.

Смотря на дело обращения в христианство, как на могущественнейшее средство объединения разных народностей под российским державством, Гагарин в сотрудничестве с непосредственно поставленными для сего ревнителями православия митрополитами Иоанном Максимовичем и Филофеем Лещинским, не ограничиваясь пределами собственно Сибири, старался всеми зависящими от него мерами содействовать им в распространении русской веры «и за границами этой обширной страны». Еще будучи нерчинским воеводою в 1693–1695 годах, вскоре после заключения невыгодного для нас Нерчинского договора с китайцами, он убедился, какое громадное влияние могут иметь хорошо организованные христианские миссии (в данном случае иезуитские) на всякого рода сношения и дела России с приграничным Китаем и прилегающими к Сибири владениями Монголии и Средней Азии. Будучи затем в течение семи лет Генеральным президентом Сибирского приказа в Москве, он еще более в этом убедился. И потому немудрено, что став всесибирским губернатором и вступив в непосредственные сношения с названными странами, князь Гагарин старался пользоваться всяким случаем возможности приобщения к частым при нем дипломатическим посольствам в Китай, Монголию и Джунгарию «кого-либо из сведущих в богословии» православных священнослужителей. Так, например, было, как увидим далее в главе VII настоящей книги, в 1713 году при отправлении в Джунгарию в качестве посла тарского купеческого головы Ивана Чередова, к которому прикомандирован был по рекомендации митрополита Иоанна один из тобольских иеромонахов, оставшийся в ставке джунгарского контайши «ради духовных треб» [12] «и после того, как Чередов по исполнению возложенных на него Гагариным поручений возвратился в Тобольск»⁵⁵. Так было при отправлении вскоре затем

⁵³ Там же. Кн. I. № 118.

⁵⁴ Сулоцкий А. Указ. соч.

⁵⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. I. С. 526.

нескольких иеромонахов к монгольскому кутухте [13] «для изучения монгольского языка»⁵⁶. Так было и в 1715 году при отправке сибирским губернатором в Пекин торгового каравана, к составу которого митрополитом Иоанном причислен был архимандрит Илларион (Лежайский) с братией «для исполнения треб» при русских военнопленных, оставшихся в Китае по Нерчинскому договору после взятия китайцами Албазина на Амуре. Действительная цель отправки духовной миссии в столь значительном составе шла далеко далее выполнения официально намеченной для нее скромной задачи. Возникла она в 1712 и 1713 годах во время проезда через Сибирь из Пекина в Петербург китайского посольства. С необычайной предупредительностью обставив благополучное проследование посольства чрез вверенный ему обширный край, сибирский губернатор кн. Гагарин с почетом принял его во время нарочито устроенной им остановки в столице Сибири Тобольске⁵⁷. Требовалось искусным образом проведать заблаговременно действительные задачи посольства помимо официально выставленного императором Китая Канси желания его засвидетельствовать свое уважение к выдающимся заслугам русского царя. И это Гагарину действительно удалось, так как при искусно намеченных им вопросах выяснилось, что тайной целью посольства служило желание императора Канси втянуть в войну его с джунгарским контайшою Цеван-Раптаном [14] в качестве сторонника Китая Аюку-хана [15] калмыцкого, кочевавшего в Астраханских степях и номинально считавшегося со всем своим народом в подданстве России...

Необычайно быстрое, как мы видели в предыдущей главе, увеличение населения азиатской части Сибирской губернии, главным образом, за счет всякого рода вольных и невольных переселенцев из Европейской России, сильно озабочивало местные власти края, заставляя их принимать экстренные меры не только к устройению этого прибыльного населения на новых местах, но и к умиротворению его. Наибольшую часть этих приселенцев составляли всякого рода беглые от непосильного тягла на своей родине, главным образом, крепостные помещичьи крестьяне, холопы и в последние годы, с началом Северной войны, и солдаты, набор которых в ряды Петровой армии и

⁵⁶ Сулоцкий А. Указ. соч.

⁵⁷ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. I. С. 494. Посланному из Тобольска навстречу для сопровождения китайского посольства по Сибири подполковнику Ступину, равно как и всем попутным комендантам сибирских городов, князем Гагариным настрого было предписано «везть их чрез города Сибирской губернии со всякой честью и охранением великим, и чтоб нигде им посланным, тако ж и будущим при них людям, никакой досады и бесчестия отнюдь не чинить, и никто бы русские люди ни в чем не ссорился ни с единым человеком. Також, что ему [Ступину] понадобится в котором городе под них подвод и работных и служилых людей, для караулу, и на корм скота, быков, и баранов, и куриц, и вина, и пива, против указу все отправлять...» и т.д.

тяжесть самой службы в ней становились все более и более тягостными. Числясь до приписки к какому-либо новому некрепостному тяглу в так называемых «гулящих людях», беглецы этого рода представляли большую опасность для края, не столько потому, что являлись здесь сами по себе элементом вредным, противообщественным и противогосударственным, сколько по своей несоответствующей общей населенности края, многочисленности и нерегистрированности. В глазах же администрации тех мест и учреждений, откуда они сбежали, да и самого правительства, они являлись преступниками, нарушившими законом установленные обязательства. Ввиду этого еще в малолетстве царей Ивана и Петра Алексеевичей от их имени в 1683 году была обнародована царская грамота⁵⁸ о строжайшем преследовании таких беглецов, ибо писалось в той грамоте — «мимо Верхотурья и Верхотурского и Тобольского уездов чрез слободы из русских и поморских городов идут [в Сибирь] беглых крестьян с женами, детьми многое число, а в нашу государскую казну с тех крестьян оброков и никаких денежных и хлебных доходов нейдет. И мы, Великие Государи, указали в Перми Великой и у Соли Камской и в иных местах, где пристойно поставить заставы, чтоб в Руси в Сибирь никакого чина людей конных и пеших без наших государских грамот никого не пропускать; и буде которые люди какого чина нибудь на заставах без наших государских грамот объявятся и их отсылать на прежние места, кто откуда пришел». И в последующие годы от имени тех же Ивана и Петра Алексеевичей в 1688, 1689 и 1690 годах писались в Сибирь подтвердительные о том же грамоты. На эти же грамоты встречаем ссылку и в наказе из Сибирского приказа от 1 сентября 1697 года, данном тобольским воеводам князьям Черкасским уже в единоподержавие Петра, но в его отсутствие, в первую поездку за границу, за подписью дьяка Афанасия Парфенова, с добавкою слов: «А которые беглецы на заставах пойманы будут, тех беглецов велеть имать и спрашивать их накрепко, где, кто жил и из которого городу и уезду бежал, и спрося тех людей, отсылати их на старые жеребьи [16], где кто жил; а с которой заставы в поморские города посланы будут беглые крестьяне, и с кем именно с приставы о том велено писать к Москве в Сибирский приказ»⁵⁹.

Для самой Сибири люди такого сорта, как сказано, не являлись особо нежелательным элементом, скорее наоборот, при том обилии земель, которое тогда существовало в крае, и том недостатке рабочих рук, который особенно чувствовался среди местного крестьянства и посадского люда, многие из большезаимщиков-крестьян и зажиточных казаков брали себе «гулящих» людей сначала в работники на время, а затем устраивали их у себя и на более прочных началах. Ближайшие к крестьянству власти смотрели на такое устройство бег-

⁵⁸ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 2. № 1030.

⁵⁹ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 3. СПб., 1830. № 1594.

лецов более чем снисходительно, приравнивая их под тем или иным предлогом к выходцам из России по случаю неурожаев, которым, согласно наказам, данным из Сибирского приказа от 1 сентября 1697 года тобольским воеводам и 1699-го тюменским⁶⁰, разрешалось устраиваться на пашне при местных крестьянах «на льготное время» не только за свой или хозяйский счет, но и с пособием от казны. Снисходительно смотрело на это и более высокое сибирское начальство. По крайней мере, в дошедших до нас письменных актах гагаринского времени, как в бытность его президентом Сибирского приказа, так и в губернаторское время, мы не находим никаких указаний на то, чтобы «гулящие люди», задерживаемые на караульных заставах, отсылались в Тобольск и оттуда при особых извещениях отправлялись туда, откуда сбежали, как то требовалось от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей в 1683 году и последующих годах XVII столетия. Не дошло до нас также памятней и о том, чтобы такие крепостные беглецы, так или иначе оставшись в Сибири, были бы затем по чьему-либо распоряжению приписаны в качестве же крепостных людей к кому-либо из находящихся в Сибири на воеводских или иных должностях московских дворян и бояр. Не составлял исключения и сам сибирский губернатор, хотя к этому представлялся отличный предлог — «в государственных пользах» одновременно и прикрепить к земле бродячий по стране люд, как то было сделано царем Борисом, и прекратить бегство крепостных из России, запугав их перспективой попасть в Сибири в такую же кабалу, от которой они бегством хотели избавиться у себя на Руси. И, однако, этого не случилось: Сибирь как не знала рабства ранее, так не узнала его и теперь, в момент наибольшего наплыва в страну бывших рабов. Умышленное ли это было освобождение от рабства нескольких сот душ крестьян обоего пола или явилось результатом каких-либо других обстоятельств за отсутствием прямых на то указаний, с уверенностью трудно сказать; но во всяком случае нельзя отрицать того, что за все время управления князя Гагарина Сибирским приказом. чрез этот последний не издано ни одного нового и не подтверждено ни одного из старых наказов петровского времени о задержке беглых крепостных на сибирской границе, между тем как за это же время из Поместного приказа последовало несколько именных указов о недопустимости принятия тех же беглецов для поселения на помещичьих землях внутренней России⁶¹. Несомненно также, что если не по приказу сибирского губернатора, то с его ведома, за время управления краем беглые крепостные не только не были изгоняемы отсюда в места своего прикрепления, но, наоборот, устраивались на новых местах всеми мерами на пашню и в службу, в качестве якобы свободных людей. Может быть, это делалось и с молчали-

⁶⁰ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 3. № 1595 и 1670.

⁶¹ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 1980. «О неприеме беглых людей и крестьян и о взятии с помещиков или старост сказок в недержании беглых утайкою».

вого согласия самого царя, но еще более вероятно — под личную ответственностью самого губернатора, находившего оправдание своему попустительству в том обстоятельстве, что все запретительные царские грамоты по этому делу издавались или в малолетство царя, или в его отсутствие из России, тогда как помянутое выше дозволение из Сибирского приказа о льготном допуске гулящих людей к пашне за время неурожая в России (без прямой оговорки, что это относится только к гулящим людям свободных профессий) состоялось в бытность царя в России.

Как бы то ни было, но ввиду всего только что сказанного об отношении князя Гагарина к делу приема беглых крепостных в районы земель его ведения, нельзя не поставить ему в большую заслугу как политику, с одной стороны, определенно антикрепостническую, в эпоху, когда на Руси об этом запрещалось даже и думать⁶², и с другой стороны, как меропритие, несомненно способствовавшее наискорейшему заселению обширной, но малолюдной страны безработным людом не только без всякого для нее вреда, но, наоборот, с явной пользой. Гулящий человек, как показывал опыт, оставался гулящим лишь до тех пор, пока не получал возможности пристроиться на чужбине к тому или иному некрепостному тяглу или службе, к чему, как мы отчасти уже видели, в гагаринское время принимались настоятельные меры.

Значительно труднее было ладить с людьми, попавшими в Сибирь не по собственному почину, а по воле других, принудительно: с пленными шведами, сосланными мазепинцами, раскольниками и стрельцами. О мерах их утихомирения в самой резиденции сибирского губернатора — Тобольске мы уже говорили во 2-й главе этой книги. Той же политики держались сибирские власти и в других городах края, где они находились под надзором этих властей. Их старались так же, как и гулящих людей, пристроить к какому-либо делу и это, как мы видим, в большей или меньшей степени удавалось как по отношению к шведам, так и мазепинцам, которые нашли себе большого покровителя не только в самом губернаторе: но и в обоих тогдашних митрополитах сибирских Филофее и Иоанне. Первые из них настолько свыклись с окружающей обстановкой в продолжительном плену, что на вызов их из столицы Русского государства к занятию должностей в устраиваемых по шведскому образцу правительственных коллегий вместо бывших приказов, откликнулось только 9 офицеров, остальные же отказались принять это предложение, так как, писалось в ответе о них, «имеют [и здесь] довольство немалое, что и в отечестве своем многие не имели, и в коллегии никто не пошел»⁶³. В

⁶² Некоторое исключение представлял известный вольнодумец того времени опальный кн. Вас. Вас. Голицын, о сходстве которого с кн. Гагариным по западнической обстановке жизни говорилось уже в первой главе этой книги.

⁶³ Соловьев С. Указ. соч. Т. 16. С. 189.

Омской крепости, начатой постройкою в 1716 году, одним из первых зданий, возведенных здесь, наравне с православной церковью рядом с ней был лютеранский для шведов молитвенный дом.

Хуже всех мирились с обстановкой ссыльнопоселенцев стрельцы, из которых многие к тому же были закоренелыми старообрядцами-противониконианцами и даже раскольниками. Немалое число их вместе с фанатиками-расколоучителями разбежались по лесным дебрям. Большинство же, оставаясь в местах ссылки, открыто не исполняли велений местных властей, местами поднимая даже вооруженный против них бунт, как то бывало ранее на Москве, Астрахани и других местах наибольшего их скопления. Были даже попытки, соединясь в большей или меньшей величине воинские группы, идти на Тобольск и Москву. Банды эти нарядами правительственных войск обезоруживались и по частям рассылались по наиболее глухим городкам и острогам, но и здесь, не успокоившись, многие из стрельцов вновь соединялись в разбойничьи шайки, продолжали неистовствовать, грабя торговых людей по отдельности и целыми обозами по дорогам и сплавающим рекам⁶⁴. Приходилось под усиленным конвоем высылать их отсюда, пока рядом всякого рода попытками не удалось умиротворить непокорных, пристроить их по собственному их выбору в наиболее привольных и пригодных к пашне, охоте и рыбной ловле местах Южной Сибири.

Как видим, политика примирения, улаживания и обходов всякого рода шероховатостей в людских взаимоотношениях, не только в этих и подобных описанных уже в первых главах случаях административно-государственной практики кн. Гагарина, но и на более широком поприще чисто дипломатических международных сношений, как увидим далее, была излюбленнейшим и почти всегда удававшимся ему средством выполнения представлявшихся к решению личных и государственных задач.

Параллельно с этими делами умиротворения пришлого населения края нельзя было оставить без внимания и соприкоснувшегося волей и неволей с пришлым людом многочисленного разноплеменного коренного инородческого населения Сибири. Часть этих инородцев, как вогулы, туринские, тобольские и нижеиртышские татары и большая часть обско-иртышских остяков, числилась за русскими еще с Ермакова пришествия; большая часть тунгусов, якутов, прибайкальских бурят, енисейских остяков и самоедов покорилась в первой половине XVII столетия. Более восточные инородцы, каковы юкагиры, ломуты, коряки, камчадалы, только еще подводились в то время «под высокую царскую руку», как тогда официально писалось. Чукчи же и некоторые другие мелкие окраинные народцы, находясь пока вне досягаемости, или совершенно уклонялись от русской зависимости, или вели с русскими откры-

⁶⁴ Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. 3. СПб., 1871.

тую вооруженную борьбу, оказывая им сопротивление всяк чем мог. Наконец, такие, как алтае-саянские «киргизы», калмыки, телесы, джунгары, киргиз-кайсаки, каракалпаки и часть башкир, еще не входившие в область непосредственных вождлений русской администрации, и охочих людей, сами по собственной инициативе, видя в русских будущих своих угнетателей, вступали с ними в неприязненные столкновения, сами то и дело нападая на русские приграничные поселения, отгоняя у них скот, выгравляя хлебные посевы, сенокосы и проч. В отношении этих соседей русским пока чаще приходилось обороняться, чем самим нападать.

Соответственно степени давности принятия русской «шерти» (присяги) теми или иными инородцами чаще всего определялась и степень их преданности русской власти, хотя, строго говоря, власть эта всеми ими лишь выносилась как нечто неизбежное, а не принималась в качестве желанной.

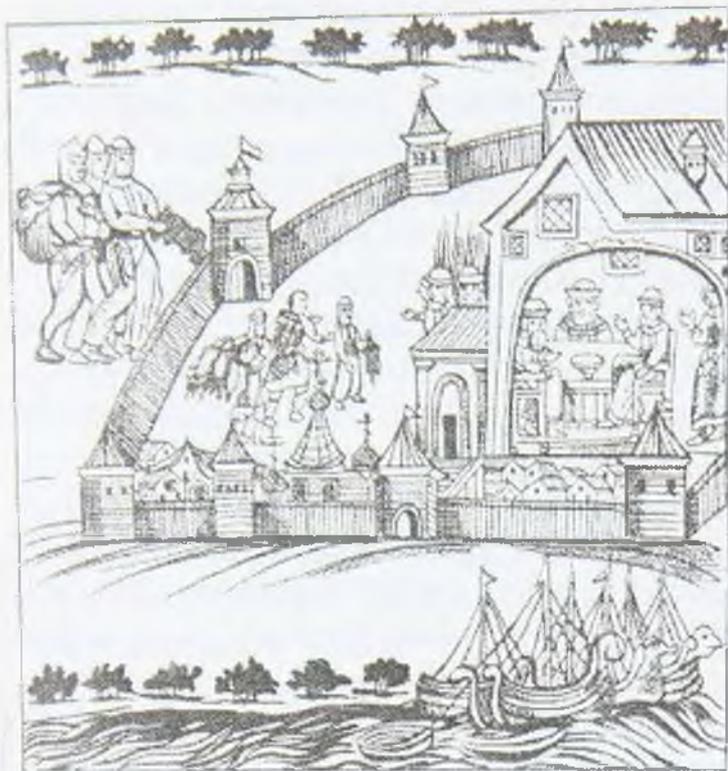
Большая часть татар, за исключением барабинских и части енисейских качинцев, были уже оседлыми и частью занимались хлебопашеством, отчасти ведя еще полукочевой образ жизни, были скотоводы: часть, обитавшая в местностях, где русские обосновались целыми городками, совместно с ними по посадам жили или ютились тут же особыми татарскими или «бухарскими» слободами, занимаясь, главным образом, торговлею, и, наконец, часть татар, проживавших в таких крупных городах, как Тюмень, Тобольск, Тара, Томск, Красноярск, наравне с русскими служилыми, дворянами, детьми боярскими, нерасформированными еще стрельцами и казаками под названием «служилых татар», с давних пор относили уже воинскую службу отдельными воинскими командами или в составе русских воинских частей. Это был, в общем, наиболее спокойный элемент инородческого населения края, почти вполне уже свыкшийся с русскими и отличавшийся от них, главным образом, лишь религиею, все они были ревностнейшие магометане. Вполне доверяясь им, русские власти издавна уже допускали не только совместное в одних и тех же частях города проживание с ними татар, но и постройку тут же их мечетей и публичное отправление богослужения. Правда, православному духовенству это очень не нравилось; оно находило такое общение «истинно верующих христиан» с «погаными» зазорным для первых и потому изыскивало всеми мерами поводов к выселению татар куда-нибудь подальше от русских.

В 1693 году тогдашний митрополит Сибирский Павел вошел было даже с ходатайством в Москву о выселении проживающих в Тобольске подгородных татар и бухарцев на Панин бугор, с перенесением туда же мечетей под тем предлогом, что «как де бывает шествие со святыми иконами на водосвятие, татары стоят невежливо в шапках и поруганье чинят и новокрещеных в свою веру прельщают и в постные дни питием и ядою оскверняют». Узнав об этом, татары в свою оче-

редь снарядили в Москву особую депутацию почетных людей с опровержением митрополичьего повытья [17] на них и ходатайством о неудовлетворении выселения их на Панин бугор, жалуясь одновременно с этим на митрополита за то, что он дозволяет себе крестить в православие их единоверцев помимо их желания и вопреки воле родственников и проч. Ходатайство это, как видно из наказа тобольским воеводам из Сибирского приказа от 1 сентября 1697 года⁶⁵, было в 1696 году заслушано Боярскою думою в присутствии царей Ивана и Петра Алексеевичей, и «Великие Государи слушав о том докладную запись, указали и Бояре приговорили: которые иноземцы похотят быть в православной христианской вере и тем велеть приносить челобитные в Тоболск, в Приказную палату; и как они челобитныя подадут, и их спрашивать, добровольно ли они быть хотят в православной христианской вере; и буде которые (татаровя и бухарцы) объявятся, что они бьют челом о крещенье впрямь добровольно (т.е. не по принуждению и не с подкупа) и тех отсылать из приказныя палаты для крещения на митрополий двор». Относительно непристойности поведения татар во время крестных ходов в том же наказе Сибирского приказа тобольским воеводам сказано: «Тоболским татарам и бухарцам сказать: как бывает в Тоболску шествие со святыми иконами и на водоосвящение и в то время стояли бы они со страхом вежливо без шапок и смехотворения и безчинства никакого не чинили». Относительно ходатайства о выселении татар на Панин бугор в наказе ничего не говорится, но, очевидно, оно было отклонено, хотя и без публичного о том оповещения, ибо, когда после митрополита Павла о том же было повторено в 1703 году новым митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем, то приговором Сибирского приказа от 11 октября того же года⁶⁶ в отсутствие царя Петра, находившегося в походе под Выборг[ом], определено: «Стольник князь Федор Юрьевич Ромодановской, слушав Тоболской отписки и сказки служилых и захребетных Татар, приказал послать Его Царского Величества грамоту в Тоболск... которые иноземцы Юртовские служилые и захребетные Татара и Бухарцы живут в Тоболске, под горою, на нижнем посаде меж Русскими людьми: и теминоземцам жить в тех же местах по прежнему, а за Знаменской монастырь не переводить, чтоб им от того лишней тягости и раззорений и в подводной гоньбе остановки не было; и мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах. А против прошения Преосвященнаго Филофея Митрополита Тоболскаго и Сибирскаго не состоялось, для того что в прошлом 1693 году, по отписке из Тоболска Павла Митрополита Тоболскаго и Сибирскаго, чтоб их служилых и захребетных Татар и Бухарцев перевести на Панин бугор или в иные места не велено. И по указу Его Царскаго Величества и по грамоте велено им жить в тех же местах по прежнему». Участвовал ли

⁶⁵ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 3. № 1594.

⁶⁶ Там же. № 1946.

Сбор ясака.

Миниатюра из Ремезовской летописи

Из кн. Н.И. Никитина «Освоение Сибири в XVII в.». М., 1990.

ние⁶⁷ об отмене с татар всяких мелких сборов «с мечетей и свадеб и с Абызов венечные, медовые и иные такие же мелкие сборы, которые по указам из Канцелярии велено собирать, сверх прежнего вновь ... и впредь собирать их ни с кого не велеть».

Вообще отношение к татарам, особенно торговым, со стороны русских властей, как местных сибирских, так и центральных московских, было, можно сказать, самое предупредительное. Это, впрочем, и понятно вполне, так как с самого завоевания Сибири, начиная с XVI столетия, все XVII, XVIII века и почти всю первую половину XIX столетия сибирская торговля, особенно в западной половине страны, держалась, главным образом, на татарах и заграничных их соплеменниках, так называемых бухарцах, выходцев из Кашгарии, в описываемое время проживавших преимущественно по западно-сибирским городам отдельными при них «бухарскими» слободками или совместно с татарами среди русских⁶⁸. Уже во времена Кучума бухарские торговые караваны навещали его столицу. Гибель Ермака при устье р. Вагая последовала во время похода его вверх по Иртышу навстречу бухарскому каравану, по слухам, следовавшего в

⁶⁷ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 2025.

⁶⁸ *Потанин Г.* Бухарская торговля в Сибири в XVIII столетии... *Потанин Г.* Материалы к истории Сибири // Чтения Московского общества истории и древностей российских за 1867 и 1868 годы.

в обсуждении этого вопроса кн. Гагарин — неизвестно, известно лишь, что в этом же году он был назначен Генеральным президентом Сибирского приказа, но при издании приказом постановления о тобольских татарах, по-видимому, состоял еще в должности «Сибирских провинций судьи». Во весь последующий шестнадцатилетний период председательствования кн. Гагарина в Сибирском приказе и губернаторствования в Тобольске никаких жалоб и претензий ни со стороны русского духовенства на татар, ни татар друг на друга в архивных актах того времени не имеется. Напротив, в 1705 году воспоследовало даже повеле-

ставку атамана при устье Тобола для торга. Сам Кучум после бегства своего из Искера долго скитался в Барабо-Кулундинских степях в сопровождении нескольких десятков торговых бухарцев, имевших свои пашни при реке Оби, близ которой в 1598 году он и погиб, будучи настигнут тарским воеводой кн. Елецким⁶⁹. При Ямышевском соленом озере уже в те времена ежегодно в конце лета обыкновенно составлялся род ярмарки, на которой происходил обмен сибирского пушного товара на «иркетчину» (тканевый товар), привозимый с одной стороны сибирскими татарами, а с другой — бухарцами из Восточной или Кашгарской Бухарии. И в гагаринские времена торг или обмен товарами этого рода производился с не меньшей интенсивностью. Он поощрялся всеми зависевшими от администрации мерами. Торговый караванный тракт в это время проходил не там, где он устанавливался в конце XVIII столетия и существовал всю первую половину XIX в., не по западную сторону озера Балхаш через Киргизские степи на Петропавловск, Троицк и Оренбург, тогда еще не существовавшие, а по восточную сторону этого громадного озера, даже восточнее Исык-Куля и Ала-Куля чрез Илийскую долину, котловиною озера Зайсан к устью реки Убы, впадающей с правой стороны в Иртыш, и здесь после переправы через эту реку на правую его сторону раздвоялся: часть его шла вдоль Космалы, впадающей в Обь, до этой последней и далее на Томск, другая же, следуя правым берегом Иртыша, доходила до Ямышевского озера, где караваны, следовавшие этим трактом, поджидались уже обыкновенно частью русских и татарских торговцев с сибирским товаром из Томска, следовавшим сюда сухопутьем, и торговцами той же категории, следовавшими сюда из Тюмени, Тобольска и Тары водою, одновременно с казенным караваном дощаников, приходивших сюда к этому времени для погрузки солью в довольствие ее северных городов Западной Сибири. Экипаж этих дощаников, состоявший обыкновенно из нескольких сот тюменских, тобольских и тарских казаков, одновременно являлся и грузчиком соли на них и воинскою охраною торговцев от нападения всякого рода хищников из калмыков и киргиз-кайсаков, рыскавших по степи большей или меньшей величины вооруженными партиями.

Предметами торга с сибирской стороны были: не попавшая в ясак пушнина, разного рода металлическая, чаще всего чугунная утварь и посуда на азиатский образец, сукна, мелкие кустарные изделия по азиатскому вкусу и пр. С бухарской и от местных кочевников (калмыков) шли лошади, шкуры диких степных животных — волков, сурков, лисиц, корсаков и др., хлопчатобумажные и шелковые ткани, обувь, одежда, ковры, войлок; сладости: урюк, изюм, кишмиш, грецкие орехи, фисташки и проч. Подвоз товара год на год не приходился и зависел от всякого рода случайностей. Бывали годы, когда за разграблени-

⁶⁹ Акты исторические. Т. 2 // Акты Императорской археографической комиссии.

ем караванов в пути торгоа при озере не составлялось совсем. С начала XVIII столетия к числу причин, препятствовавших свободному развитию здесь торговли, присоединилось соперничество между суверенными владельцами окружающих озеро обширных степных пространств. Джунгарские ханы по мере увеличения могущества их ханств становились все более и более притягательными по отношению к русским властям и всем являющимся на озеро для торговли и ломки соли, заверяя, что все степи, лежащие южнее р. Омь, впадающей в Иртыш с правой стороны, и Камышловских озер, стекающих в него же с левой стороны, составляют территориальную принадлежность Джунгарии и в качестве таковых подлежат исключительно ведению джунгарского контайши (хана), а не московского царя или его наместника в Тобольске. А если это так, то от него, контайши, зависит, пускать ли русских служилых или торговых людей за указанную грань его владений или нет, и разрешать ли им безданно или за пошлину торговать здесь и ломать соль. В свою очередь сибирский губернатор, крайне заинтересованный развитием сибирско-бухарской торговли и свободной добычи соли при Ямышевском озере, определенно заявил, что спокон века повелось, что все земли, омываемые большими и малыми реками, вливающимися в Северное Ледовитое море, от истоков этих рек и до впадения в океан были и есть неоспоримая собственность Белого царя, а потому не может быть никакой и речи об обложении той или иной пошлиной всех приезжающих к озеру на торг людей, кто бы они ни были, или о запрещении ломки соли помимо воли его губернатора «царства Сибирского». Все более осложнявшийся спор между высшими представителями двух соперничающих стран перешел в открытое вооруженное столкновение и закончился в 1715—1719 годах, как увидим [далее] ... занятием сибирскими войсками кн. Гагарина навсегда не только озера Ямыш со всем его соляным богатством, но и всем средним и частью верхнего течения Иртыша с возведением на нем в те же годы крепостей Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской, каковые существуют и поныне, обратившись большей частью в города тех же названий.

Почти столь же давними по времени подданства России, как и татары, были из коренных жителей Сибири ближайшие соседи татар — вогулы и обь-иртышские остяки, подпавшие под власть русских в конце XVI столетия. Правда, прежде чем прийти к этому мирному положению, в каком мы их застаем в гагаринское время, как те, так и другие не раз, особенно в Смутное время на Руси, пытались быть [сами по] себе, как при Кучуме-царе, но, многократно потерпев в этом неудачу, постепенно смирились со своей участью, уступив русским пришельцам, обложившим их ясаком, часть лучших своих рыбных и звероловных угодий и подчинившись их разносторонней эксплуатации в качестве народа покоренного и бессильного. Далек

уступая татарам и по даровитости природы и по численности населения, они пропитывались теперь сбором кедрового ореха, рыбной ловлей и охотой на пушного зверя и птиц. Часть их была уже окрещена настоянием Тобольского митрополита Филофея, вызванного в 1700 году из Киева со специальной целью христианского просвещения сибирских инородцев. Мысль об этом просвещении возникла впервые, по-видимому, всего лишь за несколько лет до прибытия в Сибирь Филофея, как то видно из челобитья митрополита Павла к царям Ивану и Петру Алексеевичам от 13 ноября 1696 года со ссылкой на то, что «в прошлом-де в 188 и 193 годах [1680 и 1695] велено ему иноземцев добровольно хотящих в православную христианскую веру принимать и крестить и на такое дело их призывать и государскою милостью обнадеживать, чтоб они приняли святое крещение».

Через пять лет после этого по тому же поводу именем его царского величества издается 18 июня 1700 года указ, которым повелевается послать сибирским воеводам в Тобольск, Томск, Тару, Кузнецк, Красный Яр, Якутск и Нерчинск его великого государя грамоты, коими (между прочим) предлагалось: «для утверждения и приумножения в православную Христианскую веру, и проповеди Святаго Евангелия в тех идолопоклонных народах [китайцах, бухарцах, калмыков], тако ж для приведения *ясачных народов* в веру Христианскую и святое крещение, которые близ Тоболска и иных Сибирских городов живут, Великий Государь *говоря о том со Святейшим Патриархом*, указал писать к Киевскому Митрополиту, чтоб он, подражая о том святом и богоугодном деле, поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из Архимандритов и Игуменов, или иных знаменитых иноков добраго и ученаго, и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тоболску быть Митрополитом, и мог бы Божию помощью исподволь в Китае, и в Сибири, в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго Бога и привел бы с собою добрых и ученых непрестарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли Китайскому и Мунгальскому языку и грамоте научиться и их суеверия познав могли твердыми Святаго Евангелия доводами многия души области темныя сатанинския привести во свет познания Христа Бога нашего, и тамо живущих и приезжих Христиан от прелести всякого идолослужения их отводить, и тамо могли б жити, и у той построенной Божией церкви служить, чтоб своим благим житием Хана Китайскаго и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу и к Российскому народу людям, которые по вся годы с караваны и для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных»⁷⁰.

Неизвестно, чрез какой из приказов или какое-либо другое из тогдашних правительственных учреждений проведено это замеча-

⁷⁰ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 1800.

тельное во многих отношениях царское повеление, видно лишь, что в той его части, которая касается христианской проповеди среди иноверцев, прошло при ближайшем участии, а вероятно, и настоянии последнего из допетровских Святейших Патриархов Адриана в духе порицания бывшего митрополита Сибирского и Тобольского Павла, человека сурового, стяжательного, обратившего свою дворовую митрополичью челядь в опричнину, а проповедь христианскую среди иноверцев в насилие и вымогательство⁷¹. Теперь, очевидно, для этого дела на митрополичью кафедру в Сибири требовался человек «добрый, ученый и благой, непорочного жития», как сказано в указе Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому).

Исполняя царскую волю в подыскании требуемого человека, Варлаам Киевский остановился в своем выборе на архимандрите Димитрии (Туптало)...

Вновь назначенный митрополит, отправляясь в Сибирь, захватил с собою и требовавшихся для проповеди веры Христовой монахов, из которых один архимандрит Мартиниан вскоре же отправляется со специальной миссией обращения в православие коряков и камчадалов в покоряемую тогда под русскую власть Камчатку, а другой — в Березов для проповеди среди остяков и вогулов. О степени участия в проповеди среди инородцев в первые годы пребывания в Сибири самого Филофея неизвестно. Известно лишь, что должность свою он исполнял «неленостно»; по его инициативе в Тобольске, между прочим, открыта в 1703 году при архиерейском доме *Славяно-латинская духовная школа* для обучения *детей духовенства и новокрещенных инородцев* [18], а в 1706 году учреждено в Иркутске викариатство [19]. Почувствовав усталость и недомогание, Филофей в 1710 году, приняв схиму под именем старца Феодора, удалился на покой в один из монастырей города Тюмени. Одной из причин, заставивших, по-видимому, отказаться от высокого звания митрополита, было сознание невыполненности им главной из возложенных на него задач — успешной проповеди христианства среди остяков и вогулов. Нами уже говорилось выше, что инородцы эти, осведомясь о смуте, поднятой в половине первого десятилетия — 1700-х годах башкирами, в свою очередь также в том или ином виде стали заявлять свое недовольство русскими порядками, отказываясь даже платить ясак и вынуждая тем самым часть войск, потребных для подавления башкирской смуты, держат при себе. Многие из остяков и вогулов, принявших уже хрис-

⁷¹ Кроме сказанного выше о митр[ополите] Павле см. ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 3. № 1541 — о даче митр[ополиту] Павлу денежного жалованья и отказе в просьбе о пожаловании ему слобо[ды] Нишинской под Тобольском; № 1594 — жалоба тобольских татар и бухарцев на митрополита за притеснения с его стороны и ложные доносы в Москву; № 1601 — о прекращении обид и разорений, наносимых мирским людям десятильниками Тоб[ольского] митрополита.

тианство, открыто открещивались от него; церкви стали мало посещаться и заброшенные были ими «шайтаны» и «капища», как называло русское духовенство остяцкие юрты с их «идолами», снова обрели своих поклонников. Бывший митрополит счел себя обязанным довести об этом до сведения Сибирского приказа в Москве, где в это время президентствовал назначенный в том же году сибирским губернатором князь Матвей Гагарин.

Князь, как мы знаем уже, был человек религиозный, и потому получение такого извещения не могло не заставить его задуматься над вопросом, как на это реагировать. Вместе с тем, как человек не только религиозный, но и государственный, он не мог, конечно, отнестись к делу односторонне. Как видно из последующих его действий и распоряжений по делам христианского просвещения инородцев вообще, он посмотрел на это не только с точки зрения интересов православия, но и интересов государства и самих инородцев. В интересах православной церкви и Русского государства было, чтобы населяющие Сибирь народы представляли собою не просто конгломерат национальностей, чуждых друг другу, а государственную мощную организацию, объединенную, если не общностью племен и языка, то, по крайней мере, верой. В интересах самих мелких и порабоженных русскими сибирских инородцев ему, несомненно, казалось, должно быть, стремление их, оставаясь на истари занятых ими урочищах и твердо держась старых привычных промыслов, дающих им пищу и одежду, сделаться поклонниками того же самого, что и у русских, Вершителя людских судеб. Общность веры, объединив их, забитых и порабоженных, с крещеным русским народом, поставит и их под защиту одного с ним могучего русского Бога, одних и тех же угодников Божиих — чудотворцев и того же нательного креста, который в виде талисмана носит на себе каждый крещеный человек. Тот же всемогущий Бог и святые чудотворцы, несомненно, вступятся тогда за своих новых поклонников и охранят их от насильников-торговцев и сборщиков ясака и проч. и проч. Нужно только, думалось князю, ясно и убедительно показать инородцам, что русский православный Бог несравненно сильнее языческих богов... За доказательствами ходить недалеко, они испытаны самими русскими еще при равноапостольном киевском святом князе Владимире, стоит только, как и при нем, спалить огнем идольские капища и самих идолов побросать вместо Днепра в Иртыш и Обь. Языческие боги не вступятся ни за тех, ни за других, и тем самым воочию докажут всем свою беспомощность в борьбе с русским Богом и его угодниками. Если к этому еще добавить постройку вместо языческих кумирен православных церквей и часовен с установкою в них святых икон, да кое-чем одарить вновь обращенных христиан, то дело дальнейшего подведения их соплеменников под один ритуал с великодержавной на-

родностью пойдет уже само собою. Эти и подобные им мысли, несомненно, роились в голове всесильного тогда президента Сибирского приказа, когда в ответ на послание принявшего уже схиму бывшего митрополита Тобольского Филофея последовал из Сибирского приказа в виде пробного шара и приступа к выполнению намеченного широкого плана царский указ от 7 июня 1710 года...*

Соответственно числу новых церквей увеличено было и число состоящих при них церковных причтов с отпуском на то средств от казны. Одновременно с этим в целях укомплектования новых причтов священноцерковнослужителями по возможности из числа тех же вновь обращенных инородцев открыт был при Славяно-латинской митрополичьей школе в Тобольске прием детей новокрещенных, подающих надежды по своим способностям на удовлетворительное усвоение русского языка, грамоты и необходимых для церковного служения знаний.

В какой мере совместные работы митрополитов Филофея и Иоанна и кн. Гагарина оправдались полученными результатами, кроме числа вписанных в метрики новокрещенных, по одному из них увидеть, конечно, не удалось, ибо ими заложен был лишь фундамент большого здания, дальнейшая же постройка его и оборудование легли на их преемников. В должной ли мере эти последние приложили свои усилия к выполнению выпавшей на их долю задачи, мы не знаем, ибо архивных памятников их деятельности по этой части пока не обнаружено. Судя по тому, что нам известно о мероприятиях их по продолжению всего, что начато Гагариным, дело это не только не пошло дальше, но, наоборот, затормозилось из опасения, чтобы такое продолжение не возбудило предательской слежки за ними обер-фискала Нестерова с его «старателями» и не навлекло бы на них царского гнева, разрешившегося по отношению к Гагарину его повешением⁷².

Одно можно сказать с уверенностью, что если не самое просвещение крещенных инородцев истинами учения Христа, то приобщение их к «русской вере» с обращением остяка Елески Хромого в Григория Романова, Лугуйки-Торум-Ючена в Ивана Ючина, просто Ерепяки Остяка в Егора Петрова в честь царя Петра и т.д., несомненно сыграло видную роль и в самосознании этих Елесок, Лугуек, Ерепячек, и в правовых, религиозных и экономических их взаимоотношениях с господствующим народом русским.

⁷² В «Пам[ятниках] Сиб[ирской] ист[ории] XVIII века» [кн. 2-й] мы находим, например, попытки затормозить установленные кн. Гагариным выдачу причтам вновь построенных для новокрещенных церквей отпуск денежного и хлебного жалованья, установления для вновь обращенных в христианство инородцев, независимо от ясака, подушной подати наравне с русскими крестьянами и тому подобное.

* См. С. 48 данного издания. — *Прим. состав.*

В настоящее время крещеных остяков в Сибири числится до 20000, вогулов — до 5500, тунгусов — 22000, якуты все 250000 христиане, коряки и камчадалы тоже христиане. Каким это должны быть и есть в действительности убежденные христиане, мы знаем не только по ним собственно, но и по самим русским людям, принявшим христианство не двести, а почти тысячу лет тому назад.

Веря в силу и значение религии, хотя бы только формально исповедуемой тем или иным народом, кн. Гагарин, в бытность сибирским губернатором, являлся ревностным проводителем «русской веры» не только в узком круге местных инородцев, но и далеко за пределами Сибири.

Помня указ, изданный еще в 1700 году, которым великий государь с Святейшим Патриархом «повелел» в идолопоклонных народах (Китае, Бухаре и у калмык[ов]) с Божиею помощью «исподволь в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых приводить в поклонение истинному Богу», — князь Гагарин все время своего состояния в Сибирском приказе и на губернаторстве зорко следил за всякою возможностью проведения русского влияния и мощи за границую России и этим вероисповедным путем, как это делалось им в сотрудничестве с обоими митрополитами в Сибири. Так это было, например, во время посольства к джунгарскому хану (хану), снаряженного князем Гагариным во главе с тарским казацким головою Иваном Чередовым для переговоров с ханом по пограничным между Сибирью и Джунгариею делам. К посольству этому по рекомендации митрополита Иоанна прикомандирован был один из иеромонахов сначала «для исполнения треб» при посольстве⁷³, а затем, по отъезде Чередова из Джунгарии, оставлен там при ханской урге под предлогом исполнения тех же духовных треб при русских пленниках в Джунгарии, а в действительности для того, «чтобы своим житием», как писалось в помянутом указе 1700 года, «хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу»⁷⁴. Так же сделано было и при отправлении вскоре затем при одном из торговых караванов в Монголию двух иеромонахов «для изучения монгольского языка» при ставке кутухты⁷⁵. Так же и в 1715 году при отправке в Пекин торгового каравана, к которому причислен был архимандрит Илларион (Лежайский) с братией «для исполнения треб» при русских военнопленных, оставшихся в Китае по Нерчинскому договору 1689 года, после взятия китайцами нашего Албазинского острога на Амуре. Действительная цель отправки духовной миссии столь значительного состава, как и двух предыдущих, шла далеко далее выполнения скромной задачи, поставленной ей официально. Мысль

⁷³ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. С. 526.

⁷⁴ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 4. № 1800.

⁷⁵ Сулоцкий А. Указ. соч.

об основании в столице Небесной империи русского духовно-политического стана лелеялась уже давно; князь Гагарин искал для этого лишь удобного предлога и случая, и случай этот представился в 1712 году, когда через Сибирь по поручению знаменитого китайского императора Канси следовало в столицу России большое посольство, якобы для засвидетельствования прославленному русскому царю уважения Сына Неба.

Отлично сознавая, что это только предлог для посольства, а истинная цель его заключается в чем-то другом, князь Гагарин решил так или иначе проникнуть в эти цели. Всем комендантам городов на пути следования посольства предписано было относиться к нему с всевозможной предупредительностью, обставив его в должной и сверхдолжной степени всем необходимым для столь дальнего и трудного путешествия, включительно до нескольких бочонков русской водки и пива⁷⁶. «Для услуг» при посольстве, а в действительности для наблюдения за ним, послан был из Тобольска навстречу посольству подполковник Ступин при особо данной ему секретной инструкции. В Тобольске посольство предупредительно остановлено было Гагариным «для отдыха» и приятных бесед «с губернатором царства Сибирского» за столом яств и питей хлебо-сольного князя. Среди этих бесед было дознано, что истинная цель китайского посольства заключается в склонении состоявшего под русским протекторатом Аюки-хана калмыцкого, кочевавшего со своим народом между Уралом и Астраханью, к вооруженному выступлению против хана джунгарского, находившегося в войне с Китаем и приютившего у себя для кочевания до 10000 кибиток, сбегавших от Аюки-хана в Джунгарию с сыном Аюки Синджибом, поссорившимся с отцом из-за своей жены и невестки последнего. Приняты были все меры к тому, чтобы посольство не доехало до столицы России за постоянным отсутствием царя из своих столиц, а поездка к Аюке-хану не привела бы ни к чему; зато надавана была масса всякого рода обещаний по другим делам «ради обоюдных выгод двух соседних и дружественных между собою великих государств». Тут же, кстати, указано было на полезность иметь в столице Сына Неба особую русскую миссию из духовных и светских лиц для исполнения, с одной стороны, духовных треб при захваченных китайцами русских албазинцах, а с другой — для подачи им и прибывающим в Китай русским торговым караванам медицинской помощи «русскими способами». Согласие было дано главою высокого китайского посольства и потому, когда это посольство в 1715 году проезжало через Тобольск обратно, не достигнув главной цели своей поездки в Россию, к нему была присоединена русская духовная миссия во главе с архимандритом Илларионом при нескольких ученых монахах, не менее ученом русском лекаре

⁷⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. I. С. 494.

немце Гарвинге и его «помощнике» немце же Ланге, имевшем поручение обследовать на месте условия производства русской торговли с Китаем через Сибирь и внутри Китая⁷⁷.

Миссия милостиво была принята богдыханом и умелым ведением дел вскоре же добилась того, что из временной обратилась в постоянную, не только духовную, но и дипломатическую для деловых сношений петербургского двора и сибирского губернатора с пекинским двором и министрами богдыхана. На архимандрите Илларионе с братией помимо исполнения прямых своих обязанностей лежало тайное наблюдение и возможное парализование действий находившейся в Пекине миссии католических иезуитов [20], сыгравших столь видную и крайне невыгодную для нас роль при заключении Нерчинского трактата. Духовная миссия при пекинском дворе, как известно, со времен архимандрита Иллариона непрерывно существовала там и по наши дни, исполняя нередко весьма важные поручения, далеко выходящие из пределов прямого своего назначения. В частности, для познания истории и географии Китая, Монголии и Средней Азии учреждение в Пекине духовной миссии имело громадное значение трудами одного из ученейших русских синологов, бывшего начальника этой миссии архимандрита Иакинфа Бичурина [21], пробывшего в Китае 15 лет и оставившего в наследие нашей науке такие высокоценные труды, как «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», «История первых четырех ханов из дома Чингисхана», «Историческое описание ойратов, или калмыков», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена» и многие другие, без которых до сих пор не может обойтись ни один из серьезных путешественников, историков и географов, изучающих Внутреннюю Азию.

⁷⁷ *Бантыш-Каменский Н.* [22]. [Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг. Казань, 1882]; *Балкашин Н.* Трактаты России с Китаем // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 3–176.

Глава VII

Первые шаги в глубь Средней Азии

Юг Кучумова царства и север нынешнего Степного края Сибири. Беглый обзор истории Степного края со времени появления русских в Сибири. Соляные экспедиции в верховья Иртыша к Ямыш-озеру. Нашествие калмыков. Разведки атамана Грозы Иванова и сына боярского Черкасова. Указ царя Михаила Федоровича о постройке укрепленного острога при устье реки Оми. Дела калмыцкие. Наши сведения о странах, прилегающих к югу Сибири в допетровское время, и мечты лучших русских людей о сношениях с этими странами. Мысли о них же кн. Гагарина. Вести о яркендском и куху-норском песочном золоте. Разведочные экспедиции в те края, снаряженные кн. Гагариным во главе с дворянином Трушниковым и казацким головою Чередовым. Наказ кн. Гагарина Чередову и «лист» к контайше джунгарскому. Первая поездка кн. Гагарина в столицу с вестями про яркендское золото и планами военной экспедиции туда рекою Иртышом. Указы царя Петра о золоторазведочной экспедиции через Хиву вверх по р. Амударье и гвардии майору Бухгольцу о воинском поиске по Иртышу до Ямыш-озера, а если окажется возможным, то и далее вплоть до месторождений золота. Меры снаряжения экспедиции Бухгольца. Отплытие из Тобольска и предупредительный «лист» кн. Гагарина к контайше джунгарскому о командировании Бухгольца. Возведение русского укрепления при Ямыш-озере. Тревога по этому случаю в Джунгарии и посылка к Ямыш-озеру большого воинского отряда джунгар под водительством Черен-Дондука. Осада новой крепости Черен-Дондуком. Затруднительность положения Бухгольца, разрушение крепости и отплытие по Иртышу обратно к устьям р. Оми. Возвращение Черен-Дондука на юг Джунгарии и спешные меры кн. Гагарина к вторичному заложению русского укрепления при Ямышевском озере. Заложение русского укрепления при устьях р. Оми и Железинки при Иртыше на пути к Ямышеву. Дипломатические сношения кн. Гагарина с Китаем, Джунгарией и киргиз-кайсацкими ханами по поводу ямышевских событий. Представления к царю, находящемуся за границей. Систематическое занятие р. Иртыш выше Ямышева. Заложение Долонской, Семипалатинской и Убинской крепостей. Двукратные воинские поиски на озере Нор-Зайсан. Вмешательство царя. Неожиданная немилость царя к Гагарину и посылка в Сибирь гвардии майора Лихарева для следствия над Гагариным и замене его в деле по Яркендской экспедиции. Лихарев в Тобольске, пригото-

ния его к новой Верх-иртышской экспедиции и вторичная дипломатическая командировка казацкого головы Ив[ана] Чередова к контайше джунгарскому. Военский поезд Лихарева в озеро Нор-Зайсан и Черный Иртыш [1]. Столкновение с джунгарами. Отплытие обратно и заложение на пути по Иртышу крепости Усть-Каменогорской. Возвращение Лихарева в С.-Петербург. Гнев царя и указ его [о] срытии всех возведенных на Иртыше укреплений за исключением Ямышевской. Миссия Чередова, удачные переговоры с контайшой и возврат в Тобольск совместно с посланцем контайши, везущим «лист» контайши с просьбой о принятии Джунгарии «под протекцию» его царского величества. Смерть Чередова в Тобольске. Казнь кн. Гагарина в С.-Петербурге. Приезд посланца контайши в столицу. Торжественно-милоостивый прием у царя. Посольство от царя к контайше капитана Унковского. Безрезультатность его. Неоцененная великая заслуга князя М.П. Гагарина перед Россией.

Занятием Камчатки и Чукотско-Анадырского края [2] закончилось подведение под русское державство всего севера Сибири, составляющего две трети общей площади всей нынешней Азиатской России. В какие-нибудь 100–140 лет русские, преодолевая суровость климата и непроходимость тундр и лесов необъятной страны, очутились у морского пролива, отделяющего материк Азии от Америки, за десять

Рукописная карта Сибири неизвестного автора круга С.У. Ремезова. 1718 г.

Из кн. «Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв.». М., 1964

тысяч верст от древнестолличного города своего государства Москвы [3]. Цена во вновь приобретаемых «землицах» Азии более всего обильнее всякого рода пушного зверя, русские люди в первое столетие своего владычества здесь, можно сказать, умышленно обходили ближе лежащие к их метрополии скотоводо-земледельческие и рудоносные уголья Юго-Западной Сибири. Весь нынешний Степной край с Туркестаном и минеральные залежи Алтая и Саян вплоть до конца XVII столетия оставались как бы вне интересов русских пришельцев, у которых в те времена, соответственно их численности, и без того было с излишком достаточно как земель для продовольствия себя и домашнего скота, так и всякого рода ископаемых для удовлетворения ничтожных еще тогда запросов промышленности Московского государства. Не последнюю, конечно, роль в таком предпочтении одних уголдий перед другими играла и большая легкость завладения первыми сравнительно со вторыми, принадлежавшими не слабым численно и интеллектуально инородцам крайнего севера страны, а таким более культурным и мощным народностям, как башкиры, ногаи, саянские «киргизы» и в более позднее время киргиз-кайсаки, калмыки-джунгары [4], монголы и народности среднеазиатских ханств. Князю Петровичу Гагарину суждено было по ходу исторических событий, как увидим подробнее в этой же главе, положить серьезное начало к прочному завладению русскими и областей Северной Азии, принадлежавших дотоле этим более мощным народностям материка.

Не вдаваясь в глубь исторического прошлого этих областей, заметим лишь кратко в виде введения к последующему повествованию о начале их захвата русскими при князе Гагарине, что ко времени нашего появления в Сибири весь юг Кучумова царства (в районе северных уездов нынешних Тургайской и Акмолинской областей [5], равно как Барабинские и Кулундинские степи Томской и Алтайской губерний) [6], был занят малолюдными кочевьями тех же сибирских татар, что обитали в низовьях Иртыша с его левыми притоками Тоболом, Исетью, Миассом, Вагаем, Ишимом и другими более мелкими реками и речками той же водной системы, и в отличие одних от других называвшихся в верховьях Яика [7], Исети, Миасса и Уя — башкирами, в верховьях Тобола, Ишима, — тургаями и далее к низовьям Яика — ногаями, а в Барабе и Кулунде — барабинцами⁷⁸.

Подданными Кучума-царя собственно считают только часть башкир и ногаев, ближайших к его царству. Все западные приуфимские башкиры и яицкие ногаи, занимавшие тогда север ны-

⁷⁸ Прозвище «татарин» существует только на русском языке, сами же татары, как сибирские, так и казанские, астраханские, касимовские, крымские, башкирские и собственно ногаи — остатки распавшейся Золотой, или Кипчакской, Орды, как во времена своего величия и прежнего обитания, так и ныне, где бы они ни жили, всегда называли себя и называют теперь «ногаями».

нешней Тургайской и почти всю Уральскую области, считались, первые полуноминально, подданными России, а вторые — независимым ни от кого народом. Рядом с ногаями восточнее и юго-восточнее их в районе южных частей нынешних Акмолинской и Тургайской областей и Приаральской части Сырдарьинской области кочевала «Казачья Орда»⁷⁹, не бывшая также ни в чьей зависимости. Весь Каркаралинский уезд, Семипалатинский и север Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области в этот период истории Юго-Западной Сибири представлял «дикое поле», никем не заселенное еще, или правильнее сказать, когда-то покинутое древними неизвестными нам его обитателями. Вся восточная часть Томской губернии, не входившая в состав Кучумова царства, равно как и предгорья Алтая и Саян, были заняты кочевьями независимых «киргиз[ов]» [8] — древних обитателей этих районов Сибири и горных теленгутов [9], среди которых к этому времени стали появляться и передовые улусы калмык[ов] — «торгоутов», предпринявших грандиозное перемещение своих кочевий [10], как будет сказано ниже подробнее, сначала в пределы нынешних Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областей и остановившихся в низовьях Волги по ту и другую ее стороны, где находятся и теперь под названием астраханских и придонских калмыков [11].

Сбитый со своего главного куреня при устье Тобола, Кучум бежал сначала в Барабинские и Кулундинские степи своих владений, где и бродил еще целых 15 лет со своими приверженцами, «скрытно и явно пакостяше русским и ясачным зельпе», пока не был окончательно разбит русскими при р. Оби в 1598 году, после чего вынужден был бежать «с малыми людьми в ногайскую землю жити и кормитися нищетою». Его заменил сначала уцелевший от обского погрома старший из сыновей царевич Алей, а затем и внуки его, продолжавшие борьбу с русскими в союзе с ногаями и надвигавшимися с юга калмыками еще несколько десятилетий, пока, наконец, не были перебиты или покорены и частью изгнаны из пределов бывшего своего царства.

По мере «истеснения» Кучума и его сородичей из завоевываемых русскими районов Сибирского «царства» оставшиеся целыми и не сбежавшие с насиженных урочищ его бывшие подданные — вогулы, пелымцы, остяки и татары разных наименований — облагались взамен вносившихся ими ранее «на Кучума-царя» ясака натурою таковым же ясаком «мягкой рухлядью» на царя Московского. Все приписанные к Пелыму, Березову, Сургуту, Тюмени и Тобольску инородческие волости к началу XVII столетия уже беспрекословно вносили причитающийся с них сбор. Начался этим сбор ясака и с причисленных к вновь построенному вверх по Иртышу

⁷⁹ Ныне называемая нами «Киргизскою Ордою», хотя сами киргизы никогда этим именем себя не называют, а зовутся «казаками» (казахами. — Прим. сост.).

городу Таре [12], волостей в южном районе нынешней Тобольской губернии, Каинском и Татарском уездах Томской и северных частях нынешних Омского и Петропавловского уездов Акмолинской области. Одновременно с этим в виде государственной регалии [13] установлена была ежегодная выломка и сплав соли [14], в потребность северных городов края, с лежащего в 700 верстах от Тары вверх по Иртышу соленого Ямыш-озера, служившего, вместе с тем, еще в кучумовские времена условным пунктом обмена привозимых с юга из Малой Бухарии среднеазиатских товаров на сибирскую пушнину [15].

Несомненно, столь успешно начатое русскими подведение Кучумова ханства под московское державство не замедлило бы завершиться занятием и всего южного его района, но наступившие вскоре после смерти первого устроителя нового края царя Бориса всероссийская разруха и самозванщина не только приостановили это дело, но и надолго изменили всю правительственную политику по отношению к этой части Сибири, отсрочив более чем на 100 лет не только начало прочного водворения русской власти в Степном и Барабинском краях, но и дозволив в течение этого времени поселиться здесь вместо русских людей сначала калмыкам, а затем «Кайсацкой», или, как мы ее теперь называем, Киргизской Орде.

С наступлением успокоения в России вообще и подавлением инородческих выступлений в покоренной части Сибири в частности мысль о продвижении русских пределов в глубь Степного края временно воскресла было вновь, но вскоре же была оставлена. Постоянная потребность в ямышевской соли в связи с происходящим там почти ежегодно обменом товарами с наезжими бухарцами наталкивала на вопрос: не следует ли там построить русский город или, по крайней мере, передовой острожек как опорный пункт русской власти здесь [16]. Указом царя Михаила Федоровича в 1626 г.

*Плавание по сибирским рекам.
Из Ремезовской летописи (конец XVII—
начало XVIII в.)*

Из кн. Н.И. Никитина «Сибирская эпопея XVII в.». М., 1987.

повелено было тобольским воеводам проведать в точности, не следует ли при том Ямыш-озере построить острожек, есть ли там удобная для пашни земля и можно ли установить при том острожке постоянный торг с прилегающими заграничными народами. В исполнение этого указа в том же году послан был из Тобольска казачий атаман Гроза Иванов с боярским сыном Дмитрием Черкасовым, незадолго перед этим представившим в Тобольск из тех же мест образцы извести и алебаstra, принятого за весьма ценную в те времена слюду. Новые разведки Грозы с его товарищем убедили, однако же, Московское правительство, что ради одной соли забираться в такую даль для постоянного там жительства не стоит, ибо «по тому высмотру Грозы видно, что в тех местах пахотных мест мало, трава типец [17] не велик, пашни завести и хлеба на служилых и на жилецких людей пахать негде и всяких угодий мало и лесу хорошего нет и с калмыцкими людьми торгу чаять небольшого и в том остроге чаять прибыли мало», а потому государь, слушая то, указал: «острогу жилого у соленого озера не ставить, а ратных людей по соль посылать перед прежними годы с прибавкою»⁸⁰.

Одновременно с этим, однако же, выяснилось, что если не до самого озера Ямыш, то хотя бы до устьев р. Оми продвинуться необходимо «для калмыцкого бережения», ибо напор калмыков с юга, начавшийся, как было сказано выше, вслед за окончательным поражением Кучума на Оби, к этому времени настолько усилился, что стал давать себя чувствовать уже дерзкими набегами передовых калмыцких шаек под самый город Тару. Особенно это чувствовали на себе подвластные нам барабинские ясачные татары, отгон скота у которых калмыками и захват наиболее ценных звероловных угодий сделались обычным явлением. По доносу о сем в Москву тарских воевод князя Шаховского и Кайсарова последовал 31 августа 1628 года царский указ [18] на имя главных тобольских воевод произвести вверх по Иртышу новый воинский поиск к устью р. Оми, ибо и по расспросу привезших в Москву челобитье тарских воевод, бывальцев тех мест, казачьего головы Назарья Жадовского [19] да конных казаков [20] Безсонки Учужникова с товарищами видно, что «от Тарского города вверх по Иртышу на устье р. Оми острог поставить мочно, место хорошо и угоже и лесу-де близко много, и только-де на Омском устье острог поставити, а из того-де острога оберегати наши ясачные волости ясачных людей мочно и перевоз через Иртыш на Омском устье у калмыцких людей отнять мочно и ясачным людям будет береженье великое от калмыцких людей, а надо бидь де служилых людей [21] в том остроге человек двести и больше... И как-де велеть на Омском устье острог поставити и впредь

⁸⁰ Русская историческая библиотека. Т. VIII. СПб., 1884; Катаноев Г.Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. С. 95–99.

де мочно в том остроге и пашню завести а Барабинский острог (вверх по Оми) тогда мочно свести. И нам бы о том велети указ учинити... И как к вам ся наша грамота придет и вы б в Тобольску о том расспросили и сыскали подлинно (и буде все то по сыску и высмотру окажется правда) вы б из Тобольска велели послать сына боярского [22] добра кому б тот острог устроить и крепостьми укрепить и служилых людей велели с ним послати того острогу ставити откуда будет пригоже не из одного города, сколько будет надобе и велели им тот острог поставить и крепостьми укрепить гораздо, и указали служилым людям в том остроге быти по годам переменяясь. А как на Омском устье служилые люди острог поставят и крепостьми укрепят и вы б на Омском устье на пашню велели послать крестьян из пашенных из ближних городов откуда пригоже, чтоб пашни завести, и семена велели б есте послать из Тобольска или откуда будет ближе»⁸¹.

Осуществиться этому благому указу царя Михаила, однако же, не было суждено, ибо напор калмыков с юга на южные пределы тогдашних русских владений в Сибири оказался гораздо сильнее, чем то предполагалось в Таре и Москве. Инициаторам всего дела, тарским воеводам, не только не удалось укрепиться в устье Оми, но даже наоборот, [пришлось] уступить ранее занятые позиции в районе Степного края и отодвинуться к северу настолько, что калмыки получили возможность, дойдя до Оми, впадающей в Иртыш справа, и ряда камышловских озер, вливающихся в него слева, на много лет здесь обосноваться. По показаниям казаков-разведчиков, проникавших в калмыцкие кочевья при этих урочищах, у них здесь более тридцати лет находился «весь их скот и живот» [23]. Проникнуть за Омь и Камышлов далее в глубь тогдашней русской части Сибири калмыкам, однако же, не удалось, и после многократных более или менее удачных и неудачных набегов под Тару, Коркину слободу (Ишим) и даже Тюмень они вынуждены были, снявшись с облюбованных было ими мест, продвинуться далее на запад в верховья рек Яика (Урала) и еще далее к Волге, где они, как известно, продолжают обитать и поныне⁸².

Опустевшие было после них на некоторое время северные части Барабы и нынешней Акмолинской области мало-помалу стали заниматься новыми пришельцами более могущественных отраслей того же монгольского племени, сплотившихся к половине того столетия в грозное царство Зенгорское, или Джунгарское [24], с столицею их

⁸¹ Русская историческая библиотека. Т. VIII. Указ. соч.; Катанаев Г.Е. Степной край Азиатской России и его заселение (Исторический очерк оседло-кочевой колонизации края с половины XV столетия до наших дней). [Незаконченная работа Г. Катанаева. — Прим. сост.]

⁸² Подробнее о времени нахождения калмыков в сибирских степях см.: Русская историческая библиотека. Т. II. СПб., 1875, VIII, а также в моей книге «Западно-сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии».

ханов в верховьях реки Или, впадающей в озеро Балхаш. Однако память о том, что при устье реки Оми надлежит быть русскому большому поселению, с переменою пришельцев не заглохла. Тобольские воеводы и близкие к ним сведущие люди настолько хорошо это помнили, что в появившейся уже в петровские времена незадолго до описываемых нами годов ремезовской «Чертежной книге Сибири» [25] ясно отмечено приписью на одном из листов этой книги, месте, где теперь находится город Омск при устье реки Оми: «край калмыцкой степи, пристойно вновь быти городу»⁸³[26].

Сибирский губернатор кн. Матвей Петрович Гагарин знал это, конечно, лучше, чем кто-либо другой. Прошрое и настоящее всей Сибири и прилегающих к ней стран ведомо было ему, как явствует из всего изложенного в предыдущих главах настоящей книги, из многих источников. Знал он ее и по тому, что о ней писалось в Сибирский приказ и собственную его канцелярию в Тобольске, знал по тому, что о ней рассказывалось ему всякого чина людьми, бывальцами и видальцами лично; еще более того знал он ее по опыту собственного многолетнего пребывания в Сибири сначала на воеводстве в Иркутске и Нерчинске, а потом и в управлении всей этой страной в звании всесибирского губернатора. Знал он, несомненно, что страна эта на Ямыш-озере и вся Бараба с Пришимскими степями далеко за Камышловские озера принадлежала некогда и платила дань русским начальным завоевателям Сибири; знал, что воинские экспедиции за солью на Ямыш-озеро, равно как и торговый обмен сибирских товаров на среднеазиатские при этом озере лет 80–100 тому назад производились с несравненно меньшими препятствиями, чем теперь, без риска воротиться ни с чем, по требованию джунгарских властей, или подвергнуться разбойному набегу «воровских» партий степных «кайсаков»; знал про мечтания лучших людей своего времени о перспективах грядущего торгового пути России через эту часть Сибири с Индией, «изыскав для сего водяной путь к городам царского величества, чтобы к Российскому государству тот водяной путь был податен и безопасен реками Обью, Яны-Шерою и Селенгою или Иртышом»⁸⁴.

В гагаринские времена, в конце XVII и начале XVIII столетий, в Сибири ходили еще по рукам многочисленные рукописные списки с двух весьма любопытных по тому, да и по нашему времени, произ-

⁸³ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. Издание Императорской Русской археологической комиссии. СПб., 1882; Катанаяев Г.Е. Историческая справка о том, как и когда основан город Омск // Вестник Омского городского общественного управления. 1916. № 7.

⁸⁴ Уляницкий В.А. Сношение России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. [М., 1889]. Московск[ий] Гл[авный] архив Минист[ерства] иност[ранных] дел. Бухарские дела. Кн. 4 — «Посольства Даудова и Касимова в царствовав[ание] Алексея Михайловича».

ведений местных бывальцев и видальцев начала и второй половины первого из помянутых столетий. Произведения эти были: во-первых, доезжая записка или «Роспись Китайскому государству и Обинскому и иным государствам жилым и кочевым улусам и великой Обереке и дорогам» томского казака Ивана Петлина⁸⁵, и, во-вторых, сочинения о «Российском государстве» известного «сербина» Юрия Крижанича [27], находившегося в сибирской ссылке и, в частности, в Тобольске 15 лет⁸⁶ незадолго до прибытия туда кн. Гагарина. Первая разжигала любопытство читателя необычностью картин быта многолюднейшего государства мира, а второе толковало о возможности устройства России на общеевропейских началах и развития ее торговли с иноземными государствами через Сибирь. В частности, говоря о торговле с Бухарией, знаменитый сербин делал замечательные указания на важность этой торговли и строил обширные планы сношений через сибирские реки не только с этой страной и Джунгарией, но и о торговых путях через эти страны в Индию: «Мы (т.е. русские) могли бы, — говорит он, — построивши острог при Сланом (Соленом) озере на Иртыше (т.е. при Ямышеве), покупать там 30–40 тысяч кож воловьих и овечьих и за дешевую цену множество скота, а также и говядины, и баранины, солить их...» и т.д., и т.д. — несомненно, и эти оба произведения были известны кн. Гагарину и не раз направляли его думы на южные сибирские степи, а через них и на благодатные страны культурного юга Азии с их чудною растительностью и своеобразно развитыми промышленностью, торговлей, искусствами, просвещением... — немалую пищу для ума и фантазии давали и имевшиеся в губернской канцелярии оригиналы и черновики тех чертежей разных областей Сибири и прилегающих к ним стран, сборник которых под названием «Чертежной книги Сибири», о которой мы уже не раз упоминали выше, находился с начала 1700-х годов в Сибирском приказе в Москве. Как президенту этого приказа кн. Гагарину не раз, конечно, доводилось всматриваться в этот сборник, заключивший в себе все, что в его время было известно по распросам и доезжим записям по части географии Сибири и соседних с нею стран и путях, к ним ведущих, смотря на эти «чертежи» и сопоставляя их с теми «записями» и донесениями, что поступали в канцелярию от воевод, комендантов и всякого звания служилых людей Сибири о текущих делах внутри страны и за ее границею, сами собою рождались в такой предприимчивой голове, какая была у Гагарина, заманчивые мысли о необходимости восстановить прежние

⁸⁵ Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 211–240. — Подлинная рукопись находится в Моск. главн. арх. Мин. иностр. дел.

⁸⁶ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века. В 2-х т. М., 1859–1860; Крижанич Ю. «Описание новой земли, сиречь Сибирского царства». Изд. Юдина (по рукописи Румянцевского музея). М., 1890.

пределы русского владычества в Сибири, продвинув прежде всего южные границы ее за р. Омь внутрь Барабы и Кулунды до предгорий богатого всякими минералами Алтая и верховьев судоходной великой реки Оби, где при слиянии образующих ее рек Бии и Катунь был уже воздвигнут по его настоянию в 1709 году русский передовой острог (Бийск), уничтоженный потом велением джунгарского контайши Цеван-Раптана [28], во-вторых, заняв правый берег Иртыша русскими укреплениями, по крайней мере, до озера Ямыш, в целях, с одной стороны, навсегда закрепить за нами этот важный тогда во многих отношениях пункт, и с другой, прикрыть устроенными вдоль берега Иртыша укреплениями населяющих Барабу инородцев от нового вторжения сюда джунгар; в-третьих, пользуясь почти полным очищением северных частей нынешней Акмолинской области от проследовавших на запад калмыков — торгоут[ов], взять эти части степей под протекторат России, и, в-четвертых, приблизившись, таким образом, к помянутым странам более культурного юга Азии, вступить с ними в более близкие торговые и иные сношения.

Как бы к наивысшему подкреплению этих мыслей, в конце 1712 года к царю Петру поступило из-за границы указанное уже нами в главе 2-й этой книги «доносительное письмо» Салтыкова, проектирующее между прочими мероприятия, прибыльными для России, и как бы систематическое завоевание Средней Азии: «в степи, которая между Индией и между Тангутами и Китаями и Бухтармы с прилегающими землями, в которых кочуют, преходя, калмыки и мунгалы [29], и в тех степях велеть построить при удобных местах малая фортеции и потому исподволь теми крепостьми подаваться к тем соседственным государствам (для сего завести тысяч 15–20 регулярного войска...); а ежели начать их воевать, тогда начать с Еркентии (Еркенда) от Тарафаны (Турфана) от Казачьей орды и от каракалпаков, и если будет в том деле воинское прилежание всегдашнее... и великия прибыли нашему государству» и ибо «в тех государствах (пишет он далее) свойство: медь, железо, пряныя зелья некоторыя, виноград, лимоны, апельсины, шолк, бумага хлопчатая, китайки, пестряди...»⁸⁷ [30]. Нам неизвестно, отметил ли Петр это место донесения Салтыкова крестом, как он это обыкновенно делал в тех местах, даваемых ему для прочтения докладов, которым он придавал особое значение, но что он вообще читал его, судя по многим его отметкам в других местах этого доклада, не подлежит сомнению. Во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что если он сам не придал особого значения этому месту доклада, то самый доклад, или «доносительное письмо», Салтыкова было после него в руках и находившегося в это время в столицах государства сибирского губернатора кн. Гагарина; если для самого царя Сибирь и среднеазиатс-

⁸⁷ Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 398–403.

кие дела имели не только второстепенное, но зачастую и третьестепенное значение, то для сибирского губернатора они стояли на первом плане. Нужно было, чтобы и для царя они приобрели такое же значение, не отвлекая его от дел на Западе и не пугая сколько-либо значительными денежными затратами на дела восточные.

Осуществлению этих задач в скорейшем времени князь Матвей Петрович Гагарин и посвятил себя, главным образом, с этого времени.

Немедленно же по возвращении из столицы в Тобольск Гагарин, пользуясь сочувственным отношением царя к мысли о продвижении рекою Иртышом в сказочно богатые центр и юг Азии, снарядил две разведочно-дипломатические экспедиции внутрь Азии: одна во главе с тобольским служилым дворянином Федором Трушниковым в Центральный Китай, а другая — с тарским казацким головою Иваном Чередовым непосредственно к джунгарскому контайше [31].

Задача первой заключалась в том, чтобы, побывав в Малой Бухарии (Кашгарии), а если можно, то и далее в стране тангутов, при озере Куху-нор, разведать, подлинно имеется ли там песочное золото в том количестве, как рассказывают об этом бухарские, яркендские, турфанские и другие азиатские торговцы; узнать, как то золото добывается и не представляется ли возможности завладеть теми золотыми россыпями русским людям в потребу «Его царского величества», столь нуждавшегося в деньгах для ведения великой войны со шведским королем и для других важных начинаний в своем государстве. Кто был в составе этой экспедиции из русских людей кроме Трушникова, до нас сведений не дошло, вероятнее всего, весьма немногие; да и те ехали не как русские служилые люди, а под видом торговых сибирских татар и бухарцев, отправлявшихся или возвращавшихся домой с кашгарскими караванами из Тобольска, Тары или с Ямыш-озера. Надо не забывать, иметь в виду, что в те времена, как-то издавно повелось со времен «Кучума-царя», торг Сибири с Бухарией велся не западным путем, идущим от Бухары и Ташкента через Малую и Среднюю Киргизские орды по направлению на Оренбург, Троицк и Петропавловск (которых тогда еще и в помине не было), а восточным путем: от Тобольска вверх по Иртышу на Ямышевское озеро, далее правым берегом Иртыша на Иртышский перевоз при впадении в Иртыш реки Убы и далее котловиной озера Нор-Зайсан, перевалом через Тарбагатай, степями восточнее озер Ала-куль, Эба-нор, перевалом Талки [32] через хреб[ет] Боро-Хоро, долиною р[еки] Или, снежным перевалом через Тянь-Шань на Яркенд и далее через Кашгарию (Малую Бухарию) в другие торговые города этой страны, а нередко и еще далее к озеру Куху-нор в страну тангутов, не раз находившуюся под властью джунгар, хосноутов и других калмыцких племен⁸⁸.

⁸⁸ Потанин Г.Н. О русской торговле с Бухарией в XVIII столетии // Чтения Императорского Моск[овского] общества истории древностей российских. М., 1867.

Пробыл Трушников за границей, как будет сказано подробнее в своем месте, три года и возвратился в Тобольск в 1716 году с многими интересными новостями. Вслед за Трушниковым, а может быть, и одновременно с ним, отправлена была и другая упомянутая уже экспедиция Чередова исключительно дипломатического значения. Для должного представительства русской власти пред могущественным тогда джунгарским контайшой она обставлена была «губернатором царства Сибирского» (как обычно именовал себя кн. Гагарин в сношениях с иноземными владельцами) соответственно важности данного ей поручения: приличным конвоем служилых людей, переводчиками бухарского и монгольского языков, духовником из монахов и многими другими «служилыми, торговыми и всякого чина русскими людьми» с должным количеством русских товаров на азиатский спрос для подарков самому контайше и продаже его ближним улусным людям⁸⁹.

Нужно иметь в виду, что в описываемое нами время Джунгария, благодаря целому ряду даровитых контайшей, сплотивших разрозненные дотеле племена калмыков-олетов в мощный союз, была настолько сильна, что считала возможным вести успешную борьбу не только с такими народностями Внутренней Азии, как бухарцы, киргиз-кайсаки, каракалпаки, хивинцы, но и таким государством, как Китай. Ей были подвластны алтайские инородцы; платили ясак барабинские татары; шайки подвластных Джунгарии калмыков вторгались в пределы ведомства русских городов Красноярска, Кузнецка, Тары. При контайше Галдане-Бошукту [33] в 1678 году под власть Джунгарии подпал Кашгар, куда теперь, как только что сказано, направлялся Трушников с притяньшаньскими городами оседлых бухарцев: в 1686 году джунгарами опустошена была монгольская Халха, Киргиз-кайсацкая орда, завладевшая было всем Северным Туркестаном и Семиречьем, в бессильной борьбе с джунгарами должна была подвинуться к западу, очистив часть Семиречья и заняв взамен этого освободившиеся от нагаев степи нынешних Тургайской и Уральской областей ближе к пределам России. Дерзость их простерлась даже до того, что Галдан-Бошукту вступил в борьбу с Небесной империей и хотя в 1696 году потерпел от Сына Неба, знаменитого китайского императора Канси, страшные поражения, лишившие его 40 тысяч воинов и части владений в Восточном Туркестане, но не был этим обескуражен. Вступивший после него в управление Джунгарией племянник его Цеван-Раптан (к которому ехал теперь казацкий голова Чередов), на предложение покориться богдыхану ответил угрозой освободить от китайской власти всю Халху, Тибет и Хухунор [34], явно бравируя принятием под свое покровительство недовольных Китаем халкинских монголов⁹⁰. Не страшна ему была и Россия, успешно ведшая борьбу с Карлом XII.

⁸⁹ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. № 122. С. 515–527.

⁹⁰ Балкашин Н. Указ. соч.; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч.

Не далее десяти лет тому назад, как мы видели в главе 4, он не постеснялся прогневать русского царя, приняв в свое подданство бежавших из России подданных царя калмыков Аюкинской орды в числе более 15000 душ. Видали, как откликнулся на вызванное этим обстоятельством посольство к Петру императора Канси кн. Гагарин. С такой же предусмотрительностью и осторожностью отнесся он и в данном случае к командированию разведывательного перед предстоящим большим делом посольства Чередова в страну джунгар.

В данном Чередову от кн. Гагарина наказе от 20 июня 1713 года было написано⁹¹: «...по указу великого Государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина тарскому казачью голове Ивану Дмитриеву сыну Чередову велено ехать из Tobолска в калмыцкие улусы к контайше. И как приедет к его улусом, то не доехав его контайшина улуса, послать ему наперед себя толмача с ведомостью от себя и велеть сказать ему, что по указу великого Государя, его царского пресветлого величества, губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин прислал к нему контайше из Tobолска с листом его казачью голову Ивана Чередова; и он бы контайша приказал, где ему Ивану его контайшу видеть. И как он контайша велит ему где себя видеть, то говорить ему Ивану: великого государя, Царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель обладателя, его царского пресветлого величества, губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин, прислал его, Ивана, к нему контайше с листом. И тот лист ему дать и естли контайша спросит о царском величестве великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, о здравии его государеве, или в которой ныне изволит быть войне его царское величество и ему Ивану смотреть того, чтоб он о царском величестве спрашивал и говорил с вежеством, без шапки и не сидя. И естли он будет сидя или в шапке о его царском величестве спрашивать, то ему Ивану говорить, что о имени его царского величества не надлежит спрашивать сиди в шапке, чтоб он говорил с ним, Иваном, о иных делах, а о етаким де великом лице просто говорить не надлежит, сидечи или в шапке. И будет о его царском величестве будет спрашивать его по достоинству, вставши и шапку сняв, и ему Ивану говорить о его царском величестве контайше: Божиею милостию, Великий государь наш царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец и многих государств и земель обладатель, на своих великих и преславных государственных престолах Российскаго государства в Москве во всяком добром здравии пребывает. И потом говорить, чтобы против

⁹¹ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. № 122.

писанных в листу дел велел ему отповедь дать, или писать в Тоболеск к его царского величества к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину. В листе к нему контайше в статьях написано: иноземцы ясачные вечные царского величества Барабинских волостей, и платят они искони ясак его царскому величеству; и к тем иноземцом приезжают его контайшины калмыцкой тайша и чинят великую обиду и берут ясак с них, в том есть не малая обида в стороне его царского величества, чтоб он контайша с них царского величества иноземцев ясаку брать и обиды им никакой чинить не велел. В прошлых годах приходили его контайшины люди под город Кузнецкой и учинили русским людям многое разорение, и многих людей в полон побрали, и несколько скота отогнали, чтоб тех полонных людей сыскав всех, отдать в сторону его царского величества на старые жилища и скот заплатить.

Також город царского величества меж реками Бии и Катунею [нынешний город Бийск], который был построен, и тот город его контайшины люди разорили; и про то бы розыскать и учинить оборону (?) тем которые это учинили.

А будет он контайша станет говорить, что барабинцы издавна ему ясак платят и были у него в подданстве, и ему Ивану на то, по сему своему наказу ответствовать: те Барабинцы вечныя его царского величества ясачные люди, о том он, контайша, сам конечно знает. А они своровали и были некогда в измене, и его царскому величеству в той вине своей били челом, и та вина им отпущена, и велено с них ясак брать по прежнему в казну его царского величества; а калмыцким владельцем в то время и принимать было их не надлежало, что они его царского величества ясачные вечные. А ежели контайша будет говорить о Барабинцах, или иных иноземцах, також и о остроге которой на Бие и Катуне, которой люди его разорили, что они на их землях, и ему Ивану ответ чинить: Барабинцы живут на земли его царского величества; також и город тот построен на земли ж царского величества, потому что те земли на сибирских реках его царского величества.

А ежели он станет говорить, что он контайша кочует на тех землях, и ему отповедь чинить на то слово: многие иноземцы кочуют и не подданные на землях царского величества под городами Астраханью и Самарою и Царицыным и под иными многими городами его царского величества, а свою землею николи не называют а ссоры с людьми царского величества те иноземцы никогда не чинят. Також и наперед сего которые были и в Урге⁹² владельцы и кочевали на тех землях, и с людьми его царского величества ссоры никакой никогда не чинили. И ныне-де, по указу его великого нашего государя, его царского величества губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин ссоры чинить с ним контайшею не хо-

⁹² Главная ставка джунгарских владельцев.

чет; и того-де ради и прислал к нему с листом его казачьего голову посланцом, чтобы никакие впредь ссоры не происходили; а которые произошли чтоб те дела пресечь, чтобы обиды людем его царского величества не было в том.

И ежели контайша станет говорить, что писал листы и посылал послов к царскому величеству, что Кузнечане⁹³ у него разорили юрты и побили людей его и в полон побрали, также и обманщиков (изменников) побили и послов их с Тары к царскому величеству не пропустили, и обороны и отповеди по тем листом ничего не дали, — и ему Ивану говорить: по указу царского величества, послов велено принимать на Таре, и о том отписыватца к Москве⁹⁴; и послы твои не с какова вымыслу, или для какие причины, не дождавсья отповеди из Тары, без отпуску и самоволством (очевидно, обидевшись на непроникновение непосредственно в Москву), поехали (возвратились) в Ургу. А про выше означенные ссоры, по указу великого государя, губернатор князь Матвей Петрович Гагарин розыскать велел в то ж время, и для того послан нарочно розыщик, а удержан-де тот розыск в Кузнецку за военным вашим случаем, что учинили Калмыки великую ссору не дождавшисья против листа отповеди, и по розыску указа пришли под Кузнецкой под город Бакан на Бии и Катуне. И ежели бы тот военной случай от вас не позвалсья в то время на города его царского величества на Кузнецкой и на Бакан, то бы о вышеписаной ссоре розыск всеконечно б был окончен в то же время, и винным бы указ учинен был без пощады. И говорить ему Ивану, чтоб он впредь так чинить не велел, какие прилучатца дела, то надлежит дожидатца розыску всякого дела.

Да ему ж Ивану говорить: купецкова человека Матвея Поппы был в Урге при зайсане приказщик Тимофей Гакбарк, и с ним были многие его Попповы товары, и тот приказщик убит у него в кошу, а те все его товары взял зайсан, чтобы тот зайсан те его Попповы товары которые доныне у него зайсана, чтобы Ирдени Юрукта контайша велел отдать те товары ему посланцу...

И как он Иван с Тары к контайше поедет и приедет, в которых местах контайше лист подаст, и что у него контайши по наказу о вышеписанном ответствованиа будет, или какие ведомости по проведыванью его Иванову объявятца, и которого числа он Иван от контайши отпущен будет, и то все ему Ивану с того времени, как

⁹³ Служилые люди, посланные из Кузнецка «наказать» калмыков и поддавшихся ему саянских «киргиз», считавшихся в русском подданстве.

⁹⁴ С первых лет сношений наших с прикочевавшими к Сибири калмыками, а впоследствии частью и с самим джунгарским контайшой принято было ради предотвращения нежелательных для московского правительства разведок иностранцев о внутренних делах и силах России, а также для усиления престижа московских царей, не пропускать таких посланцев внутрь России далее Тары или Тобольска. Исключения допускались лишь в особых случаях по специальным ходатайствам тобольских воевод.

пойдет с Тары, такоже како изволит Бог и приедет до Тарского города, все велеть ему писать в статейный список о поезде своем на всяких случаях, какие будут в пути, також и в Урге и какие слова будет слушать от него контайши и от Калмык, писать о всем подлинно, порознь и по статьям, и тот статейной список за своею рукою, приехав в Тоболеск, подать в большей канцелярии губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину»⁹⁵.

Мы нарочно привели губернаторский наказ почти полностью, чтобы показать его, с одной стороны, в качестве образца установившихся в гагаринское время форм и тона сношений русской власти в Сибири с соседними более или менее сильными «владельцами», а с другой, для характеристики тех дел, по которым обычно приходилось сноситься в то время с соседней Джунгарией — о секретных задачах посольства, как видим, в наказе не упоминается ни слова; они, очевидно, поведаны были посланцу устно с глазу на глаз самим Гагариным или по его поручению которым-либо из дьяков его «большой канцелярии», заменившей вполне бывшую воеводскую приказную палату или даже Сибирский приказ, о чем было уже нами сказано. Каждое выражение этого «писанного» документа строго продумано и, очевидно, рассчитано на возможность прочтения его переводчиком противной стороны. Все предусмотрено в целях ограждения чести «великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель обладателя, на своих великих и преславных престолах в царственном граде Москве восседающего и в добром здравии пребывающего» — сноситься с которым можно не непосредственно, а только через «его царского величества губернатора Сибири князя Матвея Петровича» — таково значит могущество и величие России и наместника ее, державного повелителя в одном из «царств», входящих в состав этой России.

Получив наказ, Чередов со всеми своими спутниками 26 июля 1713 года отплыл из Тары на дошаниках, отправлявшихся к озеру Ямыш за казенной солью. Прибыл туда 25 августа, а от Ямыша сухим путем на лошадях и верблюдах отправился 13 сентября. На «Иртышский плавеж», т.е. переправу через него в степь (при устье впадающей в Иртыш реки Убы), прибыли 23 сентября, а 27 октября посольство достигло ставки контайши при реке Или, впадающей в озеро Балхаш.

Контайша, оказалось, был как о себе, так и о своем могуществе, мнения не менее высокого, чем русский царь и его ставленники. Прежде чем допустить русского посланца пред свои ясные очи, он не допускал его даже до своей ставки, приказал допросить Чередова через особо высланного чиновника — «которого-де ты города человек и от царского ль величества, или от губернаторской

⁹⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. Ст. № 122.

светлости?»⁹⁶. Узнав же, от кого тот, продержал посланца без приветов и ответа «на Иле реке, против его контайшинных улусов на другой стороне, октября с 27 до ноября по 21 число, изоб постоянных и корму не давали...»⁹⁷.

Явившись по зову контайши в его резиденцию, русский посланец попытался было вручить джунгарскому владельцу адресованный на его имя «лист» и подарки непосредственно из рук в руки, но тот, не приняв их лично, приказал сделать это «людem своим, которые пред ним предстоят». В свою очередь Иван, когда контайша, приняв таким образом княжеские подарки и лист, стал спрашивать его о здравии царского величества сидя и в шапке, вместо ответа на заданный ему вопрос, заметил контайше, что о его царском величестве нельзя говорить в таком непочтительном положении, а нужно сначала встать, снять шапку и затем только спрашивать о столь великом лице. Контайша ответил, что таких почестей по их вере не отдают и на молитве находясь. Тогда «...Иван стал говорить с ним контайшою об иных делах, о чем к нему прислан, и на написанные в листу статьи просил ответствования. И он контайша в то время ему Ивану ответу не дал, и велел сести близ себя на войлок. А посидя малое время, он контайша стал спрашивать вдругойрядь о царском величестве о службах и Аюкахане его царскому величеству служит ли?» — Но и тут наш Иван, как только зашла речь о царе встал на ноги и заявил, что говорить о царской особе когда тот продолжает сидеть в шапке он не станет... И в то число он контайша, сняв с себя шапку, положил ее на место подле себя; и которые зайсаны [35] при нем были в то время и шапки с себя все сняли и положили перед себя на землю на войлоки где они сидели. И на то слово он Иван ему контайше ему ответ давал, что Аюкахан его царскому величеству служит и радеет верно».

Тем на этот раз аудиенция и окончилась. Ни положительного, ни отрицательного ответа на свои вопросные статьи наш посол не получил. Но с этого дня посольству нашему по приказу контайши стали выдавать самому послу по шести баранов и по пуду круп, а служилым и работным людям по овце, да по полпуду круп на месяц каждому, и по полубахче чаю черного на месяц. Целых три месяца, таким образом, под постоянным надзором контайшинцев пришлось еще Чередову пробыть в ставке джунгарского владельца, не получая ни приветов ни ответов на заданные им и написанные в губернаторском «листе» вопросы и объяснения. Только 29 февраля 1714 года он был вновь потребован, но не к самому контайше, а к его доверенным зайсанам «на переговоры, и на написанные статьи в листу ответ давали: барабинцы де, сказали, из-за Лами (Оми?) его контайшины ясашные люди подлинные издавна; а после того улус де его был в

⁹⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Статейный список каз[ачьего] головы Чередова. Кн. 1. С. 520.

⁹⁷ Там же. С. 521.

далном расстоянии (от Барабы), а Тарской город был близ Барабы, и ясак де с них Барабинцов (русские) стали брать насилно. А что де из Кузнецкого взято в полон людей и скота отогнато, о том контайшою писано, чтоб отдать назад. А ваши де (русские) в прошлых годех, (из) Томской, Красноярской, Кузнецкой, нашим людем обиды много чинили. И после того де от нас под те города посылан был Духа зайсан, для розыску правды и вины; и он де розыскать не мог, и воевал, поставленной острожек (Абакан) на своей земле сбил, а началнова человека Андрея во штидесят человеках взял и отпустил в свои города. А из Кузнецкова в полон взял Якова головы сына в начале не де большими людьми, и тех отпустил в Кузнецкой. А что де на Бии и на Катуне в стрелке построен был острожек (Бийск), и та де земля наша, прежней постановленной острожек был мы разорили, и ныне вновь ставить не дадим». Чередов на это объяснял, как писано ему в наказе, но контайшинцы настаивали на своем, поясняя, что «...иноземцы кочюют между городами царского величества, и они де как хотят, а мы де кочюем на своей земле, и та-де земля наша из давних лет. А ныне де мы услышали, что в Тоболеск приехал добрый человек губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин, ему вся Сибирь и дела приказаны делать против старинных лет, и для того посланы (посылаются вместе с Чередовым) от нас Эрке, Тасурхай, Гендун, Деркем; и буде против старинных лет дела делать станем и в совете и в любви жить, и мы осталой кузнецкой полон сберем и выдадим. А что де с Оболдай-Зайсаном шел немчин, (Поппа) и работной его того немчина убил, и о том животе писано, чтоб тот живот отдать ... Ивану Чередову» — что и было действительно выполнено сдачею нашему посланцу 18 марта 124 поставов камок, 18 мер [36] с китайкою (а в них 360 тюмов), 44 бахчи чаю черного, 28 юфтей кож красных на 18-ти верблюдах и еще кое-что из товаров того Поппы, за исключением удержанной десятинной пошлины в доход казны контайши.

Письменный ответ на губернаторский «лист» передан для вручения кн. Гагарину названным четырем посланцам к нему от контайши. Вместе с этими посланцами выехал из ставки контайши и Чередов 21 марта с конвоем калмык[ов] в 100 человек, следовавших с ним и посланцами до впадения в Иртыш речки Чор-чурбан. Переправившись здесь через Иртыш на правую его сторону, шел степью до 20 июля 1714 г. — «...и на реке Иртыше на урочище в частых островах наехали промышленных русских людей человек с 20, и побрав у них лодки, для того что у него Ивана и у служилых людей и взятые Матвея Поппы верблюды пали и товаров везти было не на чем...» Отсюда Чередов и его русская свита поплыли водой до Ямыш-озера, куда прибыли 29 июля, а контайшины посланцы ехали с того же урочища по берегу Иртыша на лошадях и оставшихся целыми верблюдах. Здесь Чередов остановился в ожи-

дании прихода из Тары соляных досчаников, а посланцы проследовали далее, не ожидая его.

Августа 20 поплыл и он, приплыв в Тару 4 октября.

Какие вести привез Чередов с собою и передал их по секрету нашим властям на словах, остается неизвестным⁹⁸.

Между тем князь Гагарин, не дождавшись возвращения в Тобольск Трушников и Чередова, но имея уже в своем распоряжении многие важные по наиболее интересующим его яркендским, камчатским и другим вопросам и делам сведения, вновь выехал из Сибири в Москву, надеясь застать здесь или встретить в каком-либо другом месте вечно разъезжающего царя Петра и поговорить с ним по этим вопросам. Между прочим он вез с собою образцы добытого в Яркенде и привезенного в Тобольск тамошними бухарскими купцами песочного золота, которым он надеялся наиболее заинтересовать Петра и тем самым побудить к скорейшему осуществлению давнишней своей мечты о снаряжении в Джунгарию более или менее сильной воинской экспедиции.

Царь, к счастью Гагарина, оказался в Москве. Являясь к нему, сибирский губернатор в первое же посещение поспешил предъявить ему весьма солидные запасы золота в песке [37], объясняя, что то золото привезено в Тобольск бухарцами из сказочного Яркенда, что в Джунгарии; что золота этого там, по словам бухарцев, так много, что его «...перенимают в реке под Эркетем попонами и коврами и сукнами; а несет де такое золото тою рекою, как бывает в реке той муть и прибыль воде, то в то время и перенимают, а как де сбудет та прибылая вода, то де берут с берегов и вымывают из песку то золото»⁹⁹.

Удивляясь этому, царь поспешил показать привезенные Гагариным образцы золотого песку находившемуся тут же на приеме хивинскому послу, прибывшему к царю с известием о возведении в их стране в ханское достоинство нового лица. Посол, в свою очередь, поспешил подтвердить справедливость сообщаемых сибирским губернатором сведений о той стране, добавив, что и у них по Амударье в ее верховьях, беруших начало в Большой Бухаре, вымывается такое же, как и в Малой близ Яркенда [38] песочное золото. Сильно заинтересованный обоими сообщениями, подтверждающими уже ранее слышанные им от туркмена Нефеса рассказы про золотоносные источники Внутренней Азии, Петр приказал кн.

⁹⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. Статейный список Чередова. Независимо от изложенного здесь в стат. списке Чередова имеется несколько мелких, самих по себе интересных случаев из его командировки и описании пути.

⁹⁹ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 140. Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Январь 1760 // *Миллер Г.* Известие о песошном золоте в Бухарии. С. 12–13.

Рисунок омского художника В. Резниченко с изображением Петра I и И.Д. Бухгольца.

ГАОО. Ф. 3253. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

Гагарину подать ему по этому вопросу особый письменный доклад, что тем, как увидим ниже, и было исполнено по прибытии царя в Петербург, куда тот спешил из Москвы, чтобы застать на Кронштадтском рейде и осмотреть собранный уже на нем Балтийский флот перед выступлением его в поход на шведов. Уже 20 мая, находясь на финском рейде, Петр отдал приказ: «Послать в Хиву с поздравлением на Ханство, а оттоль ехать в Бухары к Хану, сыскав какое дело торговое; а дело настоящее, чтоб проведать про город Яркен, сколь далеко оной от Каспийского моря, и нет ли каких рек оттоль (или хотя не от самага того места, однако ж в близости), в Каспийское море»¹⁰⁰.

Вслед за царем прибыл в С.-Петербург и кн. Гагарин, поспешивший туда, чтобы застать Петра до возможного отплытия его самого в Шведскую морскую экспедицию.

Миллер в своей статье «О песошном золоте»¹⁰¹ по поводу дальнейших действий царя и сибирского губернатора по снаряжению Сибирско-Эркетской золотой экспедиции пишет следующее: «Мая 22 дня 1714 года в самое то время когда Государь Петр великий вознамерился с флотом в море и корабли на кронштадтском рейде стояли уже в готовности, чтобы с шведским флотом, оказавшимся в Финском заливе, вступить в сражение, изволил его Величество вспомнить, что на донесение кн. Гагарина о песошном золоте не учинено

¹⁰⁰ ПСЗРИ. Изд 1-е. Т. 5. № 2809.

¹⁰¹ Ежемесячные сочинения... Указ. соч.

еще ни какого определения, того же часа приказал помянутое донесение себе представить и под оным собственноручно написал: ... (содержание этой резолюции приводится ниже) и тогда же определил к сей экспедиции подполковника Ивана Бухгольца, дав ему инструкцию (содержание инструкции также приводится ниже).

В действительности ход дела и роль в нем Петра Великого и кн. Гагарина, нам кажется, были не вполне таковы, как описывает их Миллер. Во-первых, нам кажется, ничем не доказано, что письменное донесение или доклад кн. Гагарина об Эркетской экспедиции был им подан Петру еще во время нахождения последнего в Москве, ибо на подлиннике этого доклада даты его писания и времени подачи для утверждения царю не значится, а собственноручная резолюция царя помечена 22 мая 1714 года под Кронштадтом, а с канцелярскою отметкою тут же, что «подлинные пункты и донесение за рукою кн. Гагарина поданы в Сенат января 29 дня 1719 года (т.е. во время уже приезда князя в столицу к следствию над ним¹⁰²). Во-вторых, если это так, то, значит, и Петр, находясь на одном из кораблей, готовых немедленно вступить в бой с подступившим уже неприятелем, не мог сам «вспомнить» и потребовать для наложения резолюции не существовавшей еще бумаги. Далекое более вероятно такое предположение: спешно прибыв в Петербург, вероятно, уже с готовым докладом к царю об Эркетской экспедиции и, узнав, что 20 мая царем отдан уже приказ об Амударьинской экспедиции, кн. Гагарин, так долго лелеявший мысль о собственной золотой экспедиции, боясь с вероятным отплытием Петра в море остаться, так сказать, за флагом, решился ворваться к царю, находящемуся уже на корабле и, менее всего, вероятно, думавшем в это время об Эркети, с докладом о деле, более всего интересовавшем его лично. Для того же, чтоб не разгневать грозного царя чрезмерно неблагоприятностью своего вторжения, он вместе с своим письменным докладом о причинах, вызывающих необходимость Эркетской экспедиции, заранее приготовил для спешного утверждения царем и проекты царской резолюции на этом докладе и Высочайшего повеления заранее же намеченному начальнику экспедиции из гвардейских штаб-офицеров Бухгольцу. Это было 22 мая 1714 года. Царь, как ни был занят совершенно другими мыслями, очевидно, принял его и, долго не раздумывая над делом, уже заранее обдуманном, в тот же день разом утвердил все три представленных Гагариным проекта с добавкою лишь в своей резолюции оговорки об отпуске в экспедицию из числа офицеров войск Внутренней России не более трети всего числа офицеров этой экспедиции и исключения из состава нижних чинов ее башкир, о чем ходатайствовал в своем представлении Гагарин. Вот как, по всей вероятности, происходило (судя по только что изложенным обстоя-

¹⁰² Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 39. С. 135.

тельствам) все дело. Как это не похоже на обычные славословия «Великому самодержавцу, который в непрестанных заботах о благе России, орлиным оком своим прозревал будущее значение в судьбах ее ханств Средней Азии и Сибири...»¹⁰³.

В докладе своем, экстренно преподнесенном Петру на Кронштадтском рейде 22 мая 1714 г., кн. Гагарин писал: «...Городок калмыцкой Эркет, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в разстоянии от Tobолска, по сказке еркецких жителей, что доходят из Иркети до Тары в полтретья месяца не скорою ездою, а от Тары до Tobолска в пять дней. И естли соизволит ваше величество промысел чинить к тому месту и Tobольского то кроме того не можно, что подселитца городами к тому месту того ради, что от Ямышева озера до Эркети кочуют Калмыки и будут противитца, как им возможно, чтоб не допустить в тех местах строить городов, дабы оного им промыслу не терять. А по ведимости, в тех местах кочуют Калмыков с контайшею 30000 человек. А путь к тому месту лежит от Tobольского до половины рекою Иртышем, которая река под Tobолском, и от того на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша. И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыш у Ямышева озера, и оттоле усмотря, где надлежит, делать и иные города. А на строение оных крепостей, також и на содержание их (кроме афицеров и инженера), управлятца можно из Сибирской губернии. А для той калмыцкой противности надлежит регулярным дву или 3 полкам, а те полки набрать в Сибири; а к тем

¹⁰³ Даже в более новое время, когда истинная роль Великого Петра в делах, касавшихся Сибири и Средней Азии, выяснилась с достаточной определенностью, профессор Н.И. Весселовский, например, в своем предисловии к напечатанным в Записках Имп. Рус. географ. общества материалах по описанию посольства кап. Унковского в Джунгарию в 1722 году, пишет: «Для подчинения России Средней Азии, чтобы воспользоваться ея песочным золотом и проложить чрез нее путь в богатую Индию, **Петр Великий составил обширный план**, осуществление которого должно было начаться с двух сторон: с запада, со стороны Каспия, и севера — из Сибири. Император хорошо знал положение дел в Средней Азии и понимал ея нужды. Слабые, неспособные ханы, служившие слепым орудием в руках придворных честолюбцев, захвативших власть в свои руки как в Хиве, так и в Бухаре, влачили поистине самое плачевное существование и никак не могли водворить порядок и мир в своих владениях. Поддержать этих призрачных ханов, сделать их действительными правителями своих народов и задумал Петр Великий посредством своих отрядов, приставленных к ханам. **Мысль гениальная.** Русская гвардия, охраняя ханов и от них же получая содержание, восстановила бы власть ханскую и в то же время сделала бы их послушными слугами русского царя. Без завоевания, без всяких, можно сказать, затрат с нашей стороны Средняя Азия фактически должна была поступить в подданство России». Повторим: как это все было похоже на действительность, судя хотя бы только по тому, что изложено это нами в настоящем труде и что еще яснее будет видно из последующего изложения. См. Записки Императорского Русского географического общества. Т. X. Вып. 2. СПб., 1887.

полкам несколько офицеров. Да к тому ж Уфимские Башкирцы потребны, для того, что от Тоболского живут в близости и людство их не малое и люди конные. О промысле того места, о деле городов, о Уфимских Башкирцах, что ваше величество повелит»¹⁰⁴. Сопровождаемый личным докладом кн. Гагарина о возможности осуществить все предлагаемое средствами Сибири и ее людьми без ослабления денежных средств и войск, необходимых для ведения войны на Западе с Карлом XII, Петр немедленно, как уже говорено выше, утвердил план Гагарина собственноручною на нем резолюцией: «Построить город у Ямыш-озера, и буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут, и от того идти далее до города Эркети и оным искать оного дела. Для сего определить 2000, или по нужде полторы. Также сыскать из шведов несколько человек, хотя года на три, которые умеют инженерства, артиллерии, также кои хотя мало умеют около минералов; также и офицеров несколько, *однако ж чтоб их было не более трети*. Мая в 22 день 1714¹⁰⁵. На котлином острове».

Непосредственно за этим Петр *подписал и преподнесенный ему кн. Гагариным указ Бухгольцу* следующего содержания: «...Понеже доносил нам сибирский губернатор господин князь Гагарин, что в Сибири близ Калмыцкого городка Еркета на реке Дарье, промышляют песочное золото.

1. Для того ехать тебе в Тоболск и взять там у помянутого господина губернатора 1500 человек воинских людей и с ними итить на Ямыш озеро, где велено делать город. И пришед к тому месту, помянутых людей в той ново построенной крепости и около ее, где возможно, розставить на зимовье, для того чтоб на будущую весну паки возможно было скорая с теми людьми собравшись иттить далее к помянутому городку Еркету.

2. И как на будущую весну собравшись с теми людьми, пойдете от Ямыша к Еркету, то накрепко смотрите того, чтоб дорогою итить такую, где б была для людей выгода. Также в некоторых удобных местах, а имянно: при реках и при лесах, делать редуты для складки провианту и для камуниций, и чтоб редут от редута разстоянием болше не был, как дней по шести, или по неделе времени от одного к другому было на проход, и в тех редутах оставливать по несколку человек людей по своему рассмотрению.

3. А когда Бог поможет до Еркета дойти, тогда трудитца тот городок достать. И как оным, с помощью Божию, овладеете, то оной укрепить. И проведайте подлинно, каким образом и в которых местах по Дарье реке тамошние жители золото промышляли.

4. Потом также старатца проведать устье помянутой Дарьи реки, куды она устьем своим вышла.

¹⁰⁴ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 39. С. 135.

¹⁰⁵ Ежемесячные сочинения. Указ. соч. С. 30.

5. Сыскать несколько человек из Шведов, которые искусны инженерству, артиллерии, и которые в минералах разумеют, которых *с воли губернаторской взять*. Также и в прочем во всем делать с воли и совету губернаторского.

6. Прочее поступать, как доброму и честному человеку надлежит в исполнение сего интересу по месту и конъюктурам.

На подлинном собственноручно рукою Петра подписано «На галере Святыя Наталии, в 22 день маи 1714. Петр»¹⁰⁶.

Как бы свалив с себя таким образом все это дело на плечи сибирского губернатора, Петр все свое участие в нем на этот раз ограничил личным распоряжением предоставить Бухгольцу взять для услуг при нем одного сержанта и семь солдат из состава лейб-гвардии Преображенского полка, да из Москвы даны по приказу военной канцелярии в его же распоряжение один майор, два капитана, два поручика и два же прапорщика. По показанию самого Бухгольца — «Для той посылки на подъем и на тамошнее пропитание ему и посланным с ним в Санкт-Петербург ни откуда никакой дачи не было кроме одних прогонных денег, которые выданы ему на 20 подвод до Москвы от сибирского губернатора. И приехав к Москве июня месяца в последних числах 714 году, с Москвы отправился он того же году в августе месяце водою, и ехал в судне до усть-Чюсовой реки, от Чюсовой реки до Тобольска на подводах; а на наем судна и подвод денги даваны ему из доходов Сибирской губернии. Да на подъем выдано ему, по приказу губернаторскому, на Москве из сибирского приказа, да у Соли-Камской по 100 рублей, в Тоболску 300 рублей, муки ржаной 50 четвертей, вина простого 100 ведер...»¹⁰⁷.

Приняв в свои руки всю власть и ответственность за начатое дело, кн. Гагарин энергично принялся за все необходимые по подготовке похода распоряжения, преподав надлежащие к руководству по сему указанию до возвращения своего в Сибирь, тобольскому коменданту Дорофею Траурнихту. Бухгольцу им же был дан особый указ в развитие означенных в царском к нему повелении указаний и разграничению его и местных властей прав и обязанностей, по набору для экспедиции необходимого числа воинских чинов всякого звания, заготовке сплавных судов и снабжению ее деньгами с потребным числом всякого оружия, фортеции, обмундирования, снаряжения и продовольствия¹⁰⁸. Интересно отметить, что, ограничив в своем письменном докладе царю и преподнесенном к его подписанию указе себе от 22

¹⁰⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 11. С. 35–37; ПСЗРИ. Т. 5. № 2811.

¹⁰⁷ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. Показания Бухгольца на следствии о Гагарине. № 39. С. 145. В Тобольск Бухголец приехал 13 ноября уже по зимнему пути.

¹⁰⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 136–138.

мая, число воинских чинов экспедиции всего 1500 человек, в инструкции, данной Бухгольцу, кн. Гагарин доводит число подлежащей обязательной отправке пехоты до 2000 человек. «...Да буде можно, собрать к отпуску тому велено еще в прибавок 500 человек драгун да 500 человек на оставку в гарнизоне (будущих укреплений по Иртышу) казаков». А далее еще существенная добавка против поднесенного царю к подписи указа — «Неприятель ежели не будет давать делать крепости, прося от Бога помощи, противитца, как можно всеми людьми. Ежели неприятель силен будет, надлежит о прибавке людей, естли понадобится, для чего о том писать в Тоболеск и на Тару и в Томскую; *а в Томской и на Тару посланы (мною) указы*»¹⁰⁹.

В гл[аве]... настоящей книги мы уже говорили о количестве, составе и порядке отнесения службы находившимися тогда в Сибири войсками. Уже из того очерка видно, что войск этих, принимая во внимание внутренние полугражданские наряды и всякие воинские службы по отношению к поддержанию порядка среди враждебных инородцев, было недостаточно для выполнения столь серьезной экспедиции, как Яркендская. Наиболее пригодная для борьбы с конным неприятелем, каковыми являлись джунгары, кавалерийская регулярная часть — Сибирский драгунский полк не мог быть двинут в поход потому, что его нельзя было снять с того фронта, на котором он, как нам уже известно, защищал наиболее населенную часть тогдашней Сибири от хищнических набегов таких грозных по тому времени противников, какими были башкиры и киргиз-кайсаки. Нельзя было тронуть и большую часть тех немногих пехотных частей, что были расположены по западносибирским городам и слободам, относя здесь гарнизонную службу. О Восточной дальней Сибири, где регулярных войск, можно сказать, не было совсем, нечего было и думать. Штат городовых сибирских казаков только что только был достаточен для отнесения тех многообразных полуполицейских и разъездных служб, которые они относили, состоя в командировках по самым отдаленным и малопроходимым дебрям Западной и Восточной Сибири. О «секурсе» из европейской части России Петру нельзя было и заикаться, ибо при нем установился порядок не «давать» в Сибирь российские войска, как то было в первые полтора столетия занятия этой страны русскими, а наоборот — «брать» из нее ежегодный воинский набор рекрутами, лошадьми, разного рода мастеровыми и деньгами. Выход был один: прибегнуть к старому, издавна практиковавшемуся в этой части России способу — «прибору» необходимого для новой потребности числа служилых людей из возможных кое-где излишков людей, находящихся уже на службе воинских частей или из солдатских, бывших стрелецких и, чаще всего, «казачьих детей» и племянников разных возрастов, не взятых еще на службу за сверх-

¹⁰⁹ Там же. С. 137.

комплектом тех команд, в которых служили и служат их отцы, братья, деды и дядьки. Самым же обильным запасом таких вновь приборных солдат были так называемые «гулящие люди», т.е. беглые помещичьи и всякие другие бродяги, не приписанные ни к каким городским и сельским обществам и не несущим еще, по тем или иным причинам, никакого государственного «тягла», каковым людом, как мы видели выше, кишела тогдашняя Сибирь. Вот из этого-то сбродного элемента всяких служилых, неслужилых и не приписанных никуда людей и составлялся будущий экспедиционный отряд подполковника Бухгольца. В Тобольске их обмундировывали, снаряжали, вооружали (изделиями тамошнего оружейного завода), обучали и снабжали всем необходимым для похода и существования запасом хлеба, круп, фуража, приварка, всяких инструментов, фортеции, артиллерии, лошадей, судов и проч. и проч.

Просматривая опись имущества, взятого с собою экспедиционным отрядом¹¹⁰, нельзя не удивляться той предусмотрительности, с которою оборудовалось это дело. Тут было и все необходимое для строения и обстановки будущей церкви в Ямышевской крепости и для ведения боя мортиры (15), пушек разных калибров, медных и чугунных — 37, гранат и бомб для них 6031, ядер — 13851, дробы шестифунтовой — 5343, трехфунтовой — 9850 и чугунной мелкой — 47 пудов. Пороху разного — 500 пудов, железа, свинцу, меди, проволоки, топоров, пил, лопат, котлов, ножей, точил, гвоздей, кузнечных и лабораторных принадлежностей, снадобий и пр. и пр. до игл, ниток, пуговиц и проч. включительно. Солдатское обмундирование, снаряжение, вооружение по числу людей с запасом. Провиант, фураж, сухари, толокно, масло коровье, уксус, вино, мясо, сало, свечи и проч. и проч. Для «рудного пробоования» лаборатория, инструменты и проч. Для сплава войска и прочего по Иртышу — 33 досчаника и 27 больших лодок со всеми к ним принадлежностями и холстом для парусов — 35700 аршин. Интересующихся подробностями специалистов отсылаем к самой ведомости о имуществе, занимающей 8 печатных страниц сплошного, убористого шрифта.

К июлю месяцу 1715 года все было готово и экспедиция, напутствуемая митрополичьим молебствием, в числе 2162 солдат, 700 драгун и 70 мастеровых отплыла вверх по Иртышу на ...¹¹¹, которое оставалось в Москве и играло роль как бы столичного комиссариата по делам Сибири¹¹². Приехавшие из Джунгарии вместе с возвратившимся оттуда казацким головою Иваном Чередовым послы Цеван-Рабтана, в ожидании возвращения сибирского губернатора также

¹¹⁰ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. «Ведомость о количестве денег, военных и продовольственных припасов, принятых для похода». С. 127–134.

¹¹¹ В рукописи отсутствует стр. 53. — Прим. сост.

¹¹² Милюков П. Указ. соч.

все это время оставались в Тобольске. В Москву их, очевидно, по приказу «Губернатора всея Сибири» не пропустили в отместку за долгое держание контайшею нашего посла, имевшего за более чем пятимесячное пребывание его в Урге одну только аудиенцию в собственной юрте джунгарского владыки. Бумаги, привезенные посланцами, были приняты от них в Тобольской губернской канцелярии и препровождены в Москву не к самому царю, на имя которого были адресованы, а к кн. Гагарину, и ответ на них последнего написан только 27 февраля 1715, а вручен посланцам в Тобольске только 7 июня того же года после отплытия военной экспедиции подполковника Бухгольца из Тобольска вверх по Иртышу. Послы присутствовали при этой отправке и, удивляясь ее громадному составу и вооружению, допрашивали о конечных целях ее. Их заверили, что цель ее — исследование верхнего течения Иртыша и розыски рудоносных минералов, а вооружения необходимы в предосторожность от киргиз-кайсаков, рыскающих по степи большими партиями¹¹³. Вскоре, по вручению им послания к контайше от губернатора Сибири, послы выехали из Тобольска обратно сухим путем.

В листе, адресованном на имя контайши, высокомерно писалось: «Божиею милостию, великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец (следует полный титул государя), его царского пресветлого величества *тобольской и всея Сибири губернатор* князь Матвей Петрович Гагарин, калмыцкому Ердению Журыхте контайше. В минувшем 1714, октября в ... день, посланный к тебе в Ургу царского величества люди, Иван Чередов, возвратился и привез посланный с ним от вас лист таков, и посланные от тебя Журыхту контайши 2 листа, а в них писано: «Барабинцы де шапки носят с залами¹¹⁴, искони вечно люди его и улусы (его контайши) удатели (отошли), и для того (потому) Тарской город (очутившись) в близости, и ссоры чинять Тарския (люди) ясак берут. А который город на реке Катуне (Бийск) был построен, и та де земля его. И о том бы контайша велел осведомитца (знал на будущее время), что та земля на Бии и Катуне, где был построен город его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь, Енисей и Лена, искони Сибирские, и от устья, где впади в Северное море и до гор, из которых те реки потекли. Також которые реки впади в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества, о том и самому Эрдени Журыкту контайше ведомо. Кочуют на тех землях и посторонние люди, но обиды его царское величество таким чинить не велит, для того, что в тех местах пустота и поселения не было. А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где впади в море, и до вершин, откуда из которых гор потекли; також и в те

¹¹³ Словцов П. Указ. соч.

¹¹⁴ С кисточками наверху, в знак калмыцкого подданства.

реки, которые впали реки також до вершин их сибирская земля, и Барабинцы и Курсаки всякие люди его царского величества; и о том требуем самые правды, о чем контайша сам сведом. В третьем поданном листу о договоре, торгу и пошлины брать, как водитця, в сибирских городех, торговых Бухарцев пускать без задержки (с тем чтобы), и которые русские похотят для торгу и с товарищами (как, например, ныне) Федор Трушников¹¹⁵, до Силима [39] без задержки будет отпущен; так же и торговые люди, кто куды похотят и с какими людьми. И о том в Тарской, в Кузнецкой, в Красноярской и во все (сибирские) города, указы (мною) посланы, дабы Бухарцов, Калмык, везде с торгами пропускали, и купить что похотят, кроме одних соболей да лисиц черных, возбранения бы не чинили и ссор со стороны его царского величества, великого нашего государя, отнюдь никому чинить не велено и чинить не будут, ссоры и обиды никто Бухарцом и Калмыкам чинить не будет: а чтобы (и) из стороны калмыцкого Эрдени Журыхту контайши також никаких ссор не чинили же. А естли от каких воровских людей произойдет и ссора какая, то о том бы писали в тое сторону, откуда произойдет ссора, и того ради чинить пересылки. Из Москвы, 1715, февраля 27 дня. — Се писал вашему превосходительству всякаго добра желатель, губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин»¹¹⁶.

Озеро Ямыш, при котором повелено было поставить русское укрепление, находится на правом берегу Иртыша в 6¹/₂ версты от него. В качестве обильного прекрасною поваренною солью источника оно славилось еще в кучумовские времена и, как мы видели выше, с первых же дней заложения русскими города Тары (1594 г.) сделалось как бы правительственной регалией, служившей средством удовлетворения нужд в соли всей северо-западной Сибири. Отряды служилых людей с того времени почти ежегодно командировались сюда из Тобольска и Тары за солью. Сюда же обыкновенно съезжались к этому времени и торговые люди Сибири как из этих городов, так и из Томска для обмена товарами с являвшимися сюда же бухарцами Малой Бухарии (Кашгарии), находившейся в описываемое нами время во власти джунгарского контайши. Сначала эти поездки, как и соляные воинские экспедиции сюда, производились совершенно свободно. Принадлежность озера завоевателям кучумова царства русским и, по меньшей мере, протекторат над ним, считались как бы бесспорными, но по мере того, как опустелый после отхода на запад и север бывших

¹¹⁵ Как сказано выше, посланный сибирским губернатором через Джунгарию в Яркенд к Куху-нору и далее.

¹¹⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 22. С. 66–68. — Приписка, очевидно, сделана с целью показать контайше, что удостоил его ответа не непосредственно сам царь Великия и Малыя и Белыя Руси, а губернатор всея Сибири, именующий в свою очередь калмыцкого (а не джунгарского) владельца не более как «его превосходительство».

подданных сибирского царя край стал наводняться двигавшимися с юга калмыками, протекторат этот слабел, а к началу XVIII столетия и совсем забылся; по мере же усиления власти джунгарского контайши даже наоборот, соленое озеро стало считаться фактически входящим в район владений контайши. Военскую стражу при соляных ломках и досчаниках пришлось все более и более усиливать. В конце XVII столетия она доходила уже до нескольких сот человек. Стража эта была нужна не только на случай вооруженного противодействия калмыков, враждебно смотревших на выломку соли русскими «в их владениях», но и для отражения участвовавших во вторую половину того столетия хищнических нападений вооруженных шаек киргиз-кайсаков, рыскавших по опустелой степи и Барабе каждое лето. И Иртыш с его торговыми караванами и ярмаркою при Ямыше манил их сюда целыми сотнями из-за Балхаша, Сарысу, Чу и Сырдарьи, где в то время находилось главное их хищническое гнездо. О большом бое русских с кайсаками около Ямышева, повлекшем за собой массу всяких осложнений в сношениях тобольских воевод с Казачьей Ордой (из-за пленения кайсацкого мурзы Кильдея), мы уже упоминали.

Немудрено, что и теперь, при отправке большой экспедиции Бухгольца на Ямыш-озеро, видевшие ее в Тобольске контайшины посланцы не особенно обеспокоились.

От Ямышевского озера в недельном расстоянии и от Иртыша в $3\frac{1}{2}$ версты находится другое озеро, поменьше, которое, имея пресную воду, названо русскими Пресным. Из него протекал в Иртыш в то время небольшой ручей, Пресным называемый, по луговым берегам которого росла сравнительно сочная трава и небольшой редкий для степи лесок. У этого-то ручья, недалеко от его устья на возвышенности Бухголец и избрал место для новой русской крепости. Поручик артиллерии Каландер, посланный с ним еще из Москвы, принял на себя роль инженера-строителя крепости. Сделан был земляной вал, обведенный вокруг рвом и рогатками по глассису. Для артиллерии простроен близ крепости небольшой деревянный острог, а подле него для склада военных и съестных припасов два больших амбара. Для офицеров и солдат были построены дома и казармы на лугу при устье Преснухи и окружены палисадом. За недостатком лесу употреблено было на строения несколько досчаников. Земляной вал был окончен в 13 дней, а именно 29 октября и окончен 10 ноября¹¹⁷.

Во время этих построек приехали в Ямышев и возвратившиеся из Тобольска контайшины посланцы Гендун и Деркем. Видя, что тут делается, они немало были удивлены и потребовали объяснений. Им разъяснили, что все это делается частью ввиду зимней остановки отряда, а главным образом, для охраны на будущее время бухарских торговых караванов, которые за последнее время почти ежегодно подвергаются хищническим нападениям кайсаков. И на этот раз,

¹¹⁷ Ежемесячные сочинения... Указ. соч.

как в Тобольске, контайшины посланцы, по-видимому, удовлетворились этим объяснением, тем более, что недалеко от Ямышева в пути сами они дня за два перед этим подвергались нападению кайсаков, которые отняли у них всех лошадей и верблюдов, на которых они ехали. Поневоле, остановившись в русском военном лагере на время, пока по требованию их им не были доставлены из ближайших калмыцких улусов верблюды и лошади взамен отнятых кайсаками, контайшины посланцы, чтобы не навлечь на себя гнев своего повелителя за попустительство, упростили Бухгольца командировать с ними кого-либо из своих офицеров с «листом», письменно подтверждающим то, что им было говорено о возведении укреплений при соленом озере. Просьба их была удовлетворена Бухгольцем, и как только вьючные животные были доставлены, послы вновь отправились в путь; с ними был командирован поручик Маркел Трубников с желаемым ими удостоверительным «листом» и конвоем из 50 драгун. И послы, в свою очередь, в обеспечение того, что на русский отряд не будет сделано со стороны джунгар никаких враждебных выступлений, оставили при отряде своих аманатов и семь торговых бухарцев, следовавших с товаром в Тобольск. Злополучия посланцев этим, однако же, не закончились, так как через несколько дней пути от Ямышева они вновь подверглись нападению кайсаков, захвативших с собою в плен русского поручика с посланием Бухгольца к контайше. Так его «лист» и не дошел по назначению.

Все эти обстоятельства и начавшиеся усиленные побегі сбродных солдат русского отряда сильно заставили Бухгольца призадуматься над грядущей судьбой его предприятия. 26 декабря он, пользуясь получением одного из царских указов о яркендском походе непосредственно на его имя, решился, минуя сибирского губернатора, довести о затруднительности своего положения до сведения Петра, находившегося в это время за границей. В донесении своем он писал о малочисленности состоящих в его распоряжении войск и опасностях, которые в[виду] этого ему угрожают при дальнейшем движении в глубь Джунгарии; жаловался на недисциплинированность этих войск и на постоянные побегі солдат, взятых из гулящих людей...

Царь, вверивший все дела по экспедиции сибирскому губернатору, пользовавшемуся в это время еще полным его доверием, отвечал Бухгольцу с корабля «Ингерманланд» из Копенгагена только 7 августа 1716 года, предлагая ему за всем необходимым обращаться к князю Гагарину, который о его, Бухгольца, затруднительном положении поставлен им в известность¹¹⁸. Донесение Бухгольца, вероятно, еще не вышло из пределов России, как положение его во вновь устраиваемой крепости сделалось критическим.

¹¹⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 39. *Сумм.* Исторические известия об Омской области. Архив Штаба Сибирского отдельного корпуса в Омске.

Джунгарский контайша, как только ему сделалось известно о русском походе к Ямышевскому озеру и производимых там русскими постройках, не веря никаким успокоительным заверениям и несмотря на продолжающуюся упорную борьбу с одной стороны с китайцами, а с другой, с Казачьей Ордой, приказал прославившему уже себя многими победами над врагами двоюродному брату своему Черен-Дондуку [40] немедленно же, не ожидая наступления весны, собрать из подвластных ему калмыков силы, достаточные для борьбы с новым неприятелем с севера, и выгнать его из пределов ханства Джунгарского. Исполняя это приказание, Дондук быстро собрал армию в 10000 тысяч человек и двинул ее вверх по Иртышу. К половине февраля месяца 1716 года он уже был под Ямышевым. Ничего не зная об этом гарнизон новой русской крепости проводил должным образом дни наступившей Масленицы, лошади спокойно тебеневались на лугу [41], было морозно. В ночь с четверга на пятницу Сырной недели [42] вдруг сделалась тревога. Солдаты, бывшие на карауле при конском табуне, прискакали к командиру отряда с вестью, что в степи виден приближающийся в большом числе неприятель, а наш табун лошадей уже весь захвачен. Едва гарнизон успел собраться и занять оборонительное положение, как был окружен джунгарами со всех сторон. Пехота наша сосредоточилась у своих казарм при речке Преснухе; драгуны особо в нескольких стах сажен от пехоты; артиллерия на артиллерийском дворе близ крепости; самая крепость, еще не застроенная внутри и имевшая в себе лишь большую палатку, заменявшую походную церковь, оставалась почти пустою. Быстро заметив это, джунгары, стреляя из ружей и луков, прежде всего сюда и кинулись и без особых усилий завладели крепостью. Пехота наша бросилась на крепость в штыки и хотя с большим трудом, но вновь завладела ею; тогда джунгары кинулись к отрядным амбарам с хранившимся в них провиантом и прочим отрядным имуществом; повытаскивали оттуда мешки с мукою, оградились ими и, прорубив [в] стенах амбара надлежащие отверстия, сели в осаду, энергично отстреливаясь от атак русских; тогда артиллерия наша направила свои выстрелы на амбар, и тем самым заставила джунгар к вечеру следующего дня очистить их. После нескольких повторных попыток завладеть нашими фортециями, всегда успешно отражавшихся громоносными выстрелами нашей артиллерии, джунгары перешли к менее опасной для них, но более действительной блокаде этих фортеций¹¹⁹.

В первые же дни блокады Черен-Дондук прислал к Бухгольцу письмо, помеченное 21 февраля 1716 года. Письмо это в русском переводе гласило: «1. Черен-Дондук господину полковнику послал письмо. Наперед сего контайша с великим государем жили в совете и торговали и пословались; и прежде сего Русские люди езживали, а города не страивали. Война де стала, что указу государева о

¹¹⁹ *Сумин. Указ. соч.*

строении города нету, и город де построен ложными словами, и прежде сего контайша жил с великим государем в совете. И будет де война будет, и я де буду жить кругом города и людей твоих никуда не пушю; зиму зимовать, и лето с весны и до осени со всем житьем буду жить здесь и воеватца и город де возьму. И будет де ты не будешь с войною, и ты де съезжай с места; и как преж сего жили, так будем и ныне жить и торговатца и станем жить в совете и в любви. Ежели с места съедешь, и будет де ты войною, будешь, и ты де против сего письма дай отповедь. А которой с сим писмом послан, и он де будет доносить тебе на словах... С... калмыцкого письма переводил теленгуцкой калмык бакши Аскубин, который был при Ямышеве в оманах (аманатах?) [43] — 21 февр. 1716 г.»¹²⁰.

Бухгольц ответил на это, что он ни от кого другого не прислан, как от самого государя российского, с целью построить на Иртыше не только эту, но и другие крепости, так как страна эта принадлежит издавна Российской державе, и никто ему не воспретит искать здесь рудных залежей, отыскание которых не только не расстроит, но еще более скрепит дружбу двух соседних великих государств. В заключение сообщал, что он не привык бояться угроз и, будучи снабжен довольным количеством съестных припасов, может переждать без нужды до того времени, пока придет к нему из Тобольска, куда он уже писал, большое войско на подкрепление, и тогда он, Черен-Дондук, уверится, может ли что препятствовать осуществлению замыслов великого российского государя¹²¹.

Как ни самонадеян и как ни высокомерен был такой ответ начальника русских войск, он не поколебал решение Черен-Дондука продолжать блокаду устраиваемой русскими крепости.

Между тем, в Тобольске, резиденции сибирского губернатора, куда вскоре после отплытия Ямышевского отряда прибыл из Москвы и сам кн. Гагарин, долго, по-видимому, не подозревали о затруднительном положении Бухгольца. Едва ли не первым привез сюда известие об этом возвратившийся из дальней поездки внутрь Азии, посланный туда в 1713 году Гагариным тобольский служилый дворянин Трушников, проехавший через Ямышев, когда он еще не был осажден джунгарами, но когда Бухгольц, беспокоясь за участь своего отряда, отправил помянутое нами донесение Петру за границу. Возвратившийся посланец наш представил губернатору двести лан [44] песочного золота, которое было куплено им в Малой Бухарии у состоящих в подданстве контайши джунгар и прочих калмыков в тех самых местах, где производится добыча этого золота. По показанию Трушникова, данному им самому губернатору, первое место среди осмотренных им золотых промыслов занимают

¹²⁰ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 40. С. 150—151.

¹²¹ Омский архив Штаба отдельного Сибирского корпуса. Историческая записка врача Сумина.

окрестности городов Селим (Си-нин) и Даба (Да-тун) с большим Синим озером (Куху-нор), где обитают калмыки — хошоуты.

Там находят песочное золото в речках, текущих в озеро из окрестных гор. Близ большой дороги застал он на сем промысле 150 человек, от которых узнал, что каждый из них собирает золота в лето от 20 до 300 лан. Далее к югу от этого озера зенгорцы и тангуты копают золото в горах и на берегах реки Алтын-гол (золотая река), также и по другим небольшим речкам. От озера Куху-нор через 20 дней пути, проехав Великую Китайскую стену, Трушников видел, что и китайцы также собирают там песочное золото в реках, равно как и самородное (жильное) из земли. Каждый такой промышленник (старатель) обязан внести в казну один золотник золота, чтобы пользоваться в течение лета своим промыслом невозбранно¹²².

Поспешив о всем этом сообщить царю Петру (находившемуся, как сказано, в то время за границей), с препровождением всего доставленного Трушниковым золота (200 лан, или около 20 фунтов) [45], кн. Гагарин вместе с тем просил его в целях наилегчайшего достижения цели захвата калмыцких сокровищ почтить их владыку контайшу именным и личным его царского величества письменным заверением, что делаемые русскими рудоносные разведки производятся (хотя бы и такими с ног до головы вооруженными отрядами, как бухгольцевский) исключительно в целях обоюдных выгод двух соседних государств (что и было исполнено Петром, как увидим ниже, после повторной просьбы о том запоздалым посланием из Амстердама от 18 декабря того же года). Одновременно с этим, не откладывая дело в долгий ящик, кн. Гагарин снарядил новое от себя посольство к джунгарскому контайше во главе с казацким сотником города Тары Василием Чередовым и боярским сыном Тимофеем Этигером, снабдив их, кроме личных словесных наставлений, как вести себя пред контайшой и что выпытывать, особым «листом» к контайше и письменным наказом Чередову такого содержания: «...1. Приехавши, тебе подать контайше лист, который с тобою послан Сибирской губернии от губернатора князя Матвея Петровича Гагарина.

2. Говорить тебе ему контайше, что ты послан с сим листом от губернатора князя Матвея Петровича Гагарина по указу царского пресветлого величества, для известия о посланных людех, которые посланы из Тоболска по Иртышу с подполковником Буколцом, для проведыванья серебряных и золотых, медных и иных руд, и для строения городов, и чтоб он контайша от тех посланных людей царского величества никакого опасения себе не имел; также и его контайшины люди чтоб тем посланным царского величества людем никакня бы ссоры не чинили. А посланным его царского величества людем,

¹²² Трушников, таким образом, оказывается, был первым из русских достаточно грамотных людей, посетивших прославленные в наше время знаменитым путешественником Н.М. Пржевальским озеро Куху-нор и страну тангутов.

по указу его царского величества, заказано накрепко, чтоб никакия ссоры с людьми контайши не чинили и чинить не будут.

3. А ежели ему контайше от кого соседей его есть какая обида¹²³, и он бы о том писал царского величества Сибирской губернии к губернатору, ко князю Матвею Петровичу Гагарину, и он губернатор, по указу его царского величества, от тех соседей его контайшу оберегать будет и пошлет ему военных людей царского величества доброго и ученого войска, которве его контайшу, також и людей его оборонить могут¹²⁴.

4. Бude он контайша пожелает быть в охранении царского пресветлого величества, и он бы контайша его царскому величеству с людьми своими в послушании был, как и Аюка хан калмыцкой; а царское величество его контайшу будет содержать також, как и Аюку хана, во всяком охранении, и от всех его неприятелей оберегать указал наш великий государь; как и ныне к нему Аюке, по прошению его, для охранения его от свойственников и от людей его, а паче [46] от Кубанцев¹²⁵, послано к нему 5000 человек конного, самого стройного и ученаго (регулярнаго) войска, и будут те люди хранить его здоровье всегда и от неприятелей его охранять, также и его контайшу его царское величество всегда хранить и беречь також будет. И к губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину о том от него великого государя указ есть(?). И ныне к нему контайше военных людей царского величества, для охранения его, прислать не мочно, для того, что (контайша) не под именем его царского величества¹²⁶. И естли пожелает так быть под именем царского величества, как и Аюка хан, то б писал, то по тому его писму, для охранения его, войски присланы будут к нему в скорости. *Таже и из тех людей, которые ныне для городового дела посланы на Иртыш и на Зайсан-озеро*, которые могут к нему притить в скорости для охранения его»¹²⁷.

В начале февраля месяца, то есть недели за две до того, как Черен-Дондук подступил со своей армией к Ямышеву, Чередов и Этигер выехали из Тобольска сухим караванным путем в Джунгарию. Вскоре после них тем же путем по направлению к Ямышеву выступил и целый торгово-промышленный караван, снаряженный по инициативе Гагарина со специальной целью поддержать ямышевский гарнизон всякого рода довольствием, в котором он более всего

¹²³ Несомненно, намекалось на войны, которые тогда джунгарский контайша вел, с одной стороны, с Китаем, а с другой стороны — с Казачьей Ордой.

¹²⁴ Новый намек на невозможное в случае установления дружеских отношений между Джунгарией и Россией, заключение оборонительно-наступательного (тайного) союза в борьбе с Китаем и Казачьей Ордой.

¹²⁵ Т.е. ногаев, кочевавших в степях северного берега реки Кубани, почти там же, где и теперь.

¹²⁶ Т.е. не состоит ни в подданстве царя, ни под его покровительством, ни под протекторатом, ни в союзе.

¹²⁷ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 29. С. 85–87.

нуждался, главным же образом, показать контайше и окрестным с новой русской крепостью калмыкам, что постройка ее и более или менее прочное утверждение здесь русского владычества вызвано не какими-либо завоевательными целями, а именно теми, которые многократно пред этим высказывались русскими властями — желанием расширить торговлю, начать добычу кроме соли разного рода других ископаемых: извести, алебастра, меди, свинцу, серебра, золота и проч. В состав каравана вошли купцы и промышленники городов Тобольска, Тары, Тюмени и Томска с сибирскими товарами на азиатскую руку; тут же ехало несколько офицеров из пленных шведов, в минералогии, горном и артиллерийском деле сведущих, и других любознательных людей, желавших посмотреть новые места, до сих пор европейцам неизвестные; из русских офицеров ехали один капитан, один поручик, полковой священник и комиссар, с которым посылалось 20 тысяч рублей в жалованье гарнизону; в конвой этой казенной оказии было придано несколько десятков драгун и казаков.

Посольство сотника Чередова и боярского сына Этигера достигло Ямышева в то время, когда последний уже был окружен джунгарами. Тем не менее, когда цель посольства сделалась известна главнокомандующему джунгарских войск Черен-Дондуку, то он не только беспрепятственно пропустил его мимо Ямышева, но даже дал от себя конвой для охраны посольства от всяких неприятностей на случай хищнических нападений в дальнейшем пути следования в ханскую Ургу.

Совершенно иначе был встречен караван, следовавший за Чередовым. За 52 версты, не доезжая Ямышева, при Коряковском яру (около нынешнего города Павлодара при Иртыше) он был встречен джунгарами и разграблен, а весь его конвой, шведские и русские офицеры и священник после отчаянной их защиты захвачены в плен во много раз превосходившим численностью неприятелем. В числе пленных, между прочим, находился и шведский штык-юнкер Иоганн Ренат, прославившийся впоследствии тем, что много лет находясь в джунгарском плену, научил джунгар плавить железную руду и отливать пушки и ядра, и бомбы, благодаря чему попал в начальники войск контайши, действовавших против китайцев, и нажив большое состояние, в 1733 году возвратился через Сибирь и Россию на родину¹²⁸.

Захват джунгарами каравана и всех следовавших при нем людей сильно обескуражил и без того угнетенное настроение Ямышевского гарнизона, продовольственные и другие запасы которого заметно убывали, а к тому еще добавилось новое обстоятельство — усиление болезненности и смертности среди осажденных людей гарнизона. Появилась сначала цинга, а за ней неведомая дотоле болезнь — сибирская язва. Джунгары осады не снимали,

¹²⁸ Сумин. Указ. соч.

помощи ни из Тобольска, ни из Томска не приходило, а между тем положение осажденных день ото дня становилось все хуже и хуже, все безнадежнее. Болезни стали уносить в могилу ежедневно по 10, 15, 20, 30 и более человек. Гарнизон на глазах у всех таял в своей численности. Сильно пришлось задуматься над дальнейшей его судьбой. К началу апреля месяца в личном составе гарнизона оставалось всего 800 человек, дальше должно было остаться еще меньше. Осажденные со всех сторон непроницаемым кольцом джунгар осажденные додумались дать о себе знать в Тару и Тобольск особым способом, рассчитанным на скорое вскрытие реки Иртыша и продвижение вешнего льда вниз по реке. Решено было отправить двух вестовщиков на льдинах Иртыша. В одну из подходящих ночей незаметно для джунгар стащили из крепости к берегу реки одну из уцелевших от сломки лодок, втащили ее на лед и, замаскировав льдинами и снегом, посадили в нее двух пловцов и оставили на реке до ледохода. Как только лед тронулся, по вскрытии реки поплыли на нем и вестовщики до первой возможности спустить лодку прямо в воду или, приставши где-либо к берегу реки, проследовать далее сухим путем.

На сколько-либо существенно-благоприятные последствия такой посылки вестовщиков рассчитывать, конечно, нельзя было, ибо когда-то они еще доплывут до первого русского жилья, и доплывут ли еще, когда-то они попадут в Тару или Тобольск, когда-то там распорядятся о сборе необходимой выручки, когда-то тронутся и дойдут до Ямышева, а тут уже никого не останется и от голода, и непрекращающихся болезней. В наличности оставалось всего около 700 человек. Бухголец собрал военный совет из оставшихся в живых офицеров гарнизона. Всесторонне обсудив и вырешив безвыходность своего положения, совет решил оставить крепость и двинуться обратно вниз по Иртышу, доколе то окажется возможным. Довели о таком своем решении до сведения начальника осаждающих крепость джунгар Черен-Дондука, выговаривая у последнего права разрушения всех крепостных сооружений и выхода обратно при всем вооружении и всех сохранившихся запасах продовольствия и прочего имущества. Дондук скоро и охотно согласился удовлетворить просьбу русских, стремясь поскорее развязать руки себе и вверенному ему десятитысячному войску, силы которого далеко более нужны были контайше не на этом сравнительно слабом и не столь важном фронте, а на далеком юго-востоке, где борьба с Китаем делалась все ожесточеннее. Приступлено было к срытию крепости и сломке всех других земляных и деревянных сооружений; когда же это было окончено, все продовольственные и военные запасы были стащены и погружены на 18 уцелевших от сломки досчаников, и оставшийся в живых гарнизон покинутой крепости, разместившись на этих досчаниках, как позволяла тесно-

та помещений, 28 апреля 1716 года отплыл вниз по Иртышу. Черен-Дондук, довольный отступлением русского отряда, в виде вещественного показателя этого удовольствия распорядился даже привести и сдать на отплывающие русские суда захваченных в плен у Коряковского крутояра русского священника и бывшего при военной казне комиссара¹²⁹.

Не преследуемый джунгарами, немедленно, по-видимому, отправившимися на южный театр войны, русский отряд во второй половине мая месяца доплыл до устья впадающей в Иртыш реки Оми и здесь остановился. Не решаясь плыть далее к Таре, Бухгольц послал отсюда гонцов в Тобольск с донесением кн. Гагарину о постигшем его при Ямышевском озере несчастье, причинах такового и желательности возведения русского укрепления взамен покинутого здесь, при устье Оми, где он остановился в ожидании дальнейших приказаний губернатора Сибири.

Немудрено себе представить впечатление, какое произвело это донесение на кн. Гагарина, если такового же извещения не было им получено ранее через посланных из Ямышева на льдинах двух помянутых выше вестовщиков. Хорошо, конечно, зная и помня историю возникновения мысли о постройке здесь острожка еще во времена царя Михаила Федоровича и отметку на имевшемся в Сибирском приказе Ремезовском «Чертеже Сибири» при устье р. Оми: «край калмыцкой степи, пристойно вновь быти городу», князь Гагарин немедленно же отдал приказ о строении при том устье новой крепости. Тогда же для скорейшего осуществления этого приказа был набран полторатысячный смешанный из солдат и казаков отряд и, по снабжении его необходимым шанцевым инструментом и прочим припасом, отправлен тремя эшелонами на досчаниках к устью реки Оми. С помощью этих вновь присланных людей Бухгольц немедленно же принялся за исполнение приказа главного распорядителя Эркетской экспедиции. Тот же артиллерии поручик Каландер, который распоряжался постройкою ямышевских укреплений, имел ближайшее наблюдение и за строением новой крепости. Избрано было место на левом берегу Оми около 50 сажен от ее устья. Низкий земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен был палисадом с пятью такими башнями [47] на углах и со рвом, около которого с наружной стороны поставлены рогатки. Еще до наступления зимы главнейшие крепостные сооружения были закончены и самая крепость названа Омскою¹³⁰.

¹²⁹ Сумин. Указ. соч.

¹³⁰ Ежемесячные сочинения... Указ. соч.; Миллер Г. О песошном золоте // К пользе и увеселению служащих. 1760 г., февраль. Также, со слов Миллера, описывают заложение Омской крепости и Ласковский [48] в своей истории инженерного искусства в России и Сумин в своем описании «Омской области». Ввиду того важного значения, какое приобрела эта крепость, впоследствии обратившись в

Почти следом за первыми подкреплениями, посланными во вновь строящуюся крепость при устье Оми, после того, как достаточно выяснилось, что осаждавшие Ямышев джунгары возвратились в центральные свои улусы, распоряжением кн. Гагарина из Тобольска двинут был новый небольшого состава воинский отряд с приказанием немедленно в то же лето приступить к возобновлению на том же месте покинутой Бухгольцем крепости при соленом озере. Начальствование этим новым отрядом возложено было кн. Гагариным на лично известного ему своею распорядительностью по охране Ишимо-Тобольской пограничной линии и действием против башкир подполковника Сибирского драгунского полка Матигорова. С ним же вместе для дальнейшего следования в ставку джунгарского контайши командирован был сын боярский Алексей Маремьянов с жалобой на Черен-Дондука, «самовольно» открывшего враждебные действия против русского экспедиционного отряда, по заверению сибирского губернатора, не преследовавшего иных целей, кроме горно-разведочных и торгово-промышленных. Донося одновременно с сим о таковых своих действиях государю за границу, Гагарин просил о санкционировании их и вторично напоминал царю, что дальнейший ход и успех всего затеянного им предприятия будет в сильной мере зависеть от личного участия в нем самого царя, которому, по мнению губернатора, надлежит энергичнейшим образом подтвердить контайше от своего имени, что «разведки» по Иртышу производятся с личной воли царя, имеющего в виду именно то, о чем неоднократно писал ему контайше «Губернатор царства Сибирского». Настаивать на таком личном сношении царя с контайшей заставило Гагарина, очевидно, то гордое невнимание Цеван-Раптана, с каким он относился к заявлениям второстепенного лица, каким князь Гагарин являлся в глазах джунгарского владыки, и тот вызывающе дерзкий прием к посланцам губернатора сотнику Василию Чередову и боярскому сыну Этигеру, на которых контайша при приеме кричал как [на] собственных своих подданных, называя их и посланного их царского ставленника в Сибири «обманщиками» и проч., и в конце концов даже арестовал их в своей Урге, каковой арест и продолжался, как увидим, целых пять лет.

Столь резкая перемена в обращении контайши с княжескими посланцами, происшедшая в течение какого-нибудь года, очевидно объясняется теми выдающимися военными успехами, которые за это время выпали на долю Цеван-Раптана, благодаря разумной распорядительности даровитого своего полководца Черен-Дондука, который

многотысячный город, бывший одно время даже столицею государства и автономной Сибири, интересно было точно выяснить день и число месяца закладки Омской крепости. С большей или меньшей вероятностью день этот, по имеющимся в моем распоряжении данным, был признан Ильин день — 20 июня 1716 года, в каковой город Омск и праздновал 200-летний юбилей своего существования. — См.: Катанцев Г.Е. Историческая справка... Указ. соч.

не только сумел, как мы видим, успешно отразить нашествие русских к Ямышевскому озеру, но успел уже после этого по приказанию контайши вернуться в ставку последнего и отсюда быстро двинуться с шеститысячным отрядом войск на юг через непроходимые, казалось, снежные хребты Тянь-Шаня и Куенлуня в Тибет. Ко времени приезда Чередова и Этигера в ставку контайши на Или реке Черен-Дондук не только перевалил названные снежные хребты, но и следовал уже по Тибетскому нагорью к самой священной Лхассе, всюду побеждая скопища Лаузон-харга Тибетского [49]. Посланный для возобновления Ямышевской крепости отряд, достигнув устьев Оми, прихватил здесь еще часть необходимых людей, в то же лето достиг соленого озера и к осени построил достаточный для зимовья острожек на той же Преснухе, где в прошлом году Бухгольцем был вырыт ров и насыпан крепостной вал. Бухголец, в свою очередь, видя в таковых действиях князя Гагарина недоверие к себе, испросил у него разрешения прибыть в Тобольск и, получив таковое, сдал командование Омским гарнизоном присланному вместе с ним из Москвы майору Вельяминову-Зернову [50] и 22 сентября 1716 года оставил сначала эту крепость, а затем с высочайшего соизволения в 1717 году и совсем оставил край, возвратившись в Петербург.

Царь Петр, находившийся весь этот год за границей и занятый делами, имевшими мало общего с тем, что делалось в это время в Сибири, долго не подавал о себе голоса. Не зная поэтому, как он отнесся к постигшей эркетское предприятие неудаче и одобряет ли он рекомендуемые сибирским губернатором дальнейшие по этому делу мероприятия, кн. Гагарин волей-неволей должен был пока ограничиваться паллиативами [51]. Он производил независимо от прямых (через посольства) секретные разведки (через торговых людей) о том, что делается в Джунгарии. Разведки эти показали, что сравнительно благополучный отход обессиленного отряда Бухгольца от Ямышева к устью Оми и непреследование его скопищами Черен-Дондука, равно как и быстрый отход последнего на юг, объясняются, как отчасти уже видели выше, усложнением дел на крайнем юге Джунгарии. Быстрое появление здесь Черен-Дондука дало возможность джунгарам не только приостановить удачное наступление китайцев со стороны Хами и Кухунора, но и, продвинувшись в Тибет, где появились было два далай-ламы, разбить здесь китайцев; занять Хассу и провозгласить далай-ламой [52] кухню-норского хубилгана [53], ставшего как бы под протекторат Джунгарии. Хотя и меньших, но, во всяком случае, серьезных усилий потребовало и постепенное вытеснение киргиз-кайсаков с тех твердых позиций, которые они заняли было в Западном оседлом Туране, до времен энергичных Шигая, Тевекель и Тявки-ханов [54].

В описываемое нами время Тявка-хан, этот степной Ликург [55], был уже в глубокой старости. Он еще не умер, а два его сына Каип и Абулхаир уже вступили на ханство; один над улусами, получив-

*Историческая реконструкция
портрета. И. Д. Бухгольца.
Рисунок В. Резниченко*

ГАОО. Ф. 3253. Оп. 1. Д. 20.

Не имея возможности бороться с наседающими джунгарами собственными силами, Каип и Абулхаир, по совету престарелого их отца Тявки-хана, вошли в мирные переговоры с ведшим войну с их непримиримыми врагами сибирским губернатором князем Матвеем Петровичем Гагариным. Последний, конечно, как нельзя более был рад этому и отвечал взаимностью на их заискивания. Почти весь 1716, весь 1717 и 1718 годы прошли в самом живом обмене посольствами и перепискою между этими киргиз-кайсацкими ханами с одной стороны и сибирским губернатором с другой. Основною, если не сказать единственною целью сношений, была взаимопомощь в борьбе с общим врагом — джунгарами. Благодаря им, как увидим далее, Гагарину удалось достигнуть не только прямой помощи со стороны ханов, усиленно привлекавших на себя силы джунгар, но и избавления тыла или операционной линии действия наших войск против джунгар от хищнических набегов кайсаков на этот тыл (как это мы видели при движении Бухгольца к Ямышеву). Все дело заключалось теперь только в том, как сочувственно отнесется к плану дальнейших действий против джунгар и киргиз-кайсаков, намеченных сибирским губернатором, царь Петр; не признает ли он предприятие Гагарина ввиду понесенных неудач пустою затеею, не стоящею тех средств, которые для нее потрачены? Опасения эти оказались, однако же, и на этот раз напрасными.

То золото, которое кн. Гагариным вновь было послано Петру после возвращения Трушникового из Кашгарии и страны тангутов, а также изыскание кн. Бековича-Черкасского [57], произведенные, согласно указанной нами выше резолюции Петра от 20 мая 1714

шими впоследствии общее наименование Малой Орды, а другой Каип, оставаясь там же, где много лет прожил и его отец, т.е. в городе Туркестане, над улусами Средней Орды [56]. Малая Орда в эти годы сильно подвинулась на запад — в приуральские степи, занятые лет 100—150 тому назад, как мы видели, ногаями, а в эти годы оттеснившими их пришельцами Внутренней Азии калмыками. Средняя Орда придвинулась северными своими кочевьями к верховьям Урала, Тобола и впадающих в них рек Ори, Уя и Аbugан.

года, по Амударье за Хивой в Туркмении, убедили царя, что мысль о возможности завладеть восточно-бухарским золотым руном заслуживает самой серьезной поддержки.

Еще до Ямышевской неудачи царь в феврале 1716 года приказывает снарядить в Астрахани под начальством того же Бековича-Черкасского воинскую экспедицию в 4000 человек регулярных и до 2000 нерегулярных яицких и гребенских казаков [58]. Соответственно большей численности этого отряда и задачи его сравнительно с эркетскими усилены обязанностью: во-первых, доплывя Каспийским морем до залива, в котором в прежнее время река Амударья вливалась в это море, заложить тут крепость на 1000 человек; во-вторых, следуя от этой новой крепости старым руслом Аму, «прилежно смотреть, не мочно ли тем старым руслом реки, паки направить ее в Каспийское море вместо Аральского»; в-третьих, дойдя до ставки Хивинского хана при новом течении Аму, попытаться «склонять его к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах»; в-четвертых: «Если сим или иным образом склонится Хивинский Хан, то просить его, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы человека было) водою по Сырдарье реке вверх до Иркети городка для осмотра золота»; в-пятых: «...просить у него судов и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтобы изехал ее, пока суда могут идти, и оттоль ехал ею в Индию, примечая реки и озера, и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной в Индию тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем, или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать»; и в-шестых, «Будучи у Хивинского Хана, проведать и о Бухарском, не мочно ль его хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там ханы тако ж (как и в Хиве) ханы бедствует от подданных»¹³¹.

Экспедиция Бековича выступила из Астрахани после годичных сборов только в 1717 году. Никто не предвидел скорого и ужасного ее конца от вероломства того же хивинского хана, которого хотели обратить в послушное орудие русской политики.

В том же 1717 году в январе месяце получен был наконец из-за границы давно жданный ответ царя Петра на предложения кн. Гагарина о возобновлении эркетской экспедиции и проектированная им же царская грамота к джунгарскому контайше Цеван-Раптану. Царь, как и ранее, не вмешиваясь в распоряжения сибирского губернатора, все дело предоставил личному усмотрению последнего.

Царская грамота контайши, данная в 18-й день декабря 1716 года в Амстердаме, гласила:

¹³¹ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 5. № 2993.

«Божею милостью, от пресветлейшего державнейшего великого государя — царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчича и дедича и наследника и государя обладателя, нашего царского величества, калмыцкому владельцу контайше со всеми улусными людьми милостивое слово <...> ...В прошлом 1715 году повелели мы великий государь, наше царское величество, по имянному указу, *ближнему боярину и Сибирского царства губернатору*, князю Матвею Петровичу Гагарину, в краях сибирских по Иртышу и на Зайсан-озеро и вершинах иртышских сыскивать серебряные и медные и золотые руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить города. И понеже мы великий государь, наше царское величество, уведомились, что вы контайша с улусными своими людьми близ тех помянутых мест жилища свои имеете, того ради всемилостивейше от вас желаем, дабы вы в строении тех городов, которые по нашему соизволению означенный наш ближней боярин и сибирской губернатор для прииску разных руд имеет строить, никакой помешки не чинили, и с посланными от него боярина и губернатора нашего людьми никаких ссор своим людем иметь не велеть, но наипаче по желанию, по писмам того нашего боярина и губернатора посланным от него потребное вспоможение чинили, и чего он требовать от вас будет, то исполняли, потому что он от нас о всем полной указ имеет. А мы великий государь, наше царское величество, милосердую от вас, желая чтоб вы також как и хан Аюка и протчие калмыцкие владельцы у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные и к *Сибирскому нашему царству* принадлежат. И послан наш указ к помянутому нашему боярину и губернатору, что ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятствия в строении городов и приискании руд в протчем чинить не будете, то б отнюдь с тех земель не высылали, и как вам контайше, також и всем улусным людем никакого разорения и обид от подданных наших отнюдь не было б, но наипаче б вас и от посторонних неприятелей¹³², велел оборонять и охранять...»¹³³.

Развязанный, таким образом, в своих действиях на будущее время, кн. Гагарин прежде всего немедленно же снарядил новое посольство к контайше во главе со служилым тобольским дворяни-

¹³² Т.е. подразумевается: китайцев и Казачьей Орды.

¹³³ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 40. С. 151–152. По сходству содержания этого царского послания к контайше с таковыми же «листами», данными князем Гагариным посланным им к тому ж контайше сотникам Чередовым и Этигером, можно с уверенностью сказать, что просить и этого царского послания подобно данному Гагарину и Бухгольцу 22 мая 1714 г. на корабле «...» [неразборчиво в тексте. — Прим. сост.] был сочинен самим Гагариным.

ном Григорьем Вальяновым, которому 7 марта 1717 года вручена была подлинная грамота царя Петра к контайше и особое от сибирского губернатора послание к тому же контайше, где, повторяя в общих чертах то, что уже было писано им через казацкого сотника Василия Чередова и боярского сына Маремьянова, спрашивал, почему они до настоящего времени не отпущены из ханской Урги. Самому Вальянову дана была инструкция, как вести себя в обращении с контайшою, что говорить, за чем наблюдать, и о чем за все время пути вести подробную запись¹³⁴.

Главное командование над отрядами, вновь формируемыми преимущественно из казаков, как людей наиболее привычных к степным походам, поручено было князем Гагариным опытному и заявившему себя распорядительностью в походах этого рода подполковнику Сибирского драгунского полка Прокофью Ступину [59], который немедленно же и отплыл из Тобольска вверх по Иртышу с частью наиболее готовых к походу людей. Доплывши до новой Омской крепости, он прихватил с собою часть находившихся здесь артиллеристов и воинского снаряжения, с которыми и проплыл далее к Ямышеву совместно с известным уже нам первым строителем этой крепости и Омской поручиком Каландер[ом].

В целях наилучшего обеспечения успеха новых повторных начинаний по завладению рекою Иртышом до его верховья князю Гагарину за невозможностью довести действующие против джунгар воинские части до необходимого состава пришлось озаботиться приобретением союзников извне, о чем отчасти было уже только что упомянуто, говоря о переписке, начатой им с киргизскими ханами Каипом и Абулхаиром. Подполковник Ступин, плывя по Иртышу, уверял встречных и попутных калмыков, что отряд его идет не против их владельца, а к улусам киргиз-кайсаков, чтобы наказать их за прошлогодние и третьегодние набеги на русские горноразведческие партии. Сибирский губернатор всеми зависевшими от него средствами и способами старался вооружить против джунгар также и китайские власти, заверяя последние, что джунгары — общий как для Китая, так и для России враг, которого следует во что бы то ни стало сокрушить, к чему он, сибирский губернатор, и прилагает все усилия, ожидая, что и китайцы в свою очередь будут сокрушать общего врага с противоположной от нас южной стороны. Об этом настойчиво при всяком удобном случае напоминалось и через китайских послов, следовавших Сибирью в 1712 и 1715 годах, о предупредительном приеме которых и обильном угощении, не жалея десятков ведер казенного вина и пива, мы уже говорили; трактовалось и через наших «купчин», так часто тогда посещавших Китай, благодаря стараниям сибирского губернатора, и через ту духовно-дипломатическую миссию, что усилиями того

¹³⁴ Сумин. Указ. соч.

же губернатора водворена была в столице Небесной империи, и через пограничные китайские власти, в распоряжение которых кн. Гагарин усердно передавал всех калмыцких перебежчиков в Сибирь, спасавшихся от преследований китайских войск, сражавшихся с джунгарами и проч. Не упускались, конечно, и случаи доведения до сведения китайского правительства через нашу Пекинскую миссию об усилиях сибирского губернатора направить на контайшу кайсацких ханов обещаниями помощи им с русской стороны, помощи тем более приятной для императора Канси, что она являлась вместе с тем фактической помощью и ему в борьбе с контайшою.

В «Памятниках Сибирской истории XVIII века» помещено девять копий с актов дипломатических сношений сибирского губернатора с киргиз-кайсацкими ханами¹³⁵. Для характеристики форм и существа этих сношений приводим несколько выдержек из них. Тон всех ханских посланий к кн. Гагарину неизменно заискивающий и как бы подчиненный; ничего похожего на то, что лет десять—двадцать тому назад высокомерно писал Тявка-хан предшественникам всесибирского губернатора, тобольским воеводам в ответ на требование этих воевод понудить подвластных ему «воинских людей Казачьи Орды» не грабить и не зорить приграничных наших острожков, сел и деревень. «...Абул-Хаир-хан челом бью, (оправдывался глава Малой Орды) и здравствуй великий и белой царь. Тамо вы здравствуйте, а здесь Хаип-хан здорово, а тамо *при князе* здоровы, а здесь в крайних улусах мы (т.е. Абул-Хаир) здоровы. *А ловить бы нам коз и зверей, а воевать бы нам Калмыков.* А меж нами купецким людем чтобы ездить, и вам кто будут други, и нам також будут други; також которые и недруги будут вам и нам також недруги будут. А промеж нами которые воруют, как наша мочь сяжет (позволит), уймем. А естли которые нас (хана) не послушают и на воровстве (т.е. в грабеже и вооруженном набеге) вам в руки попадут, как изволите, так бы и учинили; а к нам приедут (возвратятся с набега), и мы их також унимать будем» и т.д. Или в таком роде: «Тоболскому губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину от меня Хаипа много челом бью. А мы здесь со всеми здравствуем, и вас Господь Бог помиловал бы... Князь Матвей Петрович Гагарин! К нам что присланы послы Борис да Кабай ясаул и Тимган Мергенъ со всеми товарищи в добром здравье и к нам приехали и свиделись. За красною печатью листы и к нам что присланы подарки, портище красного сукна, и два портища на золоте, да чаю батман [60], до наших рук дошло, и тому мы обрадовались... Да еще прошу милости: от нас которые нужны (нуждающиеся) и голодны ушли к вам близко (т.е. сделали набеги), нас не послушаючи, и ежели вас будут воевать и в руки к вам попадут, всех бы их прибить, а живых не отпускать, и мы в том лиха не будем иметь. Також бы воров и впредь не было. Да еще слово: кон-

¹³⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 41. С. 152–167.

тайша вам и нам недруг, а на него итти мы вздумали. Великому государю будем писать, чтоб силы прислать; и буде силы пришлют, и мы готовы и воеватца или миритца, вместе б быть и при его великого государя здоровье и счастье обеих бы земель в добродетели и в утомоне быть, и великому бы государю чтоб слава добрая осталась...» [Или:] «...И мы живем в миру, о том Бог свидетель. *Кто добродетель сделает — борода побелеет, кто худо сделает борода выпадет. Грамотной человек помрет — письмо останетца, добрый человек умрет — слава останетца*» — и т.п.¹³⁶ в этом же роде.

Ответы кн. Гагарина ханам Каипу и Абулхаиру наоборот, имеют форму как бы указов от высшего к низшим, и пишутся от «Его Царского пресветлого величества»¹³⁷, губернатор Сибирский князь Матвей Петровича Гагарин, Хаип-хану, владельцу Казачьи Орды» и далее: «В нынешнем 1717 году сентября в 26 день явились мне в Тобольску посланные от нас (т.е. от губернатора) тобольский сын боярский Никита Белоусов с товарищи, и сказали, что де ты Хаип-хан и люди твои и Казачья Орда с людьми нашего великаго государя Сибирской губернии в миру быть хотят. Також калмыцкаго владельца, который противитца его царскому величеству, контайшу воевать хотят-же» — и «полон русский в Орде отпустить хотят-же...» и то, дескать, похвально, «и за то с нашей стороны им кайсакам обид не будет, а будет де оказано всякое покровительство и вспоможение в борьбе с тем непокорным контайшей и в торгах разрешения...» На словах же русским вручителям таких губернаторских посланий наказывалось выведывать, действительно ли «люди Казачьей Орды» держат ханское слово, собирают ли русских полоняников, воют ли с контайшой, где и когда были бои с калмыками и т.д. По расспросам оказывалось, что приказ ханский о возврате русского захвата был, что многие из полоняников уже отпущены, и в том числе драгуны, что были в конвое у контайшиных посланцев с поручиком Трубниковым. Подтверждалось, что и бои с калмыками были многие, где «казаки», хотя в большинстве случаев и были биты калмыками, но, несмотря на это, своей назойливостью и упорством в набегах на джунгар в разных пунктах соприкосновения с врагом держали его в постоянной тревоге, оттягивая на себя значительные силы от главного фронта его действий против китайцев, ибо и сами они, как-то было, например, в бою при речке Аягуз, впадающей в озеро Балхаш, сосредоточили здесь до 30000 бойцов¹³⁸. Косвенно это, конечно, отражалось и на северном русском фронте боевых действий джунгар. Но едва ли еще не большее значение для нас имело то обстоятельство, что гагаринские посулы кайсацким ханам всякого рода помо-

¹³⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 41. С. 163.

¹³⁷ Без добавки: «Великия и Малыя и Белья России самодержца», как писалось всегда к контайше и другим более могущественным ханам и владельцам.

¹³⁸ Памятники Сибирской истории. XVIII века. Кн. 2. С. 157–158.

щи и торговых льгот, на много лет избавили юго-западные границы тогдашней Сибири от хищнических набегов кайсаков, сделавшихся во второй половине XVII века почти ежегодными в летнее время, а это, в свою очередь, развязывая сибирским властям руки, давало им возможность, сняв отсюда часть войск, направить их на вновь намечаемую линию укреплений вверх по Иртышу, начиная от Омской крепости к Ямышевской и далее к Нор-Зайсану [61].

Как далеко простирались планы кн. Гагарина по крепостному и иному строительству в этом направлении и притом не столько помощью войск, которых в его распоряжении было ничтожное количество, сколько путем дипломатического умиротворения и обессиления своих противников, видно из его показаний на следствии, вскоре возбужденном против него разного рода «доносителями и радетелями пользы государственных». В показаниях этих, данных им в 1719 году, мы между прочим читаем: «...намерен я был промыслить до того места, где золоту быть сказывали, таким образом, что *подселитца* городами до вершин Иртыша реки, о чем явно и прежде в доношении моем к его царскому величеству. А намерен был для того у Ямышевской крепости сделать *великое поселение и великим людством населить* как уже и ныне не малое число людей поселено: но отъезд мой в 717 году с 3000 человек было в той крепости что оттуда и удобнее в дальние места для строения крепостей к промыслу посылать. Також хотел на Зайсане, или в близости от того озера, в удобном месте сделать великой же город и населить великим людством; також и промеж тех поселить малыя крепости для проезду и караулу, как уже и поселено от Тары в 5 местах, не доходя Зайсана. И так бы чаял кончая (осуществив) не можно (было бы) контайше и самому не искать миру или подданства у его царского величества, потому что в тех городех умножено бы было людей, провианту, и амуниции и протчего. А воденного ходу Калмыки перенять не могут, також и городов брать не могли ж, и имели бы от тех городов великую опасность, потому что с одну сторону по Иртышу города государевы, а по другую от них сторону Казачья Орда, с которыми у них вечная ссора, а ведают у них, что с нами (орда) в миру и воевать их Казачья Орда, по указу великого государя, всегда готовы, то как бы можно ему в тех местах стоять? но или бы в послушании, или в подданстве был, или откочевать бы в далности за Камень [62] принужден. Таким образом и стоять ему в близости городов, не в миру будучи невозможно, потому что они Калмыки крепостей никаких не имеют, кроме своих на степи юрт. А военным поведением итить к тому месту, не учиня того (т.е. не обеспечивши базу, не построив предварительно сильных опорных пунктов), не можно, потому что великия станут убытки и великая трудность от далности и пустоты...»¹³⁹.

¹³⁹ Памятники Сибирской истории. XVIII века. Кн. 2. С. 143.

По этому, очевидно, глубокопродуманному плану всей кампании и начались дальнейшие наши действия против джунгар в негласном союзе с «Китаем и Казачьей Ордой».

Новому начальнику Верх-Иртышской экспедиции подполковнику Ступину поручено было немедленно по прибытии к Ямыш-озеру, где уже, как сказано, подполковником Матигоровым, прибывшим сюда уже в конце лета 1716 года, был построен небольшой тыловой острожек, заняться дальнейшим укреплением той местности и только по достаточном выполнении этой задачи двигаться далее, строго придерживаясь того правила, чтобы без крайней нужды не вступать с джунгарами не только в бой, но и даже в какие-либо пререкания и даже чтобы при враждебном вызове с их стороны и открытом нападении держаться оборонительной тактики, внушая джунгарам, что русские пришли сюда совсем не для войны, а для прииска рудоносных месторождений и если кое-где и приходится возводить укрепления, то не против них, а для обороны от хищных киргиз-кайсаков и т.п. Следом за Ступиным послан был другой отряд, с которым до Омской крепости проследовал для ближайшего наблюдения за ходом всего дела ближайший сотрудник губернатора и заместитель его в экстренных случаях тобольский обер-комендант Карпов.

Острог, построенный Матигоровым, Ступин нашел тесным и слабосильным. Он состоял из четырехугольной стены, обнесенной палисадом из бревен, оставшихся от бухгольцевских казарм, домов и амбаров. Новые постройки в то же лето произведены тем же поручиком Каландером. Вместо небольшого острога развернута правильная крепость полушестиугольником с двумя в степную сторону башнями и двумя половинками, проведенными к Иртышу; не было сделано только земляного вала, замененного высокой деревянной стеной — срубом, построенной кругом крепости, исключая стороны, прилегающей к Иртышу, которую по недоступности крутого берега закрывали одним палисадником¹⁴⁰.

По обеим сторонам крепости построены форпосты, которые также обнесены были палисадом и рогатками с двумя наблюдательными пикетами [63] на концах, примыкающих к Иртышу. Такой же пикет поставлен был в пяти верстах от крепости на возвышенном месте¹⁴¹.

Одновременно с постройкою Ямышевской крепости в целях наилучшего обеспечения ее сообщения с недавно отстроенной Омской крепостью и Тарою по распоряжению кн. Гагарина воеводою последнего города двинут был Иртышом отряд тамошних казаков под начальством сына боярского Свирского для построения крепости выше Омской, что и было ими исполнено тогда же заложением таковой по образцу Ямышевской (деревянной) на правом крутом берегу Иртыша в 200 верстах от Омской и 231 от Ямы-

¹⁴⁰ Ежемесячные сочинения... Указ. соч.

¹⁴¹ Ласковский. Сумит. Указ. соч.

шевской. Названа она Железинской по имени речки того же названия, впадавшей в Иртыш недалеко от крепости.

Из той же Тары, одновременно с Железинской, по распоряжению губернатора двинута другая партия из тамошних же казаков, под начальством Бориса Чередова для осмотра местностей, пригодных под постройку укреплений за Ямышевом. Исполняя это поручение, Чередов к осени 1717 года дошел до устья протока, выходящего из Иртыша и называемого Калбасунскою заостровкою, в 90 верстах от Ямышева, где и зазимовал, а ранней весной следующего года проплыл далее и на 228 версте от Ямышева заложил при том же Иртыше в 17 верстах от развалин семи древних палат новую крепость, названную по тем палатам «Семипалатинскою». Подплывший к тому времени из Ямышева подполковник Ступин расширил и укрепил ее теми «фортециями», которые имелись в его распоряжении.

По мере заложения названных крепостей по Иртышу, начиная с Омской, для постоянной охраны их и хранившихся в них воинского имущества и запасов оставались соответствующие их значению гарнизоны из пеших городских сибирских казаков, получивших вскоре по окончательном водворении их здесь общее название «крепостных» казаков Иртышской линии. Те же казаки являлись и гарнизонными воротниками, затинщиками [64] и пушкарями, или, как их теперь по-регулярному стали называть, «артиллерными служителями». Конные казаки наряжались в разведки. Конный же отряд их в сотню человек под начальством сына боярского Колмакова в исполнение общего плана действий, заранее намеченного, как мы видели, сибирским губернатором, отправлен Ступиным для разведок к озеру Нор-Зайсану, где по тому плану намечено было сооружение передового нашего укрепления. Ввиду опасности этой дальней экспедиции и невозможности подкрепления ее теми силами, которые возможно было при спешности дела сосредоточить в районе действий противу джунгарских отрядов, кн. Гагарин прибег к крайней мере усиления колмаковского конного отряда, вызову из числа отбывающих в Тобольской тюрьме наказания заключенных охотников идти с ним ради «покрытия вины своей». Желаящие нашлись и под надзором своих служилых соратников отправились в казавшийся опасным дальний путь. Ускоренным маршем (повидимому, прямым степным путем) Колмаков дошел от Ямышева до Нор-Зайсана и, соорудив здесь особо приспособленную большую плоскодонную лодку (карбаз), произвел на ней требуемую разведку озера. Озеро оказалось, хотя и очень большим и богатым всякого рода рыбою, но в ту пору года совершенно пустынным и заросшим по берегам густыми великорослыми камышами. Иртыш при выходе из озера найден мелководным, «тихим» и, так же как озеро, покрытым на несколько десятков верст густым камышом. Калмыки ни в пути, ни при озере не оказали отряду никакого со-

противления и препятствий к выполнению возложенного на отряд поручения. С этими известиями Колмаков и возвратился из своей командировки, заявив вместе с тем, что, по его мнению, строить при том озере острожек или укрепление за его пустынною и малою пригодностью окружающих угодий к использованию нет особой надобности. С таким его заключением, по-видимому, согласился и пославший его начальник всей экспедиции подполковник Ступин, не нашедший нужным ни в том, ни в следующем 1718 году возводить укреплений выше построенных им у Семи палат и устья впадающей в Иртыш реки Убы. Последний из этих пунктов он считал необходимым закрепить за нами ввиду важности его как издавна установившейся здесь переправы калмыков и бухарских торговых караванов через Иртыш с левой его стороны на правую¹⁴².

В конце 1717 года кн. Гагарин был неожиданно вызван в столицу и потому, не dokonчив столь занявшего его теперь дела, должен был вновь покинуть Сибирь и на этот раз, как оказалось, уже навсегда, хотя до конца 1719 года, находясь вне ее, считался губернатором Сибири и даже целый год был фактическим руководителем ее дел. Главным официальным поводом вызова князя в столицы, сколько известно, было назначение его в состав следственной и судной комиссий над цесаревичем Алексеем Петровичем; второстепенных и отчасти секретных причин к этому было много и в том числе необходимость иметь от него лично объяснения по обвинениям, возводившимся на него тогдашним обер-фискалом и «радетелем нужд государственных» Нестеровым. О существовании этих последних обвинений кн. Гагарину, конечно, было известно, но едва ли они в то время его особенно смущали, ибо, зная малую обоснованность большинства из них, а главное, ничтожество их по сравнению с тем, что делается и уже сделано им для России вообще и Сибири в особенности, он, несомненно, был глубоко уверен в признательности царя, которая не дозволит ему допустить торжества фискальных доносов о вольных и невольных его ошибках, заблуждениях и пригрешениях, присущих всем тогдашним вершителям судеб государства, над его заслугами пред тем же царем и государством. И в самом деле: не говоря уже о том, что было изложено нами в предыдущих главах этой книги о деятельности Гагарина как соединителя каналами главнейших водных систем России, как коменданта первопрестольной столицы государства, Генерального президента Сибирского приказа и Всесибирского губернатора, уже одно утверждение России на берегах Великого океана и в Камчатке при ближайшем его участии и руководительстве в связи с тою ролью, которую он сыграл в излагаемой в настоящей главе истории присоединения к России благодатного края площадью в 500 тыс. кв. верст, или более 50000000 десятин, несомненно давали ему пра-

¹⁴² *Потанин Г.Н.*

во рассчитывать если не на великие награды и царскую благодарность, то, по крайней мере, на милосердие. Но этого, как всем известно, не случилось; во время же отъезда Гагарина из Сибири никому и в голову не могло прийти, что он за свою службу получит то возмездие, какое он получил. Отправляясь в столицу, кн. Гагарин знал (не говоря о внутреннем устройстве страны), что, благодаря его ближайшему участию и руководительству, русские люди твердо ногою стали не только у берегов Великого океана, но и, заняв Камчатку с ее неиссякаемыми богатствами, впервые установили морскую связь как с нею, так и Курильскими островами, а через них и со сказочной еще тогда Страной восходящего солнца [65].

Гагарин знал, что никто до него так и не потрудился и с таким успехом, как он, над делом торгового и дипломатического сближения России с Китаем, завершившегося учреждением в столице последнего постоянного русской миссии. При нем после невыгодного для нас Нерчинского трактата, благодаря улучшению отношений с могущественным соседом, границы Сибири продвинулись на юг к озеру Косогол, верховьям реки Абакана, Томи, Бии и Катуня (основание Бийска и Минусинска), где русские впервые начали селиться в благодатных предгорьях Саяна и Алтая, не опасаясь набегов сибирских «киргиз[ов]», вынужденных выселяться из Сибири в Джунгарию. Туда же, благодаря занятию русскими укреплениями всего верхнего течения Иртыша до Убинской переправы, должны были начать выселение и калмыки, считавшие себя до того времени хозяевами всей Барабинской и Кулундинской степи, собиравшими на контайшу дань с местных жителей между Обью и Иртышом.

Как ни неприятно это было джунгарскому контайше, как ни старался он угрозами и вызывающим поведением по отношению к честолюбивому губернатору «всея Сибири» заставить последнего отказаться от затеянного им дела или сделать какую-либо непоправимую ошибку, ему не удалось отстоять своей позиции, и он волей-неволей в силу создавшегося и искусно поддержанного его противником международного положения должен был уступить ему почти без боя территорию, на которой в наше время (в районе нынешних Томской и Алтайской губерний и части Семипалатинской области) обитает около пяти миллионов, главным образом, русского населения.

Как все это не похоже было на то, что одновременно с этим происходило и так катастрофически закончилось бесполезною гибелью шеститысячного экспедиционного отряда князя Бековича-Черкасского на Каспии, Амударье и в Хиве, преследовавшего, по повелению Петра, ту же задачу, что возложена была и на кн. Гагарина.

Весь 1718 год пребывания сибирского губернатора в столицах и руководства делами обширного вверенного ему края извне прошел по преимуществу в закреплении за нами того, что было начато и

заложено в предыдущем году. Продолжались деятельные сношения с ханами Казачьей Орды и подстрекательство их к продолжению борьбы с джунгарами. Подполковник Ступин, в руках которого по-прежнему оставалось ближайшее заведование делами вновь устраиваемой линии прииртышских укреплений, находясь преимущественно в Семипалатинской крепости и редуте Убинском, устройством которых занялся по преимуществу, не упускал случаев бдительного наблюдения за обеспечением всем необходимым каждого из новых укреплений линии в связи с устройством между ними более удобных путей сообщения, средств сношений и пр. Пользуясь бездействием джунгар, ничем себя не проявивших со времени отхода их на юг, и с наступлением Бухгольца к устью р. Оми, Ступин раннею весною 1719 года решился повторить более основательно наскоро произведенный в 1717 году Колмаковым по приказу губернатора осмотр озера Нор-Зайсан. Для этого им командированы были туда капитан *Урусов* и поручик *Сомов* с 12-ю нижними чинами. На плоскодонной большой лодке, изготовленной в Ямышевской крепости, маленький отряд благополучно доплыл по Иртышу до самого озера, проплыл по нему до устьев верхнего Черного Иртыша и только здесь впервые встретился с враждебно настроенными джунгарами, которые, рассыпавшись по тому и другому берегу реки, открыли по лодке стрельбу. Мирное ли поведение пловцов, неумение ли завладеть лодкою, трусость или что другое заставили, однако же, джунгар вскоре прекратить стрельбу, и разведчики наши, не беспокоемые более неприятелем, лишь находясь под его неослабным надзором, в течение десяти дней произвели довольно подробный обзор Нор-Зайсана, в общем подтвердивший данные Колмакова и дополнивший их наблюдениями за дальними берегами озера и дельтою Черного Иртыша, прорезанной массою мелких, соединяющих два главных ее рукава протоков, покрытых камышами. Необходимости в возведении при озере русского укрепления и на этот раз, по-видимому, не было найдено.

Между тем, обвинения, возводимые на инициатора закрепления за Россией верховьев Иртыша, настолько сгустились, что когда Зайсанская экспедиция возвратилась в верх-иртышские крепости, то неожиданно узнала, что кн. Матвей Петрович Гагарин теперь уже не только не губернатор всея Сибири, но даже не на свободе, а как преступник заключен под стражу в Петербургской крепости.

18 января 1719 года в Сенат заявился кабинет-секретарь царя Макаров и предъявил обер-секретарю Сената Шукину собственноручной подписи государя указ, адресованный не Сенату собственно, а гвардии майору Ивану Лихареву, нижеследующего содержания¹⁴³: «...Ехать тебе (Лихареву) в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем против данного тебе реэстру подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но

¹⁴³ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 53. С. 182.

как доброму и честному афицеру надлежит. Между тем же трудитца всеми мерами освидетельствовать, по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухгольца, о золоте эркецком; подлинно ль оное есть? и от кого он Гагарин сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов (ежели сыщутся), и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав, старатца сколько возможно, дабы дойти до Зайсана озера, и ежели туды дойти возможно, и там берега такие, что есть леса и прочие потребности для житья то построить у Зайсана крепость и посадить людей. А как туды едучи, так и построив крепость, проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети, сколько далеко, и возможно ль дойти; также нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью реку, или в Аралское Варяжское море. Сие все чинить сколько возможно. А в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить. Также разыскать о полковнике Бухолце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли; также и о прочих его худых поступках освидетельствовать [66]. И о том о всем, что тебе к тем делам будет потребно, Сибирской губернии к лантратом [67] и протчим управителем послушной указ послан»¹⁴⁴.

Указ этот, составленный, несомненно, по личному повелению Петра в собственном его величества Кабинете людьми, очевидно, имевшими, как и сам царь, более чем смутное понятие о делах, которых он касался, не мог, конечно, не удивить членов Сената, не знавших, как приступить к осуществлению царской воли, выраженной столь необоснованно и столь необычным порядком. И сам Лихарев, не знавший, к кому и через кого обратиться за ближайшими указаниями по делу, с одной стороны, государственно-гражданского характера, с другой, чисто военного и даже боевого, засыпал Сенат вопросами, где, как и что, и на какие средства все то ему выполнить. По немалом обсуждении всех обстоятельств неожиданно возникшего дела «Господа Сенат» решили сдать это дело, как и при Гагарине, заменившему его князю Черкасскому, в его Сибирскую губернскую (походную) канцелярию в Москве, состоявшую при бывшем Сибирском приказе, и мелким исполнителям на местах. Для производства сыскных дел «о худых поступках» бывшего губернатора к Лихареву прикомандировываются дьяк с двумя подьячими, а самому ему (согласно его просьбе) рекомендуется заняться преимущественно делами воинскими, о ходе которых, равно как и о сыске, доносить одновременно в Кабинет его царского величества и в Сенат. В указе, данном из Сената «...ближнему стольнику, князю Алексею Михайловичу Черкасскому с товарищи», написано по этому случаю: «...регулярных и нерегулярных людей, сколько есть ныне в Тобольску и других городех, где будет требовать (Лихарев), оставляя в гарнизонах

¹⁴⁴ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 53. С. 182–183. ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 5. № 3284.

по рассмотрению; а чего неостанет регулярных выбирать из казачьих детей в Тобольску и в других городех. Артиллерию из Тобольска, пушки и мортиры железные, а чего неостанет, то из прочих городов и слобод и с железных заводов; только из городов и слобод артиллерию брать не всю, оставляя в гварнизоннах по рассмотрению. Лошадей, провиант, амуницию по его (Лихарева) требованию, отправлять откуда напредь сего дано Бухгольцу. Суда, оставшиися от походу Бухгольцова починить, и новые по его ж требованию построить, как прежде сего строены для походу Бухгольцова»¹⁴⁵.

Кн. Черкасский, по-видимому, находился тогда в Москве, Лихарев, не медля, тогда же в феврале месяце, не ожидая вскрытия рек, выехал в Тобольск одновременно с командированными в его распоряжение приказными людьми и несколькими гвардейскими офицерами, и нижними чинами. Езда по распутице продолжалась, вероятно, не менее двух месяцев. Оказалось, что в Тобольске к приезду Лихарева о новой большой экспедиции в верховья Иртыша ничего еще не было известно, а потому и подготовительных распоряжений по сему не отдавалось. Ни потребного для похода количества всяких продовольственных и иных запасов, ни обмундирования, ни снаряжения, ни вооружения, ни сколько-либо обученных людей не было. Надо было начать набор людей вдобавок к тем, что уже находились в верх-иртышских крепостях. По приблизительному расчету Лихарева, требовалось еще не менее 963 человек регулярных, да не менее того же нерегулярных. Сразу же выяснилось, что о походе в то же лето нечего и думать. Об этом он и не замедлил написать, как приказано, и в Кабинет царского величества и в Управляющую Сенат¹⁴⁶.

Сбор людей и необходимых запасов для новой экспедиции шел медленно; а между тем по другому царскому указу в Тобольск прибыл гвардии-капитан поручик Шемардин с поручением «...приготовить к будущей кампании рекрут для пополнения в пехотные полки, которые ныне обретаютца с его величеством...», для чего: «Сибирской губернии в ближних городех, в Тоболску, на Тюмени, в Верхотурье, в Туринску, в Сургуте, в Нарыме, в Томску набрать в службу годных и с архиерейских детей боярских и из монастырских слуг и служебников 200, из дворянских из казачьих детей 3300, из ямщиков 500, итого 4000 человек, без мотчания [68]... и «отправлять их в Санкт-питербурхских в военную коллегию, в разные отпуски от пяти сот до тысячи человек с добрыми приводцы»¹⁴⁷. Это еще более затруднило и частью даже сделало невозможным прибор людей для Лихарева¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. № 53. С. 190.

¹⁴⁶ Там же. С. 193.

¹⁴⁷ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 5. № 3419. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 262–263.

¹⁴⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 264–266. — Донесения Тобольского обер-коменданта Карпова князю Черкасскому.

Невольно оставаясь в Тобольске почти без дела и знакомясь со всею имевшеюся в местных канцеляриях перепискою по интересующему его делу за время князя Гагарина, Лихарев, конечно, не мог не убедиться в том, что в этом деле не столько важна сила и количество войск, сколько другие обстоятельства и вызываемые ими мероприятия[тия], к которым прибегал бывший сибирский губернатор. Усвоив этот взгляд, Лихарев, не заботясь особенно о сборе в Тобольске самостоятельного достаточно сильного отряда, обратил особенное внимание на укрепление и обеспечение всем необходимым позиций, уже ранее его занятых по Иртышу. Поэтому по мере поступления в его распоряжение местных воинских сил и средств он, не задерживая их при себе, мелкими партиями отправлял в верх-иртышские новые укрепления в распоряжение ближайшего их начальника подполковника Ступина. Одновременно с этим, увидев, какую выдающуюся роль во всех делах с джунгарами имели разведочные посольства к контайше, Лихарев потребовал к себе первого из гагаринских посланцев к джунгарскому контайше тарского казачьего голову Ивана Дмитриева Чередова. Узнав его, он нашел, что это самый подходящий в данном случае человек. Его услугами, как опытного в таких делах служаки, и решено было воспользоваться. Официальным предлогом для командировки послужила необходимость разобраться в некоторых приграничных недоразумениях и взаимных претензиях русских и джунгар в связи с поисками русских рудных залежей «на землях царского величества в районе рек, впадающих в северное ледовитое русское море», — действительная же цель поездки заключалась в наведении, под рукою, справок о положении дел в Джунгарии и ходе войн контайши с Китаем и Казачьей Ордой.

Снабженный надлежащим наказом и «Листом» от Лихарева к контайше, Чередов 28 июня 1719 года с несколькими спутниками из местных переводчиков, казаков и других служилых людей выехал из Тобольска сначала, по-видимому, водным путем до Тары, а отсюда грунтовыми прямо степью через Барабу и Кулунду, пересекая реки Каргат, Чулим, Бачан, Карасук, Бурлы, Капчи(?) и Кулунду к теленгуцкой переправе через Иртыш при вновь построенной русской крепости Убинской и далее сначала на Колбинский хребет, потом степью Зайсанской котловины, через Тарбагатай и еще далее низменностью озера Ала-куль прямо через впадающую в него р. Эмиль, Боротала, перевал Талки через хр. Боро-Хоро и к ставке контайши при реке Или, впадающей в Балхаш, — куда прибыл 11 октября того же 1719 года¹⁴⁹.

Путешествие Чередова вперед и обратно и более чем годичное пребывание в Джунгарии настолько интересны сами по себе, что

¹⁴⁹ Московский главный архив Министерства иностранных дел. Дела Зенгорские. «Посылка от майора гвардии Лихарева из Тобольска к контайше посланца казачьего головы Ивана Чередова» (его статейный список).

заслуживают особого описания и издания, но так как это не входит в задачи настоящего труда, то мы коснемся его здесь лишь настолько, насколько оно непосредственно относится к жизни и деятельности кн. Гагарина; а оно, как увидим вкратце, действительно косвенно относится к преждевременному осуждению Гагарина и неправильной оценке царем Петром значения сооруженных при Иртыше русских укреплений.

Узнав в Чередове того самого гагаринского посланца, который шесть лет тому назад «обманул» контайшу разными посулами, заставив его отпустить из плена многих русских и возвратить захваченные калмыками «товары немчина Поппы», джунгарский владыка встретил его крайне сурово и, приняв от него «лист» Лихарева не непосредственно, а через второстепенное лицо, с самим Чередовым не пожелал даже и говорить. Мало этого, через день после такого приема, как сам Чередов, так все его спутники по посольству под конвоем были отведены в один из неблизких к Урге калмыцких улусов, подвергнуты там заключению и выдержаны в полуголодном состоянии вне всякого общения с кем бы то ни было более года. Только в конце следующего 1720 года положение их по причинам, о которых будет сказано ниже, существенно изменилось к лучшему, а 9 января 1721 г. все они были с достаточным почетом, под охранным конвоем отпущены обратно в Тобольск.

Между тем царь Петр, получив в конце 1719 года извещение, что Лихарев, несмотря на данные ему приказания, в минувшее лето «...к Зайсан озеру не пошел за неотправлением к нему из тобольской канцелярии рекрут, также за неимением пороху, шпаг и протчей аммуниции, также и за умалением провианту...», видимо, сильно на это разгневался, и, помятуя недавнюю катастрофу на Амударье с Бекевичем-Черкасским, разрушившую его мечту о добыче «эркетского золота» с этой стороны, приказал новому сибирскому губернатору по приезду в Тобольск принять энергичнейшие меры к тому, чтобы все необходимое для Зайсанской золотой экспедиции к весне 1720 года было готово, «дабы он (Лихарев) ничем не отговаривался»¹⁵⁰.

8 мая 1720 г., как только Иртыш в Тобольске вскрылся, Лихарев, не ожидая окончания всех сборов, всего на трех досчаниках с отрядом лишь в 189 человек поплыл в верх-иртышские крепости¹⁵¹. По мере продвижения отряда между вновь построенными крепостями состав его пополнялся как людьми, так и судами и всем прочим, необходимым для дальней степной командировки. Из Семипалатинска он отплыл уже с отрядом в 440 человек на 34 карбазах, построенных здесь попечением подполковника Ступина, применительно к плаванью по Зайсану, при 13 пушках малого калибра и 6 мортирах и с запасом продовольствия на 3 месяца. Все дальнейшее следование до Зайсана свер-

¹⁵⁰ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. С. 193.

¹⁵¹ Там же. С. 205.

шено беспрепятственно. Ни калмыков, никаких других обитателей по берегам не встречено. Не оказалось их, как и ранее, и при самом озере. Произведенный Лихаревым осмотр его прибрежий вновь подтвердил справедливость выводов его предшественников Колмакова, Урусова и Сомова о неудобствах и малой целесообразности возведения здесь русского укрепления. Продвинувшись ввиду этого еще далее вверх уже по впадающему в озеро Черному Иртышу, русские впервые встретили здесь обладателей страны калмык[ов], показавшихся по ту и другую сторону реки большими вооруженными партиями, составившими через несколько дней после своего появления скопище численностью до 20000 человек во главе с будущим джунгарским контайшой, старшим сыном Цеван-Раптана, Галдан-Цереном [69]. Видя продолжающееся продвижение русских вверх по реке, калмыки открыли лучную стрельбу, русские отвечали им огнем из ружей и пушек. Это произвело глубокое впечатление на азиатов, они быстро рассыпались во все стороны, но скоро, присмотревшись и прислушавшись к громоносному отпору вторгшихся в их пределы иностранцев, несколько оправились, и толпы их, несмотря на урон убитыми и ранеными, стали вновь смыкаться, грозя подавить пришельцев своей численностью. Дело становилось серьезным и затяжным. Только благодаря трусости и неуме[нию] азиатов, русскому отряду удалось уцелеть. Через три дня осады начались переговоры о возврате русской флотилии обратно; закончившиеся, как и под Ямышевым при Бухгольце и Черен-Дондуке, взаимными приветствиями предводителей войск и заверениями в вечной дружбе двух народов. 4 августа отряд поплыл обратно. Проплыв то место течения Иртыша, где эта река, стремительно прорвавшись через отроги Алтая и Колбинского хребта, принимает более спокойное течение, майор Лихарев признал необходимым временно здесь остановиться и заложить новое русское укрепление в качестве самого передового опорного пункта, как для будущего продвижения к Зайсану и Черному Иртышу, если такое окончательно признано будет необходимым, так и для упорной охраны пропуска джунгар через хребет, если владельцу их контайше вздумается предпринять воинскую экспедицию для отнятия у русских тех укреплений, которые последние, начиная с 1716 года, понастроили на Верхнем Иртыше. Крепость по месту ее расположения названа Усть-Каменогорской.

Для наблюдения за постройкой и надлежащего ее оборудования Лихарев по прибытии в Семипалатинск командировал общего руководителя постройки верх-иртышских укреплений подполковника Ступина, что тем с успехом и было выполнено.

В Tobольск Лихарев прибыл 13 октября 1720 года и, не останавливаясь в нем, проследовал, по болезни, прямо в Петербург, оставаясь в неизвестности о том, что случилось с посланным им к джунгарскому контайше, почти полтора года тому назад, казацким головою Чередовым.

Между тем узники джунгарского контайши, как ни строго их держали в заключении и как ни стерегли от каких бы то ни было сношений с лежащим вне их юрты миром, тем или иным способом добывали сведения о том, что делается вокруг. Знали они, что дела джунгар в войне их с Китаем и Казачьей Ордой идут неважно. Знали, что вверх по Иртышу подплывает к озеру Зайсан какой-то лихаревский русский отряд, вооруженный многими странными для калмыков чугунными пушками; знали, что движение это истолковывается джунгарами и самим их контайшей как обещанная Гагариным китайцам и Казачьей Орде русская помощь; знали, что и китайцы, и кайсаки, в свою очередь, склонны принимать русский отряд Лихарева за обещанную им помощь, ввиду чего усилили свои выступления против джунгар. В тот же самый день, т.е. 1 августа 1720 года, когда контайшинцы сделали нападения на черноиртышскую флотилию русских, китайцы с востока напали на джунгар и в бою, не считая убитых, захватили у них 7000 пленных; с другой стороны и киргиз-кайсаки, напав на крайние джунгарские улусы, захватили полон в 3000 человек.

Не неожиданностью для Чередова было поэтому требование контайши в конце августа месяца прибыть из места заключения в собственную его Ургу, а 20 ноября дана ему была первая аудиенция как русскому послу¹⁵².

Изменив совершенно тон и манеру обращения с русским посланцем, контайша прежде всего спросил Чередова, хорошо ли ему жилось за время продолжительного пребывания в джунгарской Орде и узнавши, будто бы впервые, что жилось худо и голодно, он притворно очень рассердился на это, приказав немедленно примерно наказать виновников, а посла с его свитою перевести в лучшие помещения и усилить суточную выдачу мяса, круп и кумыса. Многократно беседуя с Чередовым за полтора месяца, оставшихся до его возвращения, контайша в зависимости от положения военных дел с Китаем и Казачьей Ордой то предъявлял к русским разного рода требования, то жаловался на чинимые ими обиды калмыкам, то расспрашивал о том, как на Руси живет Аюке-хану калмыцкому, и что значит часто употребляемое в посланиях к нему с русской стороны выражение — «призирать [70] и оберегать от посторонних неприятелей» — и проч. Чередов, конечно, старался дать с своей стороны удовлетворительные, с нашей точки зрения, объяснения. Говоря о давней враждебности отношений между сибирскими «киргизами», кочующими в верховьях Енисея и Оби, и надвигающимися с севера русскими сибиряками, контайша во всем винил сибирские приграничные и высшие власти, вынудившие его, контайшу, за невозможностью для «киргиз» выносить далее русские притеснения, «вывести киргиз к себе, а принадлежавшие им в Сибири земли оставить в пуге». *По тем же причинам ему приходится*

¹⁵² Московский главный архив Министерства иностранных дел. Дела Зенгорские. О командировании в Джунгарию казачьего головы Ивана Чередова.

в последнее время, избегая ссоры с русскими, выводить из Барабы подвластных ему теленгутов, хотя уже более ста лет тому назад северной гранью калмыцких владений была установлена река Омь. Чередов отвечал, что это так и должно быть, так как все великие сибирские реки с их притоками, как вливающиеся в русское Ледовитое море, всегда почитались русскими; впрочем, дескать, русские цари никогда не мешали иноземцам, как и ныне Аюке-хану, кочевать при тех реках, только бы жить с русскими мирно.

В свою очередь контайша, допытываясь от Чередова, зачем посланцы китайского императора проезжали через Сибирь к Аюке-хану, сообщал, что те китайские послы были и у него во владениях и подговаривали его, контайшу, вступить с его народом в подданство к их императору, «которого де нет в мире никого сильнее, он де всем Царям Царь и над всею землею нет его больше, что де и русский Царь плотит ему дань». Чередов, конечно, возражал, что на свете нет сильнее русского царя, которому подчинены многие царства и земли.

Все чаще и чаще жалуясь на притеснения и обиды, чинимые его народу, контайша в конце концов дошел до того, что стал «милости просить у царского величества, чтобы его оборонил от китайской и от монгольской силы и не дал бы его в обиду: «Если царское величество милостиво меня от такой силы оборонит и я буду жить так, как живет и Аюка-хан... Как царское величество пожаловал Аюку-хана мунгалами, так бы и меня пожаловал мунгалами, которые на меня восстали и *мы укажем, где золото родится*» и крепость-де при Зайсане-озере строить мочно и «подданным моим людям под Семипалатинскую крепость и вверх по Иртышу кочевать невозбранно». И о всем том, по словам Чередова, «самый оный контайша говорил (ему) пойма (раза) по три по четыре»¹⁵³.

В подкрепление всех этих просьб контайша, отпуская от себя Чередова, вручил ему два «листа» для передачи одного тобольскому губернатору, а другого на имя «Царского величества в Москве». Для личных же пояснений дела вместе с Чередовым посланы два собственных от контайши посла и при них еще шесть калмык[ов]¹⁵⁴.

9 января 1721 года Чередов, дружелюбно напутствуемый джунгарами, совместно со своими спутниками, калмыками-посланцами, конвоируемые (для охраны) вооруженным отрядом контайшинцев,

¹⁵³ Московский главный архив Министерства иностранных дел. Дела Зенгорские. Статейный список Чередова.

¹⁵⁴ В статье Миллера «О песошном золоте» в Ежемесячн[ых] Соч[инениях]... равно как и в Историч[еской] записке Сумина (составленной, как известно, частью из данных статьи Миллера), говорится, что контайша на радостях возврата русских с Зайсана отпустил от себя и находившегося пять лет в плену гагаринского посланца сотника Василия Чередова. Статейным списком каз[ачьего] головы Ивана Чередова и всем делом о посольстве его и Лихарева, этого не подтверждается. Во всем этом деле ни о Василии Чередове, ни о сотоварище его Этигере не упоминается ни слова, точно их никто к контайше не посылал

выехал из ханской Урги обратно. Проводив посольство до Убинской переправы через р. Иртыш к новой русской крепости при ней, конвой возвратился обратно, а Чередов и все его спутники по грунтовой дороге продолжали путь до Семипалатинска, куда и прибыли 15 марта того же года. Здесь им, за полным изнурением выючных лошадей и верблюдов, пришлось остановиться и обождать вскрытие Иртыша и только 4 апреля отплыть на досчанках далее. 20 марта, торопясь известить нового сибирского губернатора о благоприятном результате своего посольства к контайше, Чередов, не ожидая собственного отплытия из Семипалатинска, отправил с письменным к нему об этом извещении состоявшего при нем конного нарочного казака Сергея Мясникова, 4 мая и сам Чередов благополучно доплыл до Тобольска, но, едва успев передать кн[язю] Черкасскому свою доезжую запись и статейный список, не вполне еще законченные обработкою, скоростно от всего перенесенного им в контайшиной Орде и длинном утомительном пути, умер¹⁵⁵.

и судьбою их никто не интересовался, даже дядя сотника Василия Чередова, каз[ачий] голова Иван Чередов. Между тем, о посольстве Вальянова и исчезновении Маремьянинова говорится неоднократно и в наказе, данном Ивану Чередову, и в его статейном списке. В составе посольства Ивана Чередова действительно возвращался его племянник Чередов, но не Василий, а Иван же, и не сотник, а дворянин, который не только возвращался со своим дядей, но и прибыл вместе с ним из Тары, одновременно с другими спутниками казачьего головы: Тобольского драгунского эскадрона урядником (сержантом) Петром Пospelовым, драгуном Василием Ереминым, переводчиком боярским сыном Федором Плотниковым, служилыми татарами Алишевым, Алметевым, Кадаевым и Муратовым, сыном боярским Никифором Можатиным (для письменной работы) и тарскими конными казаками Сергеем Мясниковым и Иваном Логиновым при казачьих детях Машенском, Быкове и Ватулине в качестве кашеваров.

¹⁵⁵ Проф[ессор] И.В. Веселовский, мнение которого о величии заслуг Петра Великого в деле наших сношений с ханствами Средней Азии приведено выше в этой же главе — относительно вторичного посольства головы Чередова к джунгарскому контайше, с неменьшею авторитетностью пишет в своем «Введении» к изданному Географическим обществом «Посольства капитана Унковского в Джунгарию в 1722—1724 гг.» (Записки Географического общества. Т. X. Вып. 2. 1887): «После похода Бухгольца на зюнгарских калмыков пришлось нам обратить особенное внимание, и вот возникла (!) мысль о приведении их в русское подданство. Шла ли эта мысль из Петербурга или из Сибири, по обстоятельствам дела не видно, но с большою вероятностью надо предположить, что тут были затеи сибирских властей. Майор Лихарев, вернувшись (?) из поездки своей по Иртышу в 1719 году, отправил к хун-тойчже Цеван-Раптану в качестве посланца казачьего голову Ивана Чередова с «листом», в котором прямо намекалось на подданство с указанием на хана волжских калмыков Аюку. Чередов начал разными обещаниями склонять Цеван-Раптана к подданству. Насколько Чередов перешел в этом случае за свои полномочия, сказать трудно, потому что сам он на обратном пути помер в Тобольске (как будто Тобольск не был конечным пунктом его командировки, а куда-то должен был ехать еще) и никаких донесений от него в делах не имеется. (См. Главный архив Министерства иностранных дел в Москве: «Дела

Между тем все прочие, хотя бы и косвенно только причастные к чередовской миссии лица, спешили уведомить предержавших лиц столицы о блестящем результате этой миссии. Комендант Семипалатинской крепости майор Вельяминов-Зернов поспешил сообщить об этом находившемуся еще в Тобольске по рекрутскому набору капитан-поручику Шемардину, а тот не медля — майору Лихареву в Санкт-Петербург. Лихарев, в свою очередь, получа письмо Шемардина и донесение к последнему Вельяминова-Зернова, представил их 13 июля в подлиннике кабинет-секретарю его величества Макарову и в копиях — в Высокоправительствующий Сенат на благоусмотрение¹⁵⁶. Сенат не замедлил заслушать столь радостное сообщение и в постановлении своем от 21 июля, принимая во внимание, что посланные джунгарским контайшоу послы, прибыв в Семипалатинск, лично тамошнему коменданту Вельяминову-Зернову объявили: «посланы-де они просить Царскаго Величества, чтоб его Контайшу милостиво **«призрил»** как призирает и Аюку-хана, а он де Царскому Величеству служить рад, как и Аюка-хан и **«оборонить»** бы его от Китайского государя и другим (мунгалам и Казачьей Орде) в обиду не дать, а выше Нор-Зайсана озера, где сошлись два (рукава) Иртыша, поставить бы город немедля, чтоб не захватили Китайскаго царя люди — «написать Сибирскому губернатору, чтоб он тех контайшиных посланцев принял в Тобольске», с почтением и со всяким удовольствиими и одного из них немедля отправить в Санкт-Петербург, обильно снабдив всем необходимым в пути, а другого отпустить обратно, известив Контайшу, что «посланный от него посланец до Его Царскаго Величества отправлен с почтением и со всяким удовольствием»¹⁵⁷.

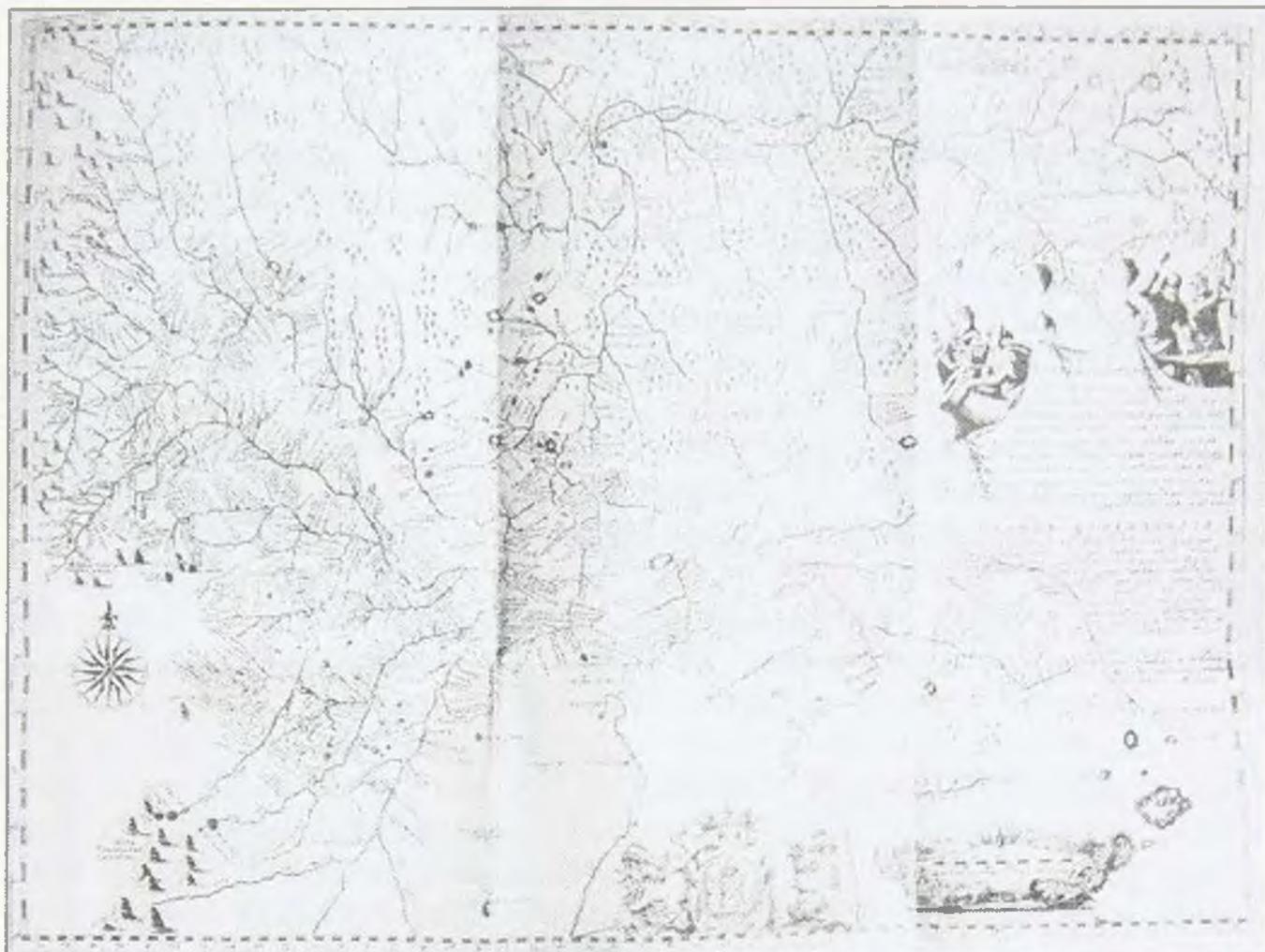
С каким же «почтением и удовольствием» отнеслись к главному инициатору всего дела с Джунгарией (не говоря об умершем казацком голове Чередове) князю Матвею Петровичу Гагарину. Он в это время разлагающимся трупом висел на виселице против вновь построенного в юной столице Петра здания торговой биржи.

За два месяца до окончательной расправы с бывшим сибирским губернатором царь Петр, видимо, совсем не осведомленный об истинном положении дел с Джунгарией, но узнав о возвращении Лихарева из Зайсанской экспедиции почти ни с чем, разгневался на это и, решив покончить со всей эркетской затеей кн. Гагарина, высочайше повелел 19 января 1721 года: «Крепость Ямышевскую укрепить и оселить, а прочия (т.е. Омскую, Железинскую, Семипалатинскую, Убинскую, Усть-Каменогорскую и др[угие] ук-

Зенгорские». «Посылка от майора гвардии Лихарева из Тобольска к контайше посланца казачьего головы Ивана Чередова (его статейный список)»).

¹⁵⁶ Содержание обоих писем напечатано, между прочим, в «Записках Императорского Русского географического общества по отделу этнографии». Т. X. Выпуск 2. СПб., 1887.

¹⁵⁷ Зенгорские дела. «О посылке от гвардии майора в Сибирь». 1719—1721 гг.

*Карта тобольской провинции (нижняя часть)
из «Атласа Всероссийской империи». 1732 г.*

Из кн. И.К. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства». М., 1977.

репления между ними) *разорить* новыя кроме Ямышевской. С кон-тайшею сделать мир и завести купечество с ним, также с Китайским городам (по разведке Трушникова) Селим и Даба, также и к жилищу Далай-Ламы, сие купечество не для прибыли делать, но посылать с купцами искусных людей при купцах, дабы высмотреть о золоте, где родится, и сколько и каков путь, и мочно-ли дойти, хотя с трудом, и овладеть тем местом»¹⁵⁸.

Повеление это по полному его несоответствию действительному положению дел, к счастью, приведено в исполнение не было, и все построенные в верхнем Иртыше крепости и города, начиная Омском и кончая Усть-Каменогорском, остались целы до наших дней.

Следом за этим повелением, не ожидая окончания разборки дел, привезенных Лихаревым из Сибири «о худых делах» Гагарина, последовало другое высочайшее повеление «повесить Гагарина на четыре месяца», что и было исполнено 16 марта 1721 года пред

¹⁵⁸ ПСЗРИ. Изд. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. № 3716.

зданием Юстиц-коллегии, *в присутствии самого царя и всех знатных родственников повешенного.*

Только через четыре месяца после этого Сенат известился через Лихарева *о получении* им писем от Вельяминова-Зернова и Шемардина из Сибири о благополучном возврате Чередова из Джунгарии с предложением контайши Цеван-Раптана о готовности его вступить под протекторат его царского величества. Заслушав донесения Лихарева, Сенат 21 июля 1721 года постановил прибывших с Чередовым в Tobольск контайшинных посланцев: «князю Черкасскому содержать с почтением и со всяким удовольствием, и из тех посланцев, которому надлежит ехать до Санкт-Петербурга, отправить его, дав ему и при нем обретающимся на дорожный проезд, на корм и на прогоны денег, и подводы и конвой со всяким же довольством, а другого отпустить к Контайше, против того — же с довольством же, с которым к сему Контайше писать, что посланный от него посланец до Его Царского Величества отправлен с почтением и с всяким довольством».

Отправленный в исполнение сенатского постановления контайшин посланец Борокургал прибыл из Tobольска в Петербург «вовсяком довольствии» и даже удостоился 6 сентября 1721 года личной аудиенции у государя в Сенате. «Царское величество стоял под балдахинном. И царское величество (поданный ему посланцем лист) принять приказал государственному канцлеру кавалерии из коллегии иностранных дел президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину. И поподании сего листа царскому величеству, он посланец кланялся и от него контайши его царского величества поздравлял и притом объявил царскому величеству... что ему посланцу от его контайши о делах словесный приказ. И царское величество тот лист приказал перевести и у его посланца своим министром словесно приказ выслушать приказал и по переводу листа и по выслушании словесного от Контайши приказал доложить ...¹⁵⁹ Великого государя».

На приеме присутствовали многие высшие силы государства и Двора царского величества, и в числе их такие, как Меншиков, Апраксин, Шафиров, Кантемир, Долгоруков, Голицын, Мусин-Пушкин, Дмитриев-Мамонов, Салтыков и др. всем известные люди. Независимо от контайшина «листа» посланцам переданы были и подарки джунгарского владельца в числе трех косяков камки и атласу бухарского изделия.

В «листе» писалось то же, что говорилось контайшой Чередову, как мы видели выше из статейного списка последнего. Независимо от этого сам посол более подробно подтвердил (при опросе в Сенате) и разъяснил пожелания и просьбы контайши о «защите» его, контайши, от врагов его подобно тому, как царское величество делает это по отношению к калмыцкому Аюке-хану.

¹⁵⁹ Слово неразборчиво. — Прим. сост.

Просьба контайши была истолкована в Петербурге как прямое желание его вступить в русское подданство. Посланец был обласкан Двором и по надлежащем отдыхе в столице с должным почетом и «листом» от его царского величества к контайше отправлен из Петербурга домой в ноябре месяце. В собственноручно подписанном царем листе, говорилось: «Лист вам чрез посланца вашего Борокургала Мы получили, и по оному також, что тот ваш посланец именем вашим словесно доносил, о всем нам известно. И ту вашу присылку и что вы требуете нашей протекции приемлем милостиво и обнадеживаем вас нашею милостию, что содержать вас в милости своей и в защищении, как Аюку-хана будем и проч.» — Ноября 19 дня 1721 г.¹⁶⁰

Одновременно с контайшиным посланцем в Джунгарии по царскому повелению с особым за царской подписью «листом» к контайше и подробною инструкциею отправлен был из Москвы в качестве царского уполномоченного (с большою свитою и разнообразными подарками на азиатскую руку) артиллерии капитан *Иван Унковский*.

В контайшину Ургу посольство Унковского прибыло только в конце следующего 1722 года, именно 17 ноября. Как ни интересно само по себе это посольство и оставленный Унковским журнал

Высокопосетенья государя Императора Петра Великого к контайше

Контайше Билэ Превосходителю поуде его
царского величества Императора Ханенца
его драгунско-исполнительна И 3, года 1721
марта 6: 24. отпосланит Урга;
гонт Ханенца Контайше Билэ Превосходителю
отправит а др. драгунского полка адъютанта
на имя Контайше сего величества Хане
гонт Ханенца Удрагунско-исполнительна
его царского величества Билэ Императора
полка драгунско-исполнительна Билэ
сего величества, а гонт Императора Ханенца
его царского величества Билэ Императора

посланца посланца контайше 1721 года
принимательна Хане Урга 24. 1721 года

Гонт Ханенца Удрагунско-исполнительна
его царского величества Билэ Императора
полка драгунско-исполнительна Билэ
сего величества, а гонт Императора Ханенца
его царского величества Билэ Императора

Иван Унковский
полковник

Рис. 1710
Март 24. 1721 г.

Автограф М. П. Гагарина. 1710. Марта 24. Письмо М. П. Гагарина Ф. М. Апраксину об отправке к нему 57-го драгунского полка во главе с полковником Ханеневым

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 100 об.—101

¹⁶⁰ Записки Императорского Русского географического общества... Указ. соч.

пребывания его в пути и в Урге при контайше, останавливаться на них в настоящем исследовании, как имеющем специальную задачу участие в этом деле князя М.П. Гагарина, мы не будем. Интересующиеся им подробно найдут о нем подробные данные в помянутых «Записк[ах] Императорского географического общества», 1887 г. Т. 10. Вып. 2. Здесь же скажем кратко лишь то, что надежды, возлагавшиеся в Петербурге на миссию Унковского, не оправдались, ибо обстоятельства в Джунгарии со времени отъезда Чередова из Урги сильно изменились в пользу контайши Цеван-Раптана. Сильнейший из врагов его китайский император Канси умер, и военные дела с Китаем приняли более благоприятный для Джунгарии оборот. Соответственно этому изменилось и отношение контайши к представителю России, пред которой он два года тому назад вынужден был унижаться. Продержав Унковского у себя целых десять месяцев, контайша отпустил его в Россию, с новым своим посланцем к царю, но без просьб и обещаний вступить под «протекцию» его царского величества.

Этим дело пока и закончилось по форме, но по существу дело о протекторате России над Джунгарией, начатое кн. Гагариным, не только в грядущем, но и в то время имело уже фактические следствия: продвижение наше вверх по Иртышу более чем на тысячу верст, закрепление за Россией на всем этом протяжении правого берега Иртыша целым рядом русских крепостей и не оформленное никаким договором на фактическое включение в пределы России более 500000 квадрат[ных] верст Барабинской и Кулундинской степи и предгорий Алтая с инородческим населением, признававшим дотоле над собою власть только Джунгарии. В наши времена это край, представляющий драгоценнейшую часть всей Сибири с несколькими миллионами русского земледельческого населения и неисчислимыми богатствами его недр. Это заслуга князя Матвея Петровича Гагарина перед отечеством, которой никакими казнями и наветами «обер-фискалов» петровского времени из истории России не выкинуть.

Глава I

1. Стольник — дворцовый (придворный) чин в Русском государстве XIII—XVII вв. Первоначально прислуживал князьям (царям) во время торжественных трапез, сопровождал их в поездках. Позднее стольники назначались на воеводские, посольские, приказные и другие должности.

2. Товарищ — т.е. заместитель, официальная должность в дореволюционной России (например, «товарищ министра»).

3. Матвеев — очевидно, Артамон Сергеевич (1625—1682), которому Алексей Михайлович оказывал доверие. Один из первых «западников». Сын дьяка, М. — один из самых образованных людей своего времени. Автор «Истории русских государей, славных в ратных победах, в лицах» и «Истории избрания и венчания на царство Михаила Федоровича». Стронник малолетнего царя Петра, изрублен одним из первых стрельцами во время бунта 15 мая 1682 г. (Энциклопедический словарь. Т. XVIII. Изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб. 1896. С. 778—779).

Морозов Борис Иванович (1590—1661) — боярин и дядька Алексея Михайловича. В начале его царствования фактически правил многими государственными делами. Один из первых поклонников Запада, иноземных обычаев. Покровитель киевских ученых. Принимал участие в составлении «Уложения» 1649 г. (Большая энциклопедия. Т. 13. Под ред. С.Н. Южакова. СПб. 1903. С. 402—403).

Ордин-Нашекин (Ордын-Нашекин) Афанасий Лаврентьевич — ближний боярин, один из предшественников Петровской реформы. Сын небогатого псковского помещика, владел немецким, латинским языками. Блестящий дипломат, полководец и администратор времен Михаила Федоровича. Настаивал на полном преобразовании войска, протестовал против грабежей, которые устраивались русскими войсками и казаками, «тем самым отвращали ливонцев от русского подданства». Важнейшие дела О.-Н. — заключение Андрусовского мира 3 января 1667 г., реформы в городском управлении (самоуправление, выборное начало), распространение и улучшение садоводства в России, устройство кораблей на Западной Двине и Волге и др. Многие из его задумок были осуществлены Петром I. (Энциклопедический словарь. Т. XXII. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1897. С. 123—124).

Ртищев Федор Михайлович (1625—1673) — старинного дворянского рода, по преданию, выехавшего из Золотой Орды к Д. Донскому, один из замечательных деятелей Московской Руси XVII в. Основатель Спасо-Преображенского монастыря (на месте своего отшельнического поселения), училища, где «обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным до риторики и философии». Училище послужило основой Славяно-греко-латинской академии. Около 1650 г. Р. основал

гостиницу для бедных. Благотворительная деятельность Р., необходимость, по его мнению, исправления церковной службы и устава породили множество недоброжелателей. Умирая, он завещал отпустить на волю своих слуг и не притеснять крестьян. (Энци. сл. Т. XXVII. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1899. С. 173–174).

Голицын Василий Васильевич (1643–1714) — из «знатнейших людей по отечеству» — крупнейший деятель правительственного кружка при царе Федоре. Находился под влиянием польско-католическим. Думал о необходимости преобразования всего госстроя России, положив в основу разрушение крепостного права с наделением крестьян тем количеством земли, которым они пользовались. В правление царевны Софьи Г. занял первое место в правительстве. Его усилиями в 1686 г. был заключен мир с Польшей, по которому за Россией были закреплены области, завоеванные в XVII в., в т.ч. Киев. После подавления стрелецкого бунта, в котором Г. не принял участие, его обвинили в «нерадении» во время Крымского похода, а затем по клевете — во взятке от крымского хана и отправили с семьей в ссылку. Похоронен в с. Красногорском Богородицкого монастыря, возле Пинег. (Новый энци. сл. Ред. К.К. Арсеньев. Т. 13. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.)

4. Шафиров Петр Павлович [1669–01(12).03.1739 Петербург] — русский гос. деятель, вице-канцлер, дипломат. Род. в еврейской семье. С 1691 г. служил переводчиком Посольского приказа. В 1697–1698 гг. участвовал в Великом русском посольстве в Западную Европу. В 1711 г. заключил Прутский мирный договор с Турцией, участвовал в подготовке Ништадтского мирного договора 1721 г. со Швецией и т.д. В 1723 г. обвинен в казнокрадстве, приговорен к смертной казни, но помилован и выслан в Н-Новгород, откуда его возвратила Екатерина I в 1725 г. В 1732–1733 гг. — посол в Тегеране, заключил Рештский договор 1732 г. с Ираном. С 1733 г. — президент Коммерц-коллегии. (БСЭ. Т. 29. М., 1978. С. 300).

5. Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) — граф, русский государственный деятель. Один из воспитателей и сподвижников Петра I. Руководитель русской внешней политики, с 1709 г. — Государственный канцлер, с 1718 г. — президент Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 гг. — член Верховного тайного совета.

6. Даурия — Забайкалье.

7. Азовские походы — походы в 1695–1696 гг. русской армии и флота во главе с Петром I во время Русско-турецкой войны (1686–1700), в результате которых был взят Азов (1696).

8. Галера — деревянное, гребное военное судно.

Дошаник или досчаник — речное плоскодонное большой вместимости судно, с мачтой для паруса и полупалубой. Использовался в Сибири для перевозок всех родов: соли, кладей, воинских команд. Обычно дошаник шел под парусом, а в случае затруднений хода (противный ветер, встречное течение и т.п.) — завозами, с помощью якорных зацепов, завозимыми (отсюда и «завозы») лодками, или же конной тягой с берега (бурлачество в Сибири не получило распространения).

9. Восстание стрельцов — имеются в виду события 1698 года. Выступление стрелецкого войска было обусловлено рядом причин, одна из

которых — возврат к прежнему порядку жизни, олицетворением которого была царевна Софья. Кровавой расправой над мятежниками закончилась ее борьба за единоличную власть с Петром Алексеевичем.

10. Петр I наметил сооружение искусственного канала, который должен был соединить верховья рек Дона и Шати, берущих начало из Иван-озера. С этой целью в 1701 г. начались работы (они были возобновлены в 1805 г.), но их так и не довели до конца. Следы этого гидротехнического сооружения близ Иван-озера можно было видеть еще в начале XIX века.

Вышневолоцкая водная система (ВВС) — одна из трех крупнейших русских искусственных водных систем, впервые соединившая Волжский бассейн с Петербургом. До устройства ВВС на пути от Новгорода до Волги грузы перевозили из р. Тверцы в р. Цну, лесами и болотами обходили Боровицкие пороги. Такой путь практиковался и после устройства ВВС, выйдя совсем из употребления лишь в последней четверти XVIII в., ВВС получила название от селения Волочек, к названию которого добавляли — Вышний (т.е. верхний). Строилась в 1703–1708 гг. по указанию Петра I «для удобнейшего снабжения новой столицы жизненными припасами». Был устроен канал, шлюзы, водохранилище. Вся длина системы составила 1309,4 версты. (*Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань. 1910).

11. Сибирский приказ (СП) был образован царским указом 19 февраля 1673 г. Во главе его был поставлен князь Б.М. Лыков. СП был центральным учреждением с областной компетенцией. На протяжении всего XVII в. он имел широкие полномочия — ведал административными, финансовыми, таможенными, военными, частично — дипломатическими вопросами, назначал воевод и таможенных голов, ведал обороной Сибири, снабжением служилого населения, судом и пр. Аппарат состоял из судьи (начальника), дьяков и нескольких десятков подьячих. Матвей Гагарин возглавил СП в 1706 г. (*История Сибири. Т. 2. Ленинград, 1968. С. 124*).

12. Виниус (Вениус) Андрей Андреевич — думный царский дьяк. Сын голландского купца, переводчик Посольского приказа, дипломат. Был деятельным сотрудником Петра I. В 1697–1703 гг. управлял Сибирским приказом. Пойманный на взяточничестве, был выслан в Малороссию для присутствия при гетмане Скоропадском.

13. Рудный приказ — входил в систему центральных учреждений, созданную в период реформ Ивана Грозного (сер. XVI века). В частности, Рудный приказ, или приказ Рудокопных дел, был учрежден 24 августа 1700 года, выделившись из приказа Большой казны. Это произошло в связи с началом Северной войны, из-за которой возросли потребности государства в металлах для пополнения казны и арсенала.

14. «Фортиции» — фортификационные сооружения для укрытия и наиболее эффективного применения оружия и боевой техники, а также для защиты войск, населения и объектов тыла от средств поражения противника.

15. Китай-город — (предположительно от слова «кита» — связка жердей или прутьев, применявшихся при строительстве древоземляных укреплений), исторический район Москвы, включавший Красную площадь и кварталы, примыкавшие к Кремлю с востока. Был ремесленно-

торговым посадом. На территории Китай-города сохранились многочисленные архитектурные памятники XVII—XX веков.

16. Северная война (1700—1721) — война России (в составе Северного союза) со Швецией за выход к Балтийскому морю. После поражения под Нарвой (1700 г.) Петр I реорганизовал армию, создал Балтийский флот. В 1701—1704 гг. русские войска закрепились на побережье Финского залива, взяли Дерпт, Нарву и другие крепости. В 1708 г. шведские войска вторглись на русскую территорию, потерпели поражение у д. Лесной. Полтавская битва 1709 г. окончилась полным разгромом шведов и бегством Карла XII в Турцию. Завершилась Ништадтским миром 1721 г.

17. 18 декабря 1708 г. вышел Именной указ об учреждении губерний и о расписании к ним городов. Требовалась более централизованная стройная организация государственной территории. И с к. XVII — н. XVIII столетия самодержавие предприняло ряд попыток привести в систему адм.-террит. единицы. В числе 8 прочих учреждалась *Сибирская губерния* с центром в Тобольске. Сибирский приказ потерял значение центрального государственного учреждения, все его функции по управлению Сибирью перешли к сибирскому губернатору. Первым был назначен на эту должность М.П. Гагарин. Под властью сибирского губернатора была объединена огромная территория, в т.ч. Приуралье. Коменданты (бывшие воеводы) стали назначаться не центральной властью, а губернатором и были ему во всем подотчетны. Создание губерний не упразднило старого деления на уезды, а лишь объединило их вокруг нескольких центров. (Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. М., 1989. С. 169. История Сибири. Т. 2. Указ. соч. С. 124).

18. Петр I, отправляясь в 1711 г. в Прутский поход, издал указ об учреждении нового высшего государственного органа — **Сената**. Указ 22 февраля 1711 г. гласил: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат для управления». Одним указом 2 марта 1711 г. Петр на время своего отсутствия возлагал на Сенат внешний надзор за судом и расходами, заботу об умножении доходов и ряд особых поручений — о наборе молодых дворян и боярских людей в офицерский запас, об осмотре казенных товаров, о векселях и торговле, а другим указом определял власть и ответственность Сената: все лица и учреждения обязаны повиноваться ему как самому государю, под страхом смертной казни за ослушание.

Происхождение Сената тесно связано с губернской реформой 1708 г. Эта реформа расстроила центральное приказное управление, создав редкое по конструкции государство, состоящее из 8 обширных сатрапий, ничем не объединявшихся в столице, да и самой столицы не существовало: Москва перестала быть ею, а Петербург еще не успел стать ею. Двумя условиями были созданы потребности управления, вызвавшие учреждение Сената: это расстройство старой Боярской думы и постоянные отлучки царя. (Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 4. М.: «Мысль», 1989. С. 148—151).

В состав Сената входили крупнейшие политические деятели того времени. С учреждением коллегий по указу 1719 г. Сенат стал состоять из президентов коллегий, но этот принцип оказался несостоятельным и был отменен в 1722 г. Первоначально Сенат состоял только из присутствия и канцелярии, затем возникла потребность в создании вспомога-

тельных органов. Была открыта Расправная палата — по судебным делам, Сенатская контора — по вопросам управления. Кроме отделений, куда входили члены-сенаторы, Сенат имел еще вспомогательные органы, в составе которых не было сенаторов. Ими были рекетмейстер, герольдмейстер, губернские комиссары. Связь Сената с местным управлением осуществлялась через последних. 16 марта 1711 г. в приговоре Сената говорилось, что губернские комиссары должны быть «безотлучно... для вопроса о нужных тех губерний делах». (Российское законодательство X—XX веков. Указ. соч. С. 157—159, 171—173).

19. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850) — историк, тобольский гражданский губернатор в 1825—1828 гг., один из наиболее образованных и культурных администраторов Тобольска. Автор известного «Словаря достопамятных людей Русской земли» в 5 томах, изданного в 1836 г. В 1847 г. издано в 3-х частях продолжение Словаря. Ему принадлежат также «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», «Деяние знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого» (М., 1813. Перев. на франц. и англ. яз.) и др.

20. Посольский приказ — центральное правительственное учреждение Российского государства в 1549—1720 гг. Осуществлял общее руководство внешней политикой, ведал выкупом и обменом пленных, управлял рядом территорий на юго-востоке страны и некоторыми категориями служилых людей.

21. Цесаревич — в России официальный титул наследника престола. С 1797 г. передавался только по мужской линии. Алексей Петрович родился в 1690 г. от брака с Евдокией Лопухиной. Он стал участником оппозиции реформам Петра. После бегства за границу в 1718 г. возвращен в Москву. По делу царевича был начат розыск. 24 июня 1718 г. 124 членами Верховного суда, среди которых был и М.П. Гагарин, приговорен к смертной казни, но 26 июня умер, тело было предано земле в Петропавловском соборе.

22. Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — сподвижник Петра I, светлейший князь, генералиссимус. Сын придворного конюха. Крупный военачальник времен Северной войны (1720—1721 гг.) При Екатерине I был фактическим правителем государства. Императором Иваном II сослан в г. Березов (ныне п. Березово Тюменской области).

Ромодановский Федор Юрьевич (около 1640—1717) — князь, русский гос. деятель, сподвижник Петра I и фактический правитель страны в его отсутствие. Возглавлял Преображенский приказ.

Нарышкин Лев Кириллович (1664—1705) — боярин, брат жены царя Алексея Михайловича Натальи Кирилловны. В 1690—1702 гг. возглавлял Посольский приказ.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — генерал-фельдмаршал, граф, сподвижник Петра I. С 1681 г. — воевода, участвовал в Крымских и Азовских походах. Во время Северной войны командовал войсками в Прибалтике, на Украине и в Померании.

Репнин Аникита Иванович (1668—1726) — генерал-фельдмаршал, князь, сподвижник Петра I. Участник Северной войны, командовал дивизией. В 1724—1725 гг. был президентом Военной коллегии.

Стрешнев Тихон Никитич — в регенство царицы Натальи был военным министром и министром внутренних дел. Сенатор (один из 9 человек) учрежденного в 1711 г. Правительствующего сената. Обладал большим политическим влиянием.

23. Оглоблин Николай Николаевич (1852—?) — архивовед, историк. Изучал архивы Сибири. Главная работа: «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1708)» в 4 частях.

24. Демидовы — русские заводчики и земледельцы. Из тульских кузнецов, с 1720 г. — дворяне. В конце XVIII в. вошли в круг высшей бюрократии и знати, основали 50 заводов, которые выпускали 40% чугуна в стране. Основатель династии — Никита Демидович Антуфьев (1656—1725 гг.) — организатор строительства металлургических заводов на Урале.

25. Пушкарский приказ существовал во второй половине XVI — начале XVIII в. Руководил производством, учетом и распределением артиллерийских орудий и боеприпасов, пушкарями, казенными кузнецами, контролировал состояние крепостей в большинстве городов.

26. «Холопей» — т.е. холопов — в России X — нач. XVIII века категория феодально-зависимого населения, по правовому положению близкая к рабам. Изначально не имели собственного хозяйства и исполняли различные работы в хозяйстве феодалов. С введением в 1722 г. подушной подати холопы превратились в крепостных крестьян.

27. Съезжая изба — в России XVII века была канцелярией воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры и перед походами. В XVIII—XIX вв. этот термин применялся к городским полицейским органам.

28. При Петре I Боярская дума постепенно превратилась в **консилию** министров (консилиум (латин.) — совещание, обсуждение). Последнее достоверное известие о существовании думы относится к 18 февраля 1700 г., а 4 марта 1704 г. уже действовала консилия министров. Ее состав не был строго установлен. Кроме лиц, назначенных царем, там присутствовали и другие лица, приглашаемые по мере надобности. Консилия министров была высшим органом центральной администрации, и ей подчинены все прочие учреждения. Приказы и канцелярия обращались к ней с доношением, на которые она отвечала указами и приговорами. Компетенция консилии как высшего правительственного органа была широкой. Одной из важнейших ее функций была разработка законопроектов по особому поручению царя. Так, именным указом было предписано разделить государство на 8 губерний и по ним расписать города, что и было сделано консилией министров. Губернская реформа 1708—1710 гг. изолировала консилию от местного управления: губернии не были подчинены приказам, а сама консилия ввиду отсутствия достаточной определенности в регламентации ее деятельности не могла наладить с ними должный контакт. Задача объединения местного и центрального управления в единую государственную систему была решена с созданием Сената. (Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Указ. соч. С. 156—157).

29. Для всегдашних наших отлучек — автор постоянно подчеркивает, что Петру I было недосуг управлять Сибирью из-за отлучек и иных интересов.

30. Фоккеродт Иоганн Готтгильф — прусский дипломат, секретарь прусского посольства при русском дворе в конце царствования Петра I, собирал разные сведения о России. Через 13 лет после смерти Петра составил описание России. (*Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 4. С. 76*).

31. Прибыльщики (они же вымышленники) — по определению В.О. Ключевского: «это особая должность, учреждение, целое финансовое ведомство; обязанность прибыльщика, по указу, — «сидеть и чинить государству прибыли», т.е. изобретать новые источники государственного дохода». Они выискивали новые предметы обложения, ускользавшие от глаз казны, и придумывали какой-нибудь новый налог, прямой или косвенный, для которого тотчас учреждалась особая канцелярия с изобретателем во главе. (*Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 4. С. 119*).

32. Институт фискалов возник как специальная надзорная система. Фискалы с самого начала учреждались при Сенате и почти одновременно с ним — Указами от 2 и 5 марта 1711 г. Глава фискалов (обер-фискал) состоял при Сенате, назначался царем. Организация фискалов учреждалась по территориальному признаку — по два при губернских правлениях и по 1–2 в городах. Указ 17 марта 1714 г. четко наметил круг деятельности фискалов. Они обязывались проводить и доносить о всех нарушениях закона, про все, «что во вред государственному интересу быть может». Острие надзора направлялось против опасных политических настроений и деяний, посягавших на установленный государственный порядок. В обязанность вменялось и принятие мер по борьбе со взяточничеством и казнокрадством. (Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Указ. соч. С. 173–178).

33. Майорат — в гражданском праве форма наследования недвижимости (прежде всего — земельной собственности), при которой она переходит полностью к старшему из наследников. Была направлена на сохранение и упрочение крупных земельных владений. Здесь речь идет об обнародованном 23 марта 1714 г. Указе Петра о единонаследии. По указу недвижимое имущество по духовной переходило к одному из сыновей по его выбору, остальные дети наделялись движимостью по воле родителей; при отсутствии сыновей то же было и с дочерьми. В случае отсутствия духовной недвижимое имущество переходило к старшему сыну (дочери), а движимое делилось между остальными детьми поровну.

В.О. Ключевский в своем труде (лекция LXII) писал: «Указ вносил важные перемены в служилое земледелие. Это — не закон о майорате или «о первенстве»... Мартовский указ не утверждал исключительного права за старшим сыном; майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовной... Указ устанавливал не майорат, а единонаследие, неделимость недвижимых имений... устранял дробление поместий... создавался новый, небывалый вид землевладения, который можно характеризовать названием наследственного, неделимого и вечнообязанного...» (*Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 4. С. 80–81*).

34. Фик Генрих — статский советник, вице-президент Коммерц-коллегии. П. Милюков в своей работе «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (СПб., 1905) писал о нем: знаменитый иностранец, поступивший на русскую

службу в 1715 г. До этого он находился на голштинской службе и «отправлял в городе Экенфорде юстицкие, экономические и политические дела». В своем позднейшем донесении он лучше всего формулирует содержание этой деятельности — «старался споспешествовать при учреждении коллегий, много и подробно писал о распространении нашей торговли и мануфактур, о воспитании и обучении русского юношества». В 1716 г. находился в Швеции для сбора материалов по предстоящей реформе коллегияльного управления. Позднее был предан суду за «пристрастие к лифляндским правам и к шведской олигархической конституции». В 1732 г. приговорен к вечной ссылке. В 1743 г. приговор был отменен Елизаветой. Умер в 1750 г.

35. Люберас Иоганн — барон из Швеции. С ним Петр познакомился во время заграничной поездки 1716–1717 гг. Автор проектов по административной, финансовой, торговой политике Российского государства. Был во главе Горномануфактурной коллегии.

Фик и Люберас принимали самое активное участие в разработке коллегияльной реформы. За ее основу брался шведский вариант.

36. Глава фискалов — обер-фискал **А.Я. Нестеров**. Он стал главным доносителем о преступлениях М. Гагарина. «...Ревностная служба царю была для него единственной возможностью занять видное место в русском обществе. На пути к этой цели А.Я. Нестеров не щадил никого...» (*Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск. 1996. С. 142*). Жертвами его доносов стали князья Матвей Гагарин, Яков и Григорий Долгорукие, Михаил Волконский, солепромышленник Григорий Строганов, заводчик Никита Демидов. Нестеров обвинял Гагарина в утайке хлеба, предназначенного на экспорт, употреблении казенных денег и товаров на свои нужды, во взяточничестве, присвоении драгоценностей, купленных для царицы, и др. Писал доносы и на племянников сибирского губернатора Василия и Богдана Гагариных. А в ноябре 1722 г. будет сам казнен, уличенный во взятках и лихоимстве. (*Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Указ. соч. С. 188*).

Курбатов Алексей Александрович (?–1721) — известный деятель эпохи Петра I. В 1699 г. он подал царю в предметном письме проект введения гербовой бумаги и сделан был «прибыльщиком», получив право докладывать царю о вновь открываемых им источниках государственного дохода. В 1705 г. занял место инспектора Ратуши, став во главе управления финансами тогдашней России. В 1714 г. был обвинен во взятках и казнокрадстве. Умер в 1721 г. до решения суда.

Ершов Василий Семенович — московский вице-губернатор, прибыльщик.

Посошков Иван Тихонович (1652–1726) — русский экономист и публицист. Сторонник преобразований Петра I, выступал за развитие промышленности и торговли, предлагал усилить исследование месторождений полезных ископаемых. Основной его труд «Книга о скудости и богатстве» (1724).

Филиппов Иван — прибыльщик.

Салтыков Федор Степанович (ум. 02(13).08.1715) — русский государственный деятель. В 1697–1700 обучался морскому делу в Голлан-

дии и Англии. По возвращении руководил строительством военных судов. В 1711 г. послан за границу для покупки кораблей. Из Англии направил Петру I две записки с проектами разносторонних реформ: развития в кратчайшие сроки образования (в т.ч. женского), строительства мануфактур и расширения торговли, поиска Северного морского пути в Индию и Китай, освоения Ср. Азии и Сибири и др. (См. «Пропозиции», 1891 г. БСЭ. Т. 2. М., 1975. С. 518).

37. Тангуты — обитатели северных районов Тибета, кочевья которых располагались в пределах нынешней провинции Цайдам в КНР. Этнографический термин «тангут» впервые ввел в литературу Н.М. Пржевальский книгой «Монголия и страна тангутов». М., 1946. Пржевальский предложил называть тангутами только тибетцев областей Кухунор (Синее озеро) и Амдо.

38. «Еркентия» — производное наименование от центра района Южной Кашгарии — города Еркеть (Эркеть), ныне это город Яркенд в крайнем юго-западном углу провинции Синцзян (КНР).

Турфан (Турфан) — город в крайнем юго-восточном углу провинции Синцзян, в центре одноименной низменности на окраине пустыни Такла-Макан, к юго-востоку от нынешнего г. Урумчи. «Турфан» (у китайцев — Гуан-ань-чэнь) — был главным городом пристава (тин.), называемый также Куня-Т. Он состоял из двух городов, расположенных в 1 версте друг от друга. Один, населенный туземцами-мусульманами, составлял торговый центр богатого Турфанского округа, другой был резиденцией китайских властей, его населяли китайцы и маньчжуры. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1902. Т. 67. С. 222).

39. В 60-х гг. XVII в. завершилось присоединение к России **Забайкалья и Приамурья** (до устья р. Зеи). Центром администрации стал Нерчинский острог. С к. 70-х гг. и на протяжении 80-х гг. XVII в. в результате активизации агрессивной политики маньчжурской династии Цин положение на этой территории осложнилось, населению пришлось защищать свои земли. Это помогло русским властям организовать оборону Забайкалья и заключить 27 августа 1689 г. Нерчинский мирный договор — первый договор между Россией и Цинской империей. По условиям договора русским поселенцам на Амуре пришлось покинуть часть освоенной ими территории — территорию Албазинского воеводства. Но граничная линия была крайне неопределенной. Договор также определял систему торговых и дипломатических отношений между государствами. Отменен Айгунским 1858 г. и Пекинским 1860 г. договорами. (История Сибири. Указ. соч. Т. 2. С. 53).

40. Словцов Петр Андреевич (1767–1843) — сибирский историк. Учился в Тобольской, затем окончил Александро-Невскую духовную семинарию, где учился вместе с М.М. Сперанским. Преподавал в Тобольской семинарии философию, риторику. Сослан за дерзкую проповедь по случаю дня рождения Екатерины II в Валаамов монастырь. Возвращен на службу в Петербург, но по обвинению во взяточничестве выслан в Иркутск. Затем служил в Тобольске визитатором сибирских училищ. Главное сочинение — «Историческое обозрение Сибири», посвященное Г.Ф. Миллеру. Г.Н. Потанин назвал труд С. энциклопедией

Сибири. В сибирской историографии «Прогулки вокруг г. Тобольска в 1830 г.» (М., 1834) считаются началом сибирского краеведения. (Омский историко-краеведческий словарь. М., 1997. С. 252–253).

41. Андреевич Владимир Калистратович — писатель, генерал-майор, окончил курс академии Генерального штаба, начальник штаба войск Забайкальской области. Историкам известны его «Исторический очерк Сибири» (1886–1889), «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.», СПб., 1887, и др.

42. «Саянские киргизы» — племя, родственное калмыкам, проживавшее на юге нынешних Томской и Енисейской губерний». (*Катанов Г. Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 гг. СПб., 1908. С. 12).

43. Кучум (? — ок. 1598) — хан Сибирского ханства (с 1563 г.). В 1582–1585 гг. воевал с Ермаком во время завоевания Сибири русскими. Продолжал сопротивление русским воеводам до 1598 г.

44. Тревожную обстановку на юго-западном участке сибирской границы создавали **башкиры**, которые в XVII–XVIII вв. не раз поднимали восстание против русской власти. Объективными причинами **башкирского восстания** (1705–1711 гг.) послужили многочисленные факты вытеснения башкир с обжитых земель, захватов лучших угодий с тех пор, как в предгорьях Урала стали возникать заводы. Положение еще более обострилось после появления в Башкирии царских прибыльщиков. Часть родовой знати, используя возмущение своего народа, попыталась оторвать Башкирию от России и перейти в подданство к турецкому султану или крымскому хану. (*Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VIII. М.: «Мысль», 1993. С. 601).

45. Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — глава старообрядчества и идеолог раскола в Православной церкви, протопоп, писатель. В 1646–1647 гг. член «Кружка ревнителей благочестия». Выступил против реформ Никона. Сослан с семьей в 1653 г. в Тобольск, затем в Даурию. В 1663 г. возвращен в Москву, продолжал борьбу с офиц. церковью. В 1664 г. сослан в Мезень. В 1666–1667 гг. осужден на церк. соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в земляной тюрьме, написал «Житие» и мн. др. соч. По царскому указу сожжен. (ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 13. Большой энциклопедический словарь. М., 1991. С. 10).

46. Лазарь — известный старообрядческий учитель, священник г. Романова. Вместе с Аввакумом и др. входил в «Кружок ревнителей старины». За проповедь «древлецерковного благочестия» и изобличение «Никонова новшества» был сослан в Тобольск. В 1667 г. его предали анафеме, обрезали язык и сослали в Пустозерский острог. Затем отсекли язык до основания и правую руку. Вместе с Аввакумом и др. был сожжен в 1681 году. (Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 8).

47. Буцинский Петр Никитич (1853–1916) — историк, профессор Харьковского университета. Его перу принадлежат «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» (1889), «К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.» и «К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645)» (1893) и др. Сотрудничал в журнале «Русский труд» (Лукич. 2003. №1).

48. Павел I — Сибирский и Тобольский митрополит в 1678–1692 гг., известный «ревностью своей» к распространению христианства и преследованием староверов. Ранее был архимандритом Симонова и Чудова монастырей в Москве, духовником царевны Софьи.

49. Ю.Г. Недбай в своей монографии «Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого» (Омск, 1998) отмечает, что в рассматриваемый период отчетливо просматривается тенденция активного включения в солдатские наборы казаков и их потомков, началась поставка солдат в состав регулярной армии из казачества. За 15 лет западносибирские казаки поставили в различные воинские формирования количество новобранцев, равное общей численности казаков всей Сибири. Штатное расписание 1725 г. по сути впервые официально включило сибирское казачество в состав общероссийских вооруженных сил под рубрикой «нерегулярные российские войска».

Сенатским указом 12 ноября 1725 г. поставка рекрутов из Сибири в Европейскую Россию была прекращена.

Глава II

1. **Филофей Лещинский** (монашеское имя Феодор) (1650–1727) — один из особо почитаемых сибирских митрополитов. Родился в Малороссии. Образование получил в Киевской академии. Долгое время был экономом и главным управителем Киево-Печерской лавры. Сибирским митрополитом был дважды — в 1702–1709, 1715–1721 гг. Занимался массовым обращением в православие инородцев, делал попытки начать миссионерскую деятельность на Камчатке и в Монголии, открыл при архиерейском доме в Тобольске в 1704 г. первую в Сибири школу для подготовки духовенства. Построил около 40 церквей. Его называли просветителем Сибири. Дважды принимал схиму и удалялся «на покой» в Тюменский Троицкий монастырь. (ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1226. *Голодников К.* Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск, 1887. *Сулоцкий А.И.* Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее. Омск, 1863).

2. **Схима, схимонах** — третья высшая степень монашества. Великая схима — это совершеннейшее отчуждение от мира для соединения с Христом. Архиерей, постригшийся в великую схиму, должен отказаться от епископской власти и управления и остаться до конца дней схимником (Номокано, гл. 90, греч. свод церковных установлений и правил).

3. На должность сибирского губернатора М.П. Гагарин был назначен 6 марта 1711 г. Прибыл в Тобольск в октябре 1711 г.

4. **Сулоцкий Александр Иванович** (1819–1884) — протонерей, писатель, краевед. По окончании С.-Петербургской духовной академии (1837) был направлен в Сибирь. Преподавал в Тобольской духовной семинарии, с 1846 г. — законоучитель Сибирского (Омского) кадетского корпуса, где преподавал более 30 лет. Им написано свыше 100 работ. Один

из членов-учредителей Общества исследователей Западной Сибири, ЗСО-ИРГО.

5. После сооружения гостиного двора в строительстве Тобольского кремля наступил перерыв (1706–1712 гг.) из-за финансовых трудностей, вызванных Северной войной. Строительство возобновилось с приездом в Тобольск М.П. Гагарина, для этого были привлечены пленные шведы. В 1711 г. в Сибирь прибыла большая группа шведов, плененных под Полтавой. Большая их часть была размещена в Тобольске (около 300 человек). По указанию Гагарина в Тобольск были переведены около 150 шведов с заводов Урала. Пленные использовались на подсобных работах, отдельные из них владели строительными специальностями. На горе была построена каменная крепость с зубчатой стеной с северной стороны. В 1714–1717 гг. по проекту С.У. Ремезова были построены южные ворота кремля (Дмитриевские). Возведенная над воротами палата-рентерея предназначалась для хранения казны. Она имела форму вытянутого прямоугольника, состоящего из 6 одинаковых помещений, сообщающихся между собой посредством анфилады дверей. Называли рентерею и шведской палатой (в том смысле, что в ее сооружении участвовали шведские пленные). (*Копылова С.В.* Каменное строительство в Сибири. Конец XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1979. С. 36–37, 144–147).

6. В 1714 г. крестьяне ишимских слобод на юге Западной Сибири, возмущенные увеличением налогов, отказались их платить. На усмирение крестьян были посланы воинские команды, но восставшие сумели объединиться, создали орган управления движением — «судебную избу» и в течение 9 месяцев оказывали упорное сопротивление, доходящее до вооруженных стычек. (*Зуев А.С.* Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 240).

Выступление ишимских крестьян было связано и с их отказом платить подать на прокорм пленных шведов.

7. **Страленберг** (Филипп Таберт) — полковник, швед. Взят в плен под Полтавой. Жил в Тобольске в 1711–1722 гг., изучал этнографию края, объездил многие места Сибири, совершил маршрут по Иртышу от Тобольска до Тары, побывал в Барабинской степи, принял участие в экспедиции доктора Д.Г. Мессершмидта по Западной Сибири в 1721–1722 гг. в качестве его ближайшего помощника и художника. По возвращении из плена в Стокгольме в 1730 г. издал книгу «Северная и Восточная части Европы и Азии», содержащую в себе географические, этнографические и исторические сведения о Сибири, вместе с составленной еще в 1715 г. в Тобольске картой Сибири. В. Татишевым на эту книгу были написаны замечания.

Его карта среди изданных за границей карт Сибири была первой, на которой местоположение некоторых городов давалось на основе астрономических наблюдений. (ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1886. История Сибири. Указ. соч. Т. 2. С. 163).

8. **Ренат** Иоганн Густав — шведский сержант, находившийся в плену у джунгар. И.Г. Ренат служил в джунгарской армии, где занимал высокую должность и участвовал в сражении против маньчжуро-китайских войск. Он создал у ойратов типографию и стал печатать книги.

Ренату принадлежит заслуга составления первой карты Джунгарского государства, которая довольно обстоятельно изображала Джунгарию, Восточный Туркестан и часть соседних земель (Сибирь, казахские, киргизские и узбекские территории, часть Китая). Хотя карта составлена без соблюдения масштабов и указания координат, на ней точно отражен ландшафт страны. Всего на ней приведено около 250 надписей и географических названий на шведском языке. (*Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки ИРГО по общей географии. 1888. Т. 2).

По словам Миллера, Ренат «научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливал... и напоследок, нажив несчетное сокровище золота, серебра и других камней, в 1733 году через Сибирь и Россию в отечество возвратился». (*Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987. С. 74, 200; *Моисеев В.А.* В джунгарском плену. «Вопросы истории». 1977. № 6).

9. Джунгария (Ойратское ханство) — объединение западномонгольских (ойратских) племен. Ныне — это часть территории Северо-Западного Китая. Сложилось в 30-х гг. XVII в. В 1757–1758 гг. завоевана династией Цин. (Ойраты — предки калмыков). См. прим. № 22 к гл. 7.

10. Контайша (хунтайджи) — звание верховного правителя Джунгарии.

11. Среди конных казаков выделялись так называемые «иноземцы», которые в документах чаще всего именовались казаками «литовского» или «черкасского» списков. Выходцы из Речи Посполитой, вне зависимости от национальной принадлежности, именовались «литвой». То же относится и к «черкасам» (так называли украинцев). (*Недбай Ю.Г.* История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг. (Краткие очерки). Часть 2. Омск. 1996. С. 14).

Оборона Сибири требовала пополнения гарнизонов. И туда начали ссылать этих пленных, хлынувших после иностранной интервенции в XVII в. Следующий наплыв был связан с войнами России со Швецией и Речью Посполитой. В к. XVII — н. XVIII в. эти термины стали встречаться редко, шла ассимиляция и обрусение иноземцев.

12. Унковский Иван — капитан от артиллерии, русский посол в Джунгарию в 1722 г. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона (Т. 34. СПб., 1902. С. 838) в справочной статье о нем сообщает, что он был послан «для приведения в русское подданство джунгарских калмыков (ойратов), так как, по слухам, Цэван-Рабдан готов был на такой шаг за военную помощь против китайцев. Предложения России о принятии русского подданства и строительстве крепостей были отвергнуты. У. оставил интересный журнал своей поездки, охватывающий время с конца февраля 1722 г. по апрель 1724 г.». Этот журнал был издан ИРГО по отделению этнографии (Т. 6. 1887).

13. Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) — ученый натуралист, академик Петербургской академии наук. По национальности — немец, с 1727 по 1747 г. жил в России. Под его руководством в 1733–1743 гг. проходили экспедиции по Западной и Восточной Сибири. Их результатом стал объемный труд «Флора Сибири» в 4-х томах.

14. Толстой Петр Андреевич (1645–1729) — граф, русский государственный деятель. Добился возвращения в Россию царевича Алексея

Петровича и руководил следствием по его делу. С 1718 года — начальник Тайной канцелярии, президент Коммерц-коллегии. С 1726 г. — член Верховного тайного совета.

15. Иоанн Максимович (1651—1715) — один из наиболее почитаемых сибирских митрополитов. Родился в Нежине, обучался в Киевской духовной академии. Был настоятелем в разных монастырях, с 1697 г. — архиепископ Черниговский и Новгород-Северский. Правил Сибирской епархией в 1711—1715 гг. Занимался просветительской деятельностью, на свои средства и на доходы монастырей содержал основанную Ф. Лещинским духовную школу. Его считали «добрым и любвеобильным отцом» для духовенства епархии. Содействовал обращению инородцев в православие. Снарядил первую духовную миссию в Пекин. Автор многих духовных сочинений. Был похоронен в предельном храме Тобольского кафедрального собора. В 1913 г. тобольское духовенство возбудило ходатайство о причислении И. Максимовича к святым. Канонизирован Русской православной церковью в 1916 г. (ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1255. Очерк жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича. М., 1892).

16. Яворский Стефан (1658—1722) — был префектом и преподавателем Киево-Могилянской коллегии, настоятелем Никольского Пустынного монастыря, в 1700 г. — митрополитом Рязанским и Муромским. В том же 1700 г. был назначен местоблюстителем патриаршего престола и одновременно — президентом Московской духовной академии. В 1721 г. стал президентом Святейшего Правительствующего синода. Отличался усердием против раскола. Ему принадлежит книга «Знамения пришествия антихриста и кончины века от писаний Божественных», направленная против учения раскольников о пришествии антихриста. Автор сочинения «Камень веры» с изложением православного вероучения. См. прилож. № 2 к гл. 4.

17. В настоящее время местонахождение **митры** неизвестно.

18. Главным доносителем о злоупотреблениях сибирского губернатора князя М.П. Гагарина стал **московский фискал А.Я. Нестеров**, главное обвинение заключалось в том, что оклад Сибирской губернии 1711 г. показан слишком низко. Его помощником в этом деле стал бывший подьяк устюжского архиерея А. Фикшин, первым обвинивший в злоупотреблениях купцов Алексея и Бориса Ефремовых, находившихся под покровительством М. Гагарина. 7 декабря 1714 г. по указу Петра I губернатора отозвали в Москву, а расследование дела было поручено «розыскной канцелярии» во главе с князем В.В. Долгоруким. Для расследования доносов в Сибирь был послан лейб-гвардии капитан князь А.Л. Долгоруков. После его возвращения Нестеров подал Петру I доношение, в котором обвинил капитана в потворстве Гагарину. Но Петр остался доволен результатом следствия, с сибирского губернатора были сняты все обвинения.

Но Нестеров не успокоился. Через некоторое время он добился согласия Евреиновых рассказать о злоупотреблениях сибирской администрации и в 1717 г. написал на царское имя очередной донос. Петр поручил следствие по этому делу офицерам гвардии И.И. Дмитриеву-Мамонову, И.М. Лихареву, Е. Пашкову и др.

В 1717 г. в Сибирь по именному указу для следствия «о худых поступках» был послан И.М. Лихарев. По городам и уездам Сибирской губернии он направил своих подчиненных для опроса населения и проведения обысков.

27 декабря 1717 г. члены Сената дали указ М. Гагарину прибыть в Санкт-Петербург в канцелярию Дмитриева-Мамонова. Под следствие попали многие сибирские чиновники, но только к М. Гагарину, с именного разрешения царя, были применены пытки. В конце розыска уже бывший губернатор написал повинную Петру и одновременно подал прошение государыне Екатерине Алексеевне о ее заступничестве о нем перед царем.

14 марта 1721 г. сенаторы приговорили Гагарина к смертной казни. Царь сам подтвердил приговор, пометив на документе: «Учинить по сему». (Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество эпохи Петра Великого. Новосибирск, 1996).

Причинам возникновения этого сыска посвящает несколько страниц нами уже упоминаемой работы П. Милюков. Сибирский губернатор был обвинен в умышленном сокрытии доходов губернии, в непосылке ведомостей о доходах для ревизии Сенатом.

На 1 октября 1718 г., когда комиссия начала свою работу, за Сибирской губернией числилось 305554 руб. недоплаты. «Нет никакого сомнения, — писал П. Милюков, — что князь Гагарин был действительно виноват в тех преступлениях, за которые его повесили, но в этой недосылке он был виноват, во всяком случае, не в полной мере». (Указ. соч. С. 351).

Глава IV

1. Дмитрий Ростовский (1651–1709) — родился недалеко от Киева, в городке Макарове у малороссийского сотника Саввы Григорьевича Туптало. Наречен при крещении Даниилом. 9 июля 1668 г. в Киево-Кирилловском монастыре принял иноческое пострижение и имя Дмитрий. Вел строгую келейную жизнь, неоднократно отказывался от настоятельства. Более двадцати лет собирал и исправлял «Жития святых». Это образцовое сочинение в свое время имело и доныне сохранило духовоспитательное влияние на православный народ.

В 1701 г. по требованию Петра I прислан в Москву и посвящен в митрополиты Сибирские, но это назначение было невольное: Дмитрий заболел с горя. В 1702 г. был определен на кафедру Ростовскую.

Много сил тратил ревностный святитель на просвещение и исправление ростовского духовенства и паствы: основал в Ростове семинарию, сам надзирал за ходом учения.

Святому Дмитрию принадлежал еще другой, важнейший подвиг в ростовской пастве — успешное противодействие расколу (в то время в брынских лесах укрывались главные учителя раскола). Обличая раскол, святитель, вместе с тем, не разбираясь в особых обстоятельствах великорусской церковной жизни, воспринимал его только с точки зрения народного невежества.

В век Петровских реформ, иногда антинациональных и противоцерковных, святой Дмитрий Ростовский показал, как можно быть просвещеннейшим и передовым деятелем, не изменяя прошлому своего народа и оставаясь безусловно верным православно-русскому настроению. (*Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII в. СПб., 1905. С. 29—47. Флоровский Георгий. Пути русского богословия. М., 1991. С. 55*).

2. Прелесть, прелестные мнимые боги, т.е. прельщающие, ослепляющие обманом, обольщающие бесовской силой. Христианская церковь указывает на три причины прельщения: гордость, зависть и наказательное попущение.

3. Капища, кумирни, чтилища — от старослав. «капь» — изображение, статуя, идол — языческое культовое сооружение. Чаще всего это двускатные украшенные навесы на столбах, под которыми хранились изображения божеств, идолы, кумиры и алтарь.

4. Троичность невидимого бога — по христианским представлениям Бог существует в трех лицах, или ипостасях, — Святая Троица, Триипостасный Бог, Бог Дух Святой. Различие между лицами Святой Троицы: Бог Отец не рождается и не исходит от другого лица; Сын Божий рождается от Отца; Дух Святой исходит от Отца. Все три ипостаси равного божественного достоинства.

5. Адепты — посвященные в тайну новой веры.

6. Неофиты — новообращенные.

7. Пантеизм — отождествление Бога с природой; природа для пантеистов — воплощение божества.

8. Петр I, позволяя себе кощунственное осмеяние Православной церкви (учреждение «всешутейшего и всепьянейшего собора», во главе которого был поставлен Никита Зотов, бывший учитель царя, с титулом патриарха презбургского, кузского и всего Кокуя), насильственное насаждение брадобрития, немецкого платья, вообще западноевропейских обычаев, встречал постоянное противодействие всем своим преобразованиям особенно со стороны великороссийского духовенства, как более обиженного притеснениями Монастырского приказа и не имевшего достаточного для целей реформы образования.

Естественным образом император обратил свой взор на духовенство Южной России, как более просвещенное и более способное к тем переменам, которые казались ему необходимыми.

Малороссийское духовенство и особенно его иерархия вполне отвечали реформистским устремлениям Петра. Отпадение, почти повальное, западнорусской иерархии в унию, под церковную юрисдикцию римского папы, латинизация школы, обряда, языка, богословия означали самовключение в западную традицию. Многие киевские церковные деятели конца XVII — начала XVIII веков в годы учения прямо переходили в «Римское послушание». Сам Местоблюститель Патриаршего престола Стефан Яворский обучался в иезуитской академии — в унию его звали Станислав.

Уния, разделившая церковную иерархию и народ, сопровождалась беспрецедентными гонениями на православных. Все это вызывало вполне понятное недоверие к православию киевских ученых со стороны великорусского духовенства, а также обличения восточных патриархов.

Иерусалимский патриарх Досифей в 1702 году прислал к царю послание, в котором просил его не ставить на иерархические должности ни греков, ни сербов, ни черкас (малороссов), а ставить одних природных москвитян, «аще и немудрии суть».

Однако это не могло задержать исполнение воли царя — еще при жизни Патриарха Адриана Петр положил начало поставлению архиереев из малороссов. (*Толстой М. В.* История русской церкви. М., 1991. С. 633–671. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 30–56).

9. Владимир Святой — Владимир Святославович, в крещении Великий. Чтимый церковью за крещение в 988 г. Руси святым и равноапостольным. Великий князь киевский, родился в начале 2 половины X века. Деятельно занимался распространением христианской веры, учреждением Русского государства, успешно вел войны с соседними государствами. Умер в любимом своем селе Берестове 15 июля 1015 года.

10. Абрамов Николай Алексеевич (1812–1870) — краевед. Учился в уездном нар. училище и Тобольской семинарии, занимался преподаванием в училищах, служил в Главном управлении Западной Сибири, активно занимался исследовательской деятельностью, написал около 100 работ по археологии, истории, статистике и этнографии. Член ЗСО ИРГО. (*См. Омский историко-краеведческий словарь.* М., 1994. С. 5).

11. По 7 юфтей в год — юфть — особый вид кожи, первоначально выделывавшийся в России из шкур двух-трехгодовалого теленка, лошадиных или козых шкур, обычно окрашенных в красный цвет квасцами и отваром сандала.

12. Духовных треб — духовная треба (церковнослав.) — жертва, приношение, иначе — молитва и священнодействие, совершаемые священниками по просьбе верующих. По церковному учению обладает особой таинственной силой. К требам относятся чины (порядок произнесения молитв) — кроме Евхаристии и Хиротонии — литургии, таинств, погребений, специальные службы на разные случаи (молебны за здоровье, по случаю засухи, панихиды, отпевания, освящения домов и т.д.).

13. Кутухта (хутухта) — один из высших ламаистских иерархов, букв. — «святой», «божественный», «достопочтенный», «превосходный».

14. Цеван-Раптан — в др. источниках — Цэван-Рабтан. (*См. прим. № 28 к гл. 7*).

15. Аюка-хан — глава калмыков-торгоутов, откочевавших из Джунгарии на Нижнюю Волгу в первой трети XVII столетия и создавших здесь под покровительством России Калмыцкое ханство (нынешняя Калмыкия населена потомками этих откочевавших племен). Аюка-хан номинально был в подданстве России, но вел шаткую (для русских) и двойственную политику, значительно усложняя Петру Великому осуществление его державных замыслов. В частности, по вине Аюки-хана экспедиция А. Бековича-Черкасского не была заблаговременно предупреждена о коварных замыслах хивинцев, вследствие чего трагически погибла.

16. Отсылати их на старые их жребьи (доля, пай) — в данном случае — участок земли, доставшийся по жребью.

17. Митрополичье повыгья — в данном случае — письма, жалобы.

18. В Тобольском филиале ГАТО сохранился нотный ирмологий, на последней обложке которого написано: «По сей Ирмологии схимонаха Феодора Петр Тунгус учился грамоте». Речь шла о **Славяно-латинской духовной школе** — в челобитной Ф. Лещинского от 31 декабря 1702 г. испрашивалось дозволение: 1. Об устройстве в Тобольске школ; 2. Об обучении в них детей не только церковного сословия, но и прочих; 3. Учить не только по-славянски и по-русски, но и по-латыни; 4. На содержание учеников, на книги дать пособие от казны; 5. Завести при школах на казенный счет типографию, чтобы печатать в ней учебники: буквари, часословы и пр.; 6. Позволить беспрепятственно, на ямских подводах приезжать школьным учителям и проповедникам.

1 марта 1703 г. представления Ф. Лещинского были одобрены с некоторыми ограничениями: было запрещено набирать в школы детей иных сословий, кроме духовных, учить латыни, заводить типографию. Отказано было и в пособии от казны — велено содержать учеников из доходов архиерейского дома, а «достаточным ученикам» быть на отцовском иждивении. (*Сулоцкий А. Филофей Лещинский. Митрополит Сибирский и Тобольский. М., 1884*).

19. Викариатство — часть епархии, обычно выделяется из обширной епархиальной территории для более совершенного управления ею. В Русской православной церкви викарием называется епископ, помощник главного представителя кафедры.

20. Католические иезуиты — орден иезуитов (иначе «Общество Иисуса»). Основан испанским дворянином Игнатием Лойолой в 1539 г. Кроме обычных монашеских обетов — нищеты, целомудрия и послушания — члены ордена установили себе четвертый обет — безусловное подчинение папе. Целью ордена было распространение и утверждение веры и церкви. Средства для этого: миссии к язычникам, магометанам, еретикам; учреждение благотворительных и учебно-воспитательных заведений; проповедь и исповедь; папа Павел III увидел в ордене оружие для борьбы с реформацией и в 1540 г. утвердил его устав. Во главе ордена стоял генерал с неограниченной властью, равно как и орден стоял вне всякого подчинения другим духовным властям, представляя собой особую церковь в церкви.

21. Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве — Иакинф) — (1777–1853), российский китаевед, член-корреспондент Петербургской АН (1828). 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине. Переводчик в Министерстве иностранных дел в России. Основные работы по истории и этнографии монголо- и тюркоязычных народов написаны по китайским источникам, культуре и философии Китая. (*БСЭ. М., 1998. С. 133*).

22. Бантыш-Каменский Николай Николаевич (16.12.1737–1814) — ученый, археограф, один из замечательных деятелей русской науки. По поручению Екатерины II подготовил шесть рукописных историко-дипломатических трактатов. Работал помощником управляющего Московским архивом Г.Ф. Миллера. Составил «Дневную записку» в 13 томах всем делам коллегии иностранных дел. Занимался составлением «Дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами, с

1619 по 1792 гг.». Оставил после себя множество других трудов, публиковался в «Древней Российской Вивлиофике», в «Географическом словаре Российского государства», «Деяниях Петра Великого» и т.д.

Глава VII

1. Черный Иртыш — название реки Иртыш от ее истока до впадения в озеро Зайсан. Второе название — «Кара Иртыш» (тюркское).

2. Занятие Камчатки — с населением северо-востока и Камчатки впервые вошли в соприкосновение якутские казаки. Первые группы русских стали проникать к северным берегам Охотского моря с середины XVII века. Одним из таких стал отряд В. Атласова, пятидесятника из Анадырска, отправившийся для сбора ясака. В результате похода в 1697 г. был основан Верхне-Камчатский острог. В. Атласов прошел весь Камчатский полуостров и составил его географическое и этнографическое описание. Почти тогда же начались попытки русских торговцев пройти со своими товарами на землю камчадалов (ительменов). Освоение на новых территориях продолжилось появлением новых острогов — в 1700 г. сын боярский Кобелев основал Большерецкий острог, а в 1702 г. казак Зиновьев с командой построил Нижне-Камчатский острог. С 1738 г. Камчатка вошла в ведение Якутского приказа, а с 1783 г. она стала частью Охотской области. В 30–40-х гг. XVIII в. шло систематическое насильственное переселение крестьян на присоединенные земли. Предпринимались неудачные попытки развития на Камчатке хлебопашества. Более успешно проходило промысловое освоение этих территорий. В н. XIX в. (1856 г.) Камчатка вошла в Приморскую область.

3. В какие-нибудь 100–140 лет русские... — с конца XVI по начало XVIII столетия.

4. Киргиз-кайсаки — один из двух вариантов наименования казахов в русской дореволюционной историографии, использовавшийся в XVIII — первой половине XIX века. Со второй половины этого столетия казахов стали именовать «киргизами» и только в 1925 году казахскому народу было возвращено его самоназвание — «казахи». Однако даже и тогда путаница в терминологии продолжалась: казахов называли «казаками», «казакским народом» и т.п. Что же касается собственно киргизов, то этот народ именуется в дореволюционной литературе «дикокаменными киргизами», причем никакого уничижительного значения этот термин не несет, а означает место обитания — «дикий камень» — т.е. Тянь-Шань.

Под «калмыками-джунгарами» автор имеет здесь в виду племена ойратов (западных монголов), кочевавших в Верхнем и Среднем Прииртышье задолго до казахов. Самое раннее упоминание о калмыках (ойратах) в русских источниках мы встречаем в сибирских летописях — Есиповской, Строгановской, Ремезовской. В них говорится, что калмыки уже в 90-х гг. XVI века оказались в верховьях Ишима и по реке Оми. Основоположник изучения истории ойратов в советской исторической науке И.Я. Златкин пишет по этому поводу: «Помимо Западной Монголии ко-

чевья ойратов охватили к этому времени (началу XVIII столетия. — Прим. сост.) обширные пространства левобережья Иртыша от озера Зайсан до линии современной Транссибирской железной дороги (между городами Петропавловском и Новосибирском)». (*Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 75*).

5. ...в районе северных уездов нынешних Тургайской и Акмолинской областей... — в результате административных реформ 1867–1869 гг. вся территория кочевания казахского народа была разделена на 5 областей, почему автор и называет «нынешними». Области эти (с запада на восток) — Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская. Кроме того, казахские кочевья занимали северные части Туркестанского генерал-губернаторства (Сырдарьинской области) и Закаспийской области.

Что же касается северных уездов Тургайской и Акмолинской областей, о которых говорит автор, то им соответствуют сегодняшние Кустанайская и Северо-Казахстанская области Республики Казахстан.

6. ...равно как Барабинские и Кулундинские степи Томской и Алтайской губерний... — относительно «Алтайской губернии» в дореволюционный период, когда автор создавал свою работу — это описка. По-видимому, речь идет об Алтайском округе Томской губернии (бывшие «Кабинетские земли»), так как губерний в Западной Сибири на рубеже веков существовало всего две: Тобольская и Томская.

Барабинская и Кулундинская степи занимают междуречье Среднего (и Верхнего) Иртыша и Оби и входят ныне в границы Новосибирской области и Алтайского края Российской Федерации.

7. ...в верховьях Яика... — имеется в виду — в верховьях реки Урал. Переименование, как известно, произошло по указу Екатерины Второй после подавления восстания Е. Пугачева, в котором яицкие (уральские) казаки приняли активное участие.

8. ...предгорья Алтая и Саян были заняты кочевьями независимых «киргиз[ов]» — древних обитателей этих районов Сибири... — речь идет о енисейских киргизах, а точнее, — о мелких тюркских племенных объединениях туринцев, камасинцев, аринцев и других остатках енисейских киргизов, обитавших в описываемое время в бассейнах Оби и Енисея. Вплоть до конца XVII столетия с ними шла ожесточенная борьба, вызванная агрессией этих князцов, опиравшихся на сильные политические образования, сложившиеся в Западной Монголии. Сначала — на Алтын-хана, а со второй половины XVII века — на джунгарских ханов.

9. Теленгуты — правильно: телеуты, или иначе — «белые калмыки-двоеданцы», — обитатели на левобережье Средней Оби, находились в зависимости как от джунгар, так и от укреплявшихся в этом районе русских. В данном же случае Г.Е. Катанаев называет «горными теленгутами» племена Горного Алтая, т.е. шорцев и других, проживающих ныне в Республике Горный Алтай на юге Алтайского края РФ.

10. ...и передовые улусы калмык[ов] — «торгоутов», предпринявших грандиозное перемещение своих кочевий... — торгоуты — одно из западно-монгольских племен, объединенных ойратами в Джунгарское ханство. Всего их было пять: торгоуты, дербеты, хошоуты, хойты и чорос. Кочевья

их располагались следующим образом: торгоуты кочевали в Тарбагатае, дербеты — в Верхнем Прииртышье, хошоуты — в районе нынешнего китайского города Урумчи, хойты и чорос — в верховьях реки Или.

Относительно вариантов наименования одного и того же народа «калмыками», «ойратами», «джунгарами» и т.п. приведем здесь авторитетное мнение ведущего отечественного специалиста по истории джунгар В.А. Моисеева: «Соседним народам ойраты были известны под различными названиями. Так, в китайских исторических сочинениях ойратские племена фигурируют под названием элетов (олотов, элютов), валатэ и т.д.; мусульманские народы уже в XV в., а вслед за ними и русские, называли ойратов калмыками (калмаками). «Для обозначения западных монголов в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего три термина: ойраты — из монгольских и калмыцких источников, калмыки — из мусульманских, которым и следуют старые русские источники, в том числе, архивные документы, и элюты (олоты) — из китайских», — считал русский ориенталист В.Л. Котвич. А русский китаевед В. Успенский полагал, что «элют» есть искажение имени «ойрат». Вообще, по вопросу об этимологии названий западных монголов: ойраты, калмыки, элюты — до настоящего времени идут дискуссии на страницах научной печати. Название же «джунгары», «чжунгары», по мнению другого русского востоковеда А.М. Позднеева, произошло от того, что в период завоевательных походов Чингисхана ойраты всегда находились на левом крыле армии, что по-монгольски означает «зюнгар», отсюда и название территории, которую они впоследствии заняли — Джунгария. В русских источниках XVIII века это — Зенгория, Зенгорская (Зюнгорская) земля. Таким образом, термин «джунгары» приобрел со временем статус этнонима и употребляется наряду с этнонимом «ойраты». (Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 7–8).

11. ...и теперь под названием астраханских и придонских калмыков... — причины откочевки на запад торгоутов, отделившихся от ойратского племенного объединения, до сих пор не выяснены окончательно. В целом, ход событий представляется в следующем виде.

В первые десятилетия XVII века часть дербетов и все колено торгоутов начали продвигаться с территории Семиречья и нынешнего Синцзяна в северо-западном направлении, через южные районы Западной Сибири и северные пределы Казахстана. Через несколько десятилетий они обосновались на нижнем течении и в междуречье Волги и Дона, образовав на новом месте Калмыцкое ханство под протекторатом России. Еще одна часть ойратов — хошоуты, — также покинула пределы своего кочевания, но уже в противоположном — восточном направлении и заняла окрестности озера Кукунор в преддверии Тибета, также создав там самостоятельное ойратское ханство. В отечественной историографии не утихает дискуссия по поводу причин этих переселений. Так, например, согласно мнению известного русского синоведа Иакинфа Бичурина, продвижение торгоутов и части дербетов на запад «было обдуманым планом хитрых замыслов», то есть стремление джунгар «оцепить киргиз-казацкие орды с тыла». (Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 62–63).

С другой стороны, советский ученый И.Я. Златкин доказывает, что это было неосознанное движение ойратов в поисках новых пастбищ, причем именно в том направлении, где ожидалось наименьшее сопротивление. (*Златкин И.Я. Указ. соч. С. 66–67*).

12. ...к вновь построенному вверх по Иртышу городу Таре... — Тара основана в 1594 году.

13. ...в виде государственной регалии... — от лат. «регалис» — принадлежащий царю. Здесь — монополия.

14. ...ежегодная выломка и сплав соли... — когда именно русские узнали о соляных озерах, лежащих южнее Тары, неизвестно. Но уже в наказе князю Андрею Елецкому о построении города на реке Таре в 1594 году говорилось: «Кучюма царя истеснить и соль устроить...» В первые десятилетия следующего века русские на соляных озерах встретились с активным противодействием калмыков, которые претендовали на монопольное владение ими и соответственно, исключительное распоряжение соляным снабжением. Так, например, в 1610 году из Тары в Тобольск соли не поступило. В одной из отписок тобольского воеводы князя И. Катырева-Ростовского тюменскому воеводе М. Годунову в 1611 году указывалось: «...а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озеро отняли, впред будет соли из Тобольска в города служилым людям на жалованье послати нечего...» (*Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.-Л., 1941. С. 222*). Поэтому за солью периодически посылались отряды служилых людей, которые «добывали» ее или путем переговоров с калмыками, или же «вооруженной рукой».

15. ...с лежащего в 700 верстах от Тары вверх по Иртышу соляного Ямыш-озера, служившего, вместе с тем, еще в кучумовские времена условным пунктом обмена привозимых с юга... — озеро Ямыш (Ямышевское озеро, Ямышева) находилось на правом берегу Иртыша в границах нынешней Павлодарской области Республики Казахстан. Добыча соли прекратилась здесь (по естественно-географическим причинам) к середине XIX века, после чего соляное снабжение Западной Сибири и Южного Зауралья перешло к находящимся рядом Коряковским озерам.

Значение открытия русскими Ямышевского озера трудно переоценить, так как вместе с ним нормализовалось соляное снабжение всех сибирских городов. Регулярный характер русского присутствия на Ямыше способствовал превращению этого пункта в крупный меновой центр между западносибирскими городами и государственными образованиями Центральной Азии: ханствами Средней Азии, Джунгарией, Малой Бухарией (Кашгарией).

Ямышевский торг обычно начинался в пост Успения Богородицы (25 августа), когда торговцы присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска каравану судов и в Ямышеве, пока шла погрузка соли на суда, вели меновую торговлю с прибывающими к этому сроку на озеро калмыками и «бухарцами». Под последними сибирской администрацией подразумевались все торговые люди из «полуденной Азии», не кочевники.

Русские продавали и меняли кожи, сукна, холсты, котлы, блюда, топоры, меха, воск, писчую бумагу, рыбу, клей, а в обмен получали прежде всего китайские и бухарские хлопчатобумажные, льняные и шел-

ковые ткани, ремень, пряности, а впоследствии и чай. Обрато в Тобольск вместе с караваном соли отправлялась и часть «бухарцев», пожелавших продолжить торг уже собственно в Сибири, а со временем, среднеазиатским купцам разрешили здесь и постоянное местопребывание. Интересно отметить, что из этой среды вышли многие выдающиеся русские разведчики («конфиденты», — как их тогда именовали), принесшие немалую пользу в информировании сибирских властей (а через них и Петербурга) о сложных политических перипетиях степной политики и иных «азиатских обстоятельствах».

16. ...не следует ли там построить русский город или, по крайней мере, передовой острожек, как опорный пункт русской власти здесь. — В чем и состояла, по замыслу М.П. Гагарина, первая цель экспедиции под командованием И.Д. Бухгольца, о чем Г.Е. Катанаев подробно рассказывает в своей работе.

17. ...трава типец не велик... — типец, типчак — растение — тонконог, манник, волосянка, щетка.

18. ...по доносу... тарских воевод князя Шаховского и Кайсарова последовал... указ... — Шаховский (Шеховский) Юрий Иванович и Кайсаров Михаил Федорович — тарские воеводы. Главным доводом в их челобитной о необходимости закрепления русских в устье Оми ставилась защита новоподданных татарских волостей от постоянных набегов с юга. Просимый царский указ об этом последовал 3 августа 1628 года от имени Михаила Федоровича — первого русского царя из дома Романовых, правившего с 1613 по 1645 г.

19. ...казачьего головы Назарья Жадовского... — Жадовский (Жадобский) Назар (Назарий) — голова тарских конных казаков. Его мы встречаем и среди защитников Тары во время осады города калмыками в 1634 г., когда почти все русские и татарские деревни были сожжены дотла, а жители, не успевшие укрыться за стенами Тары, были перебиты или уведены в плен. Г.Ф. Миллер упоминает, что личную храбрость, среди прочих, проявил и Назар Жадовский, за что был пожалован царской наградой. (*Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 109, 411–413, 447–448*).

20. ...да конных казаков... — одна из категорий служилых людей, весьма многочисленная в сибирских порубежных городах и острогах, несшая «конную службу», без которой борьба со степняками была бы невозможна. В конные казаки рекрутировались, главным образом, выходцы из Речи Посполитой (поляки, литовцы, белорусы, украинцы), составляющие «литовские» и «черкасские» сотни («литва» и «черкасы»).

21. ...служилых людей... — это пионеры Сибири, первые поселенцы завоеванного края. Этот разряд служилого сословия в Сибири XVII века состоял из следующих категорий: «дети боярские», конные и пешие казаки, стрельцы, пушкари, служилые татары, «литва» и «черкасы».

«Дети боярские» за Уралом представляли собой верхушку служилых людей. Этот разряд мелких феодалов в XVII–XVIII вв. никакого отношения к боярам Московской Руси не имел. Они занимали командные должности не по родству, а по способностям и знаниям и являлись первыми кандидатами в «начальные» или «приказные» люди («головы», сотники, воеводы). В европейской же части страны «дети боярские»

мало чем отличались по своему положению от стрельцов и казаков. Разряд этот исчезает вместе с реформами Петра Великого. Однако упоминания о «детях боярских» иногда встречаются в сибирском делопроизводстве середины и даже второй половины XVIII столетия (ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14). По-видимому, подобные факты следует отнести на счет архаичности делопроизводственной терминологии, характерной для сибирских «приказных».

Самую многочисленную категорию служилых людей составляли стрельцы и пешие казаки. Стрелецкие команды возглавлял стрелецкий сотник, а казачьи — казачий голова. И те и другие несли «пешую» службу (в отличие от «конных» казаков — см. выше, п. 20), но первые, по мнению известного исследователя Сибири, представляли собой сибирских служилых людей «регулярного строя» (*Газенвинкель К.Б.* Книги разрядные в официальных списках, как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892).

Кроме «конных» и «пеших» казаков, в Сибири существовали еще так называемые «беломестные казаки» — разряд служилых людей из первых русских поселщиков, которые были освобождены («обелены») от основных налогов и повинностей, но не получали всех видов «государева жалованья».

Большую роль в защите сибирских границ от набегов кочевников играл еще один многочисленный разряд служилых людей — «служилые татары», без которых не обходилось ни одно более или менее крупное военное мероприятие властей. Они набирались из «верноподданных ясачных волостей» (т.е. облагаемых налогом — ясаком) и служили не за страх, а за совесть, так как именно их однородцы страдали в первую очередь от «воровских впадений» степной вольницы.

И последняя группа служилых людей (самая малочисленная) — «пушкари», которых в каждом гарнизоне насчитывалось не более десятка.

22. ...послать сына боярского... — см. выше, п. 21.

23. ...весь их скот и живот... — т.е. все их достояние и самые семейства и жизнь.

24. ...сплотившихся... в грозное царство Зенгорское, или Джунгарское... — речь идет о мощном кочевом государстве западных монголов (ойратов) — Джунгарском ханстве. Оно сформировалось в северо-западной части Центральной Азии, каковое событие источники относят к 30-м гг. XVII столетия. «В сих летах, — говорится, например, в Черепановской летописи, — начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение». (И.Л. Черепанов (1724–1796) — тобольский ямщик и образованный самоучка, пользуясь трудами Г.Ф. Миллера, С.У. Ремезова, С. Есипова, Г. Новицкого и др., составил компилятивный труд по истории Сибири, доведенный им до 1760 г. Ценность этого труда заключается в том, что при изложении событий XVIII в. он пользовался источниками, до нас не дошедшими, о чем см.: *Андреев А.И.* Черепановская летопись // «Исторические записки», 1941. № 13. Труд И. Черепанова опубликован в извлечениях в «Сибирском вестнике» Г. Спасского, 1821 и 1823 гг., Ч. 2–4, а также в «Летописях занятий Археографической комиссии». Т. 7).

25. ...Ремезовской «Чертежной книге Сибири»... — Семен Ульянович Ремезов (ок. 1664—1715) — происходил из семьи тобольских служилых людей, попавшей в Тобольск в 1628 г. со времени ссылки туда Моисея Меньшого — деда Семена Ремезова. Фамилия Ремезовых принадлежала к верхам тобольского служилого сословия, находилась в курсе всех дел тогдашней сибирской политики, а также общалась с различными именитыми ссыльными, среди которых встречались и выдающиеся ученые, вроде Юрия Крижанича, который был близко знаком с отцом Семена Ремезова, а упомянутый дед, например, сотрудничал с воеводой П.И. Годуновым, под руководством которого был составлен «Чертеж Сибири». (См. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. С. 45—47). Таким образом, С.У. Ремезов получил воспитание в семье, традиции которой должны были возбудить в нем интерес к наукам, в частности, к истории и географии. Результатом этих научных интересов явилась «История Сибирская» и атлас Ремезова, составленные им по указанию Сибирского приказа из Москвы, основанные на составленных еще до Ремезова чертежах Сибири, различных географических рукописях и, главным образом (что особенно ценно), свидетельств сибирских землепроходцев. О методах его работы как ученого мы можем судить по зафиксированному дореволюционным исследователем случаю, когда С.У. Ремезов воспользовался сведениями первооткрывателя Камчатки Вл. Атласова, тотчас после того, как они были переданы от землепроходца в Тобольскую приказную избу: «И по тому твоему Государя указу, по челобитью его Семенову, — писали тобольские воеводы в Москву, — велели мы, холопи твои, ящик, который послан из Якуцка к тебе, Великому Государю, с якуцким пятидесятником, в Володимером Отласовым, взять в приказную палату и осмотря, якуцкую печать снять, и скаску списать, и тот список отдать ему, Семену, для письма и свидетельства чертежей» (*Оглоблин Н.Н.* Источники Чертежной книги Семена Ремезова. СПб., 1891. С. 10).

26. ...при устье реки Оми «край калмыцкой степи»... — пограничным пунктом своих владений в Прииртышье русские полагали Ямышево озеро. Однако калмыки считали принадлежавшей им всю территорию к северу от него, вплоть до устья Оми, хотя и позволяли русским брать соль из озера и открывали здесь ежегодный торг. К началу XVIII века русские окончательно укрепились в устье Оми, активно заселяя территорию вокруг новой Омской крепости, как, например, Чернолуцкую слободу и др. (См. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973. С. 227).

27. ...известного «сербина» Юрия Крижанича... — Юрий Крижанич (ок. 1617—1683) — выдающийся мыслитель и славянский патриот, по происхождению — хорват, духовная жизнь и творческая деятельность которого целиком связана с Россией, которой он отдавал все свои мысли и надежды, ратуя за ее главенство в проектируемом им всеславянском объединении.

Хорваты и другие южные славяне в его время тяжело переживали материальный и духовный упадок своей родины, связанный с иноземным порабощением. Из этого следовал вывод о необходимости их объединения

под эгидой могущественной славянской России, которая одна только могла взять на себя задачу сплочения славянства. Эти идеи были не новы, но с наибольшей силой и страстью их выразил Юрий Крижанич. По его мысли, этому мешало разъединение христианской церкви на католиков и православных, выход из чего он видел в церковной унии обеих конфессий.

Вся его жизнь прошла в фанатичном служении этой нереальной идее: он был католическим священником и одновременно славянским патриотом, членом папской конгрегации и славянским государственным деятелем. Крижанич одинаково чтит римского папу и русского царя. Будучи ревностным католическим миссионером, он вступил в конфликт с руководством конгрегации из-за миссии в Москву, а попав в Москву, был сослан русским правительством как католический агент в Сибирь. Даже обстоятельства его смерти носят тот же двойственный характер: он погиб под знаменем польского короля Яна Собесского, когда славяне спасали Вену — столицу Габсбургов от турок, — и в то же время в католическую Австрию он попал, направляясь в Рим, как ревностный слуга папского престола.

Таким образом, приехав в Москву в сентябре 1659 г., Крижанич уже в январе 1661 г. оказался в ссылке в Тобольске, где прожил 15 лет. Здесь им были созданы почти все из десяти его крупных работ, в том числе и упоминаемые Г.Е. Катанаевым: «программная» работа «Политика», которая опубликована впервые П.А. Бессоновым под названием «Русское государство в половине XVII века» (М., 1859) и «История о Сибири», первоначально изданная Г. Спасским (СПб., 1822), а затем под ред. А. Титова (М., 1890). (См.: Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1902. С. 143 и Приложение. С. 19–27, 189).

28. ...веле́нием джунгарского контайши Цэван-Раптана... — правильно: Цэван-Рабдан (1697–1727) — племянник джунгарского хунтайджи Галдан-Бошокту-хана и его преемник на престоле Джунгарского ханства. При нем Джунгария достигла пика своего могущества, чему способствовала его дальновидная и реальная политика. Достигнув временного замирения с Цинской империей, Цэван-Рабдан сконцентрировал свои усилия на завоеваниях в Восточном Туркестане, Южной Сибири и особенно в Средней Азии и Казахстане. Вторжения джунгарских войск в последний следовали одно за другим, что отложилось на века в памяти казахского народа как «актабан шубрунды» — «годы великого бедствия».

29. ... и между Тангутами и Кита́ями, Бухтармы с прилегающими землями, в которых кочуют преходя калмыки и мунгалы...

Бухтармы — правый приток Верхнего Иртыша близ крепости Усть-Каменогорской.

Мунгалы — монголы в русской этнической терминологии XVIII столетия.

30. Бумага хлопчатая — прядево, нитки из хлопка, т.е. хлопчатобумажная ткань.

Китайка — простая бумажная ткань, изначально — мутно-желтого цвета, вывозившаяся из Китая.

«**Пестряди**» — правильно: пестрядь — пеньковая грубая ткань, пестрой, полосатой расцветки, чаще всего синеполосая. В России пестрядь

называли также и «затрапезной» тканью — по фамилии купца Затрапезникова, которому Петр I передал в работу фабрику, изготавливавшую пестрядь. Пестрядь шла на изготовление груботканых изделий: шаровар, рабочих («затрапезных») халатов, тюфяков и т.п.

31. ...одна ... во главе с... Федором Трушниковым, а другая с ... Иваном Чередовым...

Федор Трушников — тобольский служилый дворянин, который по заданию первого сибирского губернатора князя М.П. Гагарина был послан на разведку «песошного» золота в сопредельные страны. Поднявшись по Иртышу до оз. Нор-Зайсан, он проник в Кашгарию к Яркенду, затем по Тариму вышел к Лобнору и далее, к оз. Кукунор, миновал страну тангутов и через китайскую пограничную провинцию Ганьсу достиг Пекина, откуда через Монголию и Восточную Сибирь возвратился в Тобольск. Это беспрецедентное по смелости путешествие в одиночку, через беспокойные местности и страны, продолжалось два полных года (1713—1715). Прошло более полутора столетий, и Н.М. Пржевальскому, стоящему во главе оснащенной и вооруженной экспедиции, понадобилось почти столько же времени, чтобы пройти по тем же местам, причем в гораздо более «цивилизованную» эпоху. Таким образом, Федор Трушников стал первым русским человеком, проникшим в самые глубины «неведомой» Азии, куда в то же время с востока (из Пекина) упорно стремилась агентура иезуитов, пустивших уже корни в Поднебесной империи. Трушников привез для Гагарина 200 ланов песочного золота (7,7 кг), которое было доставлено Петру I в качестве доказательства истинности данных о наличии «песошного» золота в Бухарии». Это обстоятельство укрепило императора в мысли о русском продвижении в верховья Иртыша, к «золотой Эркети», следствием чего стал поход И. Бухгольца и основание Омской и других «верх-иртышских» крепостей. Золото, доставленное Ф. Трушниковым, было помещено на хранение в петровскую Кунсткамеру (См. о разведке Ф. Трушникова: *Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Январь—февраль*).

Иван Чередов — агент князя М.П. Гагарина в разведках в казахских и джунгарских кочевьях. В 10-е годы XVIII столетия неоднократно бывал там, в том числе и в качестве официального представителя в Урге джунгарского хунтайджи.

32. Ала-куль — озеро на востоке Казахстана между хребтами Тарбагатай и джунгарским Алатау на границе с Китаем.

«**Эба-нор**» — правильно: Эби-нур — озеро по другую сторону китайско-казахской границы, соединяющееся с Ала-кулем по дороге через ущелье Джунгарские ворота.

Перевал Талки — участок караванного пути с верхнего Иртыша в Кашгарию. Находится на хребте Борохоро, соединяя собственно Джунгарию (Северный Синьцзян) с Суйдуном и Кульджой (Илийским краем в Северо-Западном Синьцзяне). Далее, караванный путь вступал уже в пределы Кашгарии (Южного Синьцзяна).

33. ...При контайше Галдане-Бошукту... — правильно: Галдан-Бошукту-хан (1671—1697) — джунгарский хунтайджи, на долю которого выпал тяжелейший период становления Джунгарского ханства. Воевал

на три фронта: с казахами Старшего жуза, с уйгурами Малой Бухарии (Кашгарией) и с Цинским Китаем. Война с последним наиболее тяжело далась джунгарам, закончившись их фактическим поражением, правда, при сохранении «лица», посредством «почетного» мира.

34. Халху, Тибет и Хухунор — правильно: Кукунор — порубежные территории по периметру границ Китая, за которые в течение столетия шла борьба с Джунгарским ханством.

35. Зайсаны (зайсанги) — главы джунгарских родоплеменных объединений, составлявшие ближайший совет и генералитет хунтайджи.

36. ...поставов камок 18 мер... — камка — шелковая китайская ткань с разводами.

37. ...предъявив ему весьма солидные запасы золота в песке... — «трушниковское» золото достигало веса в 200 лан, до сих пор хранится в музее Академии наук.

38. ...берущих начало в Большой Бухарии... как и в Малой...

Большая Бухария — центральная и восточная часть современного Узбекистана и весь Таджикистан.

Малая Бухария — Восточный Туркестан, или Кашгария, с ожерельем крупных центров торговли в XVIII — начале XIX вв.: Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан.

39. ...до Силима... — правильно: Синин — китайский город у озера Кукунор, на границе с «внешним» Китаем.

40. ...двоюродному брату своему Черен-Дондуку... — в документах встречается разночтение: Черен-Дондук, Чарин-Дундук и т.п. Правильно: тайджи Цэрен-Дондоб Младший — близкий родственник хунтайджи Цэван-Рабдана (двоюродный брат), возглавлявший «западный фронт» джунгарского ханства — против казахов Старшего и Среднего жузов. С этим талантливым военачальником и пришлось столкнуться И.Д. Бухгольцу. Поражает оперативность, с которой Цэрен-Дондоб сумел собрать войска для отпора новому джунгарскому неприятелю с севера. Не путать его со старшим братом — Цэрен-Дондобом Старшим, который воевал в это же время на «восточном фронте» — у границ Тибета.

41. Тебеневать — ходить зиму на подножном корму. Тебеневка — зимнее пастбище для конских табунов.

42. Сырная неделя («Сырная седмица») — то же, что и Масленица. В это время запрещено мясо, но можно есть сыр и яйца.

43. Аманат — общепринятое в политической традиции центрально-азиатских государств наименование заложника (как правило — почетного), отдаваемого (или захватываемого насильно) в обеспечение гарантии выполнения каких-либо обязательств. Русские, в своей политической практике переняли этот обычай, как и сам термин.

44. ...двести лан песочного золота... — лан — китайская мера веса: 200 лан составляют 7,7 кг золотого песка (в данном случае).

45. ...20 фунтов... — русская дOMETрическая мера веса. 1 фунт равнялся 385 граммам.

46. ...а паче... — особенно, более всего (устар.).

47. Больверки — каменные сооружения, предназначенные для защиты морских берегов от разрушающих действий волн.

48. Ласковский Федор Федорович (1801–1870) — инженер, генерал-лейтенант. Профессор фортификации в академии Генерального штаба, преподаватель наследника цесаревича Александра Николаевича. Автор «Курса долговременной фортификации».

49. ...к самой священной Лхассе, всюду побеждая скопища Лаузонхарга Тибетского...

Правильно: **Лхаса** — центр теократического государства в Тибете, резиденция его главы — далай-ламы.

Правильно: **Лхабсан-хана** — военачальник далай-ламы, потерпевший сокрушительное поражение от тайджи Цэрен-Дондоба Старшего (см. *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата. 1991. С. 69. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы», сочинение Сумба-Хамбо. М., 1972. С. 35–36.).

50. Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830–1904) — ориенталист и историк. Окончил курс в Александровском (б. Царскосельском) лицее, где начал изучать языки: еврейский, арабский, персидский. Служа в Оренбургском крае, занялся практическим изучением тюркских наречий. Написал «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией» (Уфа. 1853–1855) и другие исследования, которые до сих пор не потеряли своего значения. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Т. 3. М., 1993. С. 209).

51. Паллиатив — мера, не обеспечивающая полного, коренного решения поставленной задачи; полумера.

52. Далай-лама — от монг. «далай» (море мудрости) и «лама» — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете. Существует с XVI века.

53. ... и провозгласить далай-ламой куху-норского хубилгана... — кукунорский хубилган — один из князей ламаистской церкви в Тибетском теократическом государстве.

54. ...заняли было в Западном оседлом Туране, до времен энергичных Шигая, Тевекель и Тявки-ханов... — речь идет о возникновении Казахского ханства и формировании казахской народности, протекавших на территории «Великого Турана» — Казахских степей между Балхашем и Аралом в XIV–XVI вв. Такие его первые правители, как Бурундук (1480–1511) и Касым (1511–1523?), а позже Тевекель (1581–1599), значительно расширили территорию своего ханства как за счет притока родственных племен, так и за счет завоевательных походов в Центральный и Южный Казахстан, северные районы Средней Азии.

Однако более всех прославился на этом поприще казахский хан Тауке (1680–1715) — создатель знаменитого кодекса законов Жеты-жаргы. Это был «золотой век» прекращения губительных феодальных междоусобиц и мощного отпора неприятелям, который прекратился уже при преемнике Тауке — хане Каипе, которому было все труднее сдерживать сепаратистские тенденции казахских феодалов. Результатом этих центробежных тенденций стали «годы великого бедствия» от опустошительных вторжений джунгар, доходивших в 40-х гг. XVIII столетия даже до Оренбурга, когда только безоговорочное принятие российского подданства спасло казахский народ от физического уничтожения. (Под-

робнее о казахско-джунгарских взаимоотношениях см. в монографии: *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 12–56).

55. Ликург — легендарный спартанский законодатель (IX–VIII вв. до н.э.), которому греческие авторы приписывают создание институтов спартанского общества и государственного устройства.

56. Малая и Средняя Орда — «орда» — у тюркских и монгольских народов военно-административная организация, становище, стоянка кочевников; в эпоху средневековья — ставка, столица правителей государств. В данном тексте — это то же, что и «жузы». Казахский народ в XVIII и первой половине XIX в. находился под управлением двух администраций: Сибирской — центральная и восточная часть современного Казахстана (Средний жуз) и Оренбургской — западная часть Казахстана (Младший жуз).

57. Бекович-Черкасский — (Девлет-Кизден-Мурза) — в крещении князь Александр Бекович-Черкасский — капитан гвардии Преображенского полка, известен своей неудачной экспедицией в Хиву (1714 г.). В ее задачи входило занятие на восточном берегу Каспийского моря гавани у Красноводского залива, построение там крепости, склонение хивинского хана в российское подданство, а бухарского — к дружбе (Указы Петра I А. Черкасскому и А. Кожину. ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 5. № 2993–2994). Кроме этого, предполагалось послать разведку на поиски золота в среднеазиатских землях и одновременно направить в Индию посольство в составе нескольких купцов и поручика А. Кожина, также под видом торговца. Построив 2 крепости на побережье Каспийского моря, весной 1717 г. отряды А. Бековича-Черкасского столкнулись с войсками хивинского хана Ширгазы. Но Ширгазы, вступив в переговоры с князем, добился разделения его отряда на 5 отдельных частей, мотивируя это тем, что в условиях Средней Азии очень трудно прокормить отряд. В результате этого отряды были разобщены, а сам А. Бекович-Черкасский пленен и казнен. (*Иллерицкий В.* Экспедиция князя А. Черкасского в Хиву (1716–1717 гг.). Исторический журнал. 1940. № 7).

58. Гребенские казаки — гребенцы — произошли от донских казаков, живших в XVI в. между рр. Донцом и Калитвою, у Гребенских гор. В 1712 г. Петр I, желая устроить с юго-востока оборонительную линию против Турции и Крыма, послал графа Ф. Апраксина с поручением переселить гребенцев на левый берег Терека. Переселенцы устроили здесь 5 городков. С этого времени начинается постоянная действительная служба гребенских казаков русскому правительству. В 1735 г. они устроили крепость Кизляр, в 1763 г. — Моздок. В 1832 г. гребенцы вошли в состав вновь образованного Кавказского линейного казачьего войска.

59. Ступин (Стулин) Прокопий (Прокофий) — подполковник, строитель крепостей по Иртышу.

60. ...портище красного сукна... да чаю батман...

Портище — отрезок ткани на одежду.

Батман — вес в 8 пудов (128 кг), принятый в центральноазиатской караванной торговле. Обычно на одного верблюда навьючивалось по 2 батмана (в том числе и чая).

61. ...намечаемую линию укреплений... — южную границу Западной Сибири в начале XVIII в. составлял ряд укрепленных слобод, возникших еще в XVII веке: слобода Чернолуцкая (1670) — р. Иртыш; Коркинская (1680) — р. Ишим; Царево Городище (XVII в.) — р. Тобол. В начале XVIII в., в связи с дальнейшим освоением края, началось строительство крепостей: Омской (1716), Ямышевской (1716), Железинской (1717), Семипалатинской (1718), Усть-Каменогорской (1720). Между крепостями выстроили 7 промежуточных форпостов. Те из них, что были построены вдоль Иртыша, получили название «иртышской линии», протянувшейся на 920 верст.

62. Камень — Урал.

63. Обсервационные пикеты — «наблюдательные пикеты» — обычно выставлялись на границах с ненадежными соседями с целью наблюдения и обеспечения отпора в случае неожиданных враждебных действий или попыток оказания политического влияния для втягивания в военные действия.

64. ...гарнизонными воротниками, затинщиками...

Воротник — сторож у ворот крепости, которые нередко были подъемными (с помощью ворота — вала на оси, вращаемого колесом с рукоятками — лебедкой), а не заплотными.

Затинщик — стрелок из затинной (скрытой за какой-либо оградой) пищали. Пищаль — в описываемое время — затинное, крепостное ружье, опирающееся на сошку.

65. Речь идет о Японии.

66. Закончив строительство Омской крепости, И.Д. Бухгольц в конце 1716 г. сдал командование гарнизоном прибывшему с ним еще из Москвы майору Вельяминову-Зернову и отправился в Тобольск и далее — в Санкт-Петербург. В Сенате он дал отчет о своей экспедиции. Было признано, что она не выполнила свои задачи из-за плохой подготовки. Бухгольц был оправдан. Затем он был послан комендантом в Нарву. В 1724 г. во главе Тобольского гарнизона его отправили на охрану и укрепление русско-китайской границы в район Селенгинска. Комендантом этого города и командиром Якутского полка Бухгольц оставлен до своей отставки в 1740 году. Умер в 1741 г. в чине генерал-лейтенанта. Место захоронения неизвестно.

67. Ландрат — (ландрат) — Советы ландратские — коллегиальные учреждения при губернаторах и воеводах в царствование Петра I. Еще в 1702 г., когда были отменены губные* учреждения и все их дела перешли в ведение воевод, повелено было, чтобы воеводы вели эти дела при участии выборных дворян. Эти выборные дворяне в 1713 г. получили наименование «ландратов» (земских советников). Ландраты составляли с воеводами и губернаторами коллегия (или «Ландратский совет»). В больших губерниях такие советы состояли из 12 членов, в меньших — из 8. Ландратские советы существовали до преобразования губерний в 1718—1720 годах.

* Губа — единица административно-территориального деления в северо-западных землях Московского государства. — *Прим. сост.*

68. ...без мотчания... — т.е. не мешкая, не медля.

69. ...во главе с будущим джунгарским контайшой, старшим сыном Цеван-Рантана, Галдан-Цереном... — Галдан-Цэрэн был последним джунгарским хунтайджи, при котором кочевой империи ойратов еще удавалось оставаться великой. Он вступил на престол в конце 1727 г., заняв место своего отца Цеван-Рабдана, а умер в 1745 г., после чего сразу же последовали междоусобицы (свержение среднего сына Галдана — Аджанхана, которому отец завещал трон, его старшим братом — Лама-Доржи, а тот, в свою очередь, столкнулся с соперничеством своего племянника — чоросского князя Даваци и т.д.), приведшие к всеобъемлющему разгрому Джунгарского ханства Цинским Китаем. Это стало концом не только истории государства, но и концом самого кочевого народа, который был физически уничтожен маньчжуро-китайскими войсками.

70. Призрил — призирать — призреть — приютить, заботиться, опекать.

Подборка документов о сибирском губернаторе М.П. Гагарине

№ 1

1710 г. августа 8.

**Письмо М.П. Гагарина Ф.М. Апраксину
об обмене шведских военнопленных на русских**

Высокопочтенный граф государь [...]¹⁶¹
милостивец Федор Матвеевич

Доношу, государь, Превосходительству вашему, при отъезде своем с Москвы светлейший князь Александр Данилович приказал мне по челобитью к царскому величеству Мелетинского царя, которое его прошение донес его светлости Ипат Муханов, чтоб отпустить с Москвы ис шведских полоняников вместо отпущенного из Стокхолма человека Евзала с четырьмя человеки швецкого порутчика Гиндрика Фалкелберха у которого повреждена рук[а], да с ним четыре человека хлопцов Я(Ю)носа Ульвоса, Юниа Бринка, Адалфа Дюмберха, Эриха Линберха и ныне, государь, я оных полонеников порутчика и послал в Питербурх и велел их явить Превосходительству Вашему.

А про хлопцов, государь, разыскивал дабы не прок их имени афицеры и по розыску явилось, что служили у афицеров а люди королевские, а порутчик, государь, Хиндрик Фелкеберх Фол[...]¹⁶¹ немалой и об отпуске их з докладу его царского [величе]ства како соизволите учинить ваше Превосходительство.

*Вашего Превосходительства всегд[ашний] слуга Матвей Гагарин.
из Москвы 1710 августа 8 дня.*

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Лл. 108 об.—109. Подлинник.

№ 2

1710 г. октября 14.

**Письмо М.П. Гагарина Ф.М. Апраксину с просьбой оставить сына
обучаться морскому делу в Копенгагене**

Превосходительнейший господин,
милостивый государь

Докучно прошу Превосходительство Ваше, мальчик мой ныне на Дацком¹⁶² флоте, а Вашему превосходительству извесно, что в Капенгагине господин Долгорукой мне приятель.

Пожалуй, милостивый мой государь, по[з]воль ему быти сыну моему в Капенгагине и обучатца на флоте в Капенгагине для того, мой

¹⁶¹ Не пропечатано на ксерокопии.

¹⁶² Датском.

государь, и прошу ваше Превосходительство, что пишет к нему господин Лвов указом царского величества, чтоб он ехал в Амстрадам ис Капенгагина. Естли указу такова Вашему Превосходительству послать немочно то хотел писемо от Превосходительства своего к господину Львову, что он его не нудил¹⁶³ из Капенгагина.

*О сем превосходительства Вашего всегдашний раб
Матвей Гагарин¹⁶⁴*

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Лл. 102 об.—103. Подлинник.

№ 3

1713 г. августа 20.

**Приказ М.П. Гагарина коменданту Тюмени Вахромееву
об обеспечении довольствием китайских послов, прибывающих
в Тюмень**

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Всеа Великия и Малыя и белыя Росии Самодержца и по приказу Губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено на Тюмени к приезду китайских послов приготовить быков дватцать да тритцать баранов сто кур русских так же и подводы и тюменскому коменданту господину Вахромееву по получении сего о вышеписанном учинить по сему указу непременно [для сего при- [слать]пасти ?] десять четвертей муки пшенишной пятнатцать¹⁶⁵.

У сего приписано рукою губернатора князя Матвея Петровича Гагарина

1713 г. августа в 20 день.

Справил Алексей Онучин

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3765. Л. 1. Подлинник.

№4

1715 г. января 21.

**Приказ М.П. Гагарина коменданту Тюмени
Б. Эверлакову о наборе и присылке людей в Тобольск для экспедиции
подполковника Бухгольца**

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержца и по приказу Губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту господину Эверлакову в нынешнем 715-м году велено ис тоболевских и с тюменских и с туринских служилых людей и казачьих детей выбрать пятьсот человек и отдать подполковнику г-ну Бухолцову на оставку в гварнизонех также что понадобится людей к отпуску господина Бухолцова велено ис каждого города отпускать без всякого удержания, а по справке в Тоболску в большой канцелярии надобно в указное число в допологику рекрут двести семдесят четыре человека и тебе б по получении сего указу выбрать ис тюменских служилых людей и с казачьих детей на оставку в гварнизонех в вышеозначенное указное число сто пятдесят человек да в допологику... на

¹⁶³ Не принуждал выехать.

¹⁶⁴ Выделена припись М. Гагарина.

¹⁶⁵ Примечание М. Гагарина (последнее слово не прочитано).

Тюмени и в уезде рекрут сем[десят] ... человек добрых и человечных [а стары]х¹⁶⁶ и увечных не брать, а выбрав служилых людей также и рекрут с провожатым выслать в Тоболеск и именам их список за своею рукою прислать марта к 1-му числу нынешнего 715 году неотложно а которого числа и с кем высланы будут и о том к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать и ежели оные служилыя люди и рекруты в Тоболеск на вышеозначенной срок высланы не будут и за неприсылкою учинитца какая остановка походу и то взыскано будет на тебе.

*Дорофей Траурнихт
1715 г. генваря в 21-й день
Справил Алексей Онушин*

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1889а. Л. 2-2а. Заверенная копия.

№ 5

1716 г.

Приказ М.П. Гагарина о строительстве в Тюмени приказной избы, тюрьмы и квартир для шведских пленников

В нынешнем 1716 году по указ [у] великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России Самодержца за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено на Тюмени построить приказную избу и тюрьму и шведским пленником квартиры и на то строение велено лес купить из государевой казны а работать крестьяном за подати.

И вы б тюменские всяких чинов людем сей великого государя указ ведали и на то строение для подряду в лес в слуги и в тес приходили в приказную избу перед каменданта господина полковника Ивана Васильевича Воронежского немедленно.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 13об. Незав. копия.

№ 6

1717 г. июля 5.

Приказ М.П. Гагарина И.В. Воронежскому об изъятии в казну золотых и серебряных вещей, найденных в земле при раскопках

1716 году июля в 5 день. По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень полковнику и каменданту г-ну Воронежскому с товарищи по имянному его царского величества указу, которой писан рукою его царского величества древние, золотые и серебряные вещи, которое находят в земле, древних поклаш всяких чинов людем велено объявлять, в Тоболску и велено у них брать те вещи в казну великого государя а отдавать им за те взятые вещи из казны денги. А ныне по ведению Губернатора Сибири князю Матвею Петровичю Гагарину что тоболские де татара Сейдяш, Дасемен повезли на Тюмень для продажи таковых найденных вещей, в тех де вещах золотых весу пятнатцать фунтов и тебе б по получении сего указу велеть тех татар сыскивать. И буде они на Тюмени не явятца, то послать для

¹⁶⁶ Текст поврежден.

сыску их в Тюменской уезд и как их сыщут, то про те вещи их допрашивать и про то разыскивать, где они нашли те вещи и сколько и для чего не объявили и кому они те золотые и серебряные вещи продали на Тюмени. И тот розыск и тех людей всех, кому они продали тако ж и золотые вещи, что у кого не сыщется всех прислать в Тоболеск часа не промедля за караулом и велеть объявить в Тоболску губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину. К сему для верности губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою.

Гагарин

*Подал денищик Тимофей Брагин июля в ...*¹⁶⁷

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4809. Л. 1–1об. Подлинник.

№ 7

1717 г. августа 4.

Приказ М.П. Гагарина тюменскому коменданту И.В. Воронцовскому о высылке в Тобольск шведских арестантов, явившихся в Тюмень без губернаторского «отпуска»

По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту полковнику господину Воронцовскому да камисару Прасолову сего 1717 году августа [4] день. Писали вы в Тоболеск явились де на Тюмени швецкие арестанты с Федковских заводов четыре человека рейтары Карл Сурдкман Гуммеганс салдаты Пипиер Лестих, Андерс Акспак и явили за рукою камисара Акинфея Демидова о пропуске письмо. И по подписании на отписке губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина повелено оных швецких арестантов прислать в Тоболеск и по получении сего указу о высылке с Тюмени в Тоболеск вышеозначенных швецких арестантов четырех человек не премедля малого времени учинить по сему указу, а которого числа и с кем имяны оные швецкие арестанты четыре человека с Тюмени в Тоболеск высланы будут о том к губернатору Сибири князю Матвею Петровичю Гагарину писать к сему для верности губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою: «если и впредь какого ни есть чина шведские арестанты на Тюмени ... отпуска не явит губернатор[ской рукою] то ...»¹⁶⁸ держать на Тюмени и в Тоболеск писать се приписал Матвей Гагарин.

справил Федор Богданов

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 14–14об. Подлинник.

№ 8

1718 г. февраля 4.

Приказ М.П. Гагарина И.В. Воронцовскому о выдаче денег ямщикам на повышение им окладов и приобретение подвод

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по приказу

¹⁶⁷ Приписка неразборчива. Дата не откопирована.

¹⁶⁸ Текст неразборчив.

губернатора на Тюмень каменданту полковнику г-ну Воронецкому били челом великому государю тюменские староста ямских охотников Дмитрий Медведев и десятники и все рядовые ямские охотники по указу де великого г[осуда]ря гоняют они ямскую гонбу под казнами и под всякими посышки безпрестанно с великою нуждою без остановки и от того они одолжали великими долгами и против других ямов гоняют излишнее и чтоб великий государь пожаловал и велел им выдать из казны великого государя для их скудости и излишней гонбы, что великий государь укажет и по указу великого государя и по помете на челобитной губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено вышеозначенным ямщиком прибавить для их слобочких излишних подвод триста рублей и учинит[ь] им оклад с прежним тысяча триста рублей и давать и давать им по вся годы и на сей 718 год выдать и по получении сего указа о прибавке и прежнему их оклада и о выдаче на вышеозначенной год ис Тюменских доходов учинить по указу великого государя.

На подлинном указе пишет тако: Семен Карпов.

Писан 1718 году февраля в 4 день.

Справил Никифор Борисов

Помета воевоцка

По вышеписанному великого государя указу сей у[каз] записать в книгу и выдать им те ... [вы]писанные¹⁶⁹ денги прибавочныя на ныне 1718 [год] из тюменских доходов.

Таков подлинный указ послан в Тоболескую в Сибирскую канцелярию щетных соляных дел марта 27 дня 1735 году с тюменским служилым человеком Матвеем Вязмином.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2863. Л. 5—5об. Копия.

№ 9

1718 г. февраля 26.

Письмо И. Плещеева Ф.М. Апраксину с требованием предоставления сведений о поставке товаров адмиралу М.П. Гагариным

Генерал адмирал ковалер Губернатор тайный советник и президент адмиралтейств Граф Феодор Матвеевич Милостивой мой особливой государь

В нынешнем 718 году февраля в 18 день по реэстру которой отдан мне по имянному царского величества указу от кабинет секретаря господина Макарова велено мне о сибирской канцелярии изследовать; ДА

И по тому реэстру по указу его царского величества благоволи ваше сиятельство меня уведомить от сибирского Губернатора господина князя Гагарина з деншиками ШЕ или з другими с кем камки и китайки или другие какие товары к вашему сиятельству присыланы ль и сколько чего числом и за что и в котором году так же из Санкт-Питербурха от вашего сиятельства в Москву к человеку вашего сия-

¹⁶⁹ Часть текста в ксерокопию не вошла.

телства к Федосею Бурнашову китайки или другие товары, что для продажи прислано и сколько чего и те китайки или другие товары из присланных ли от господина князя Гагарина или какие иные ДА¹⁷⁰.

Сиятельства слуга Иван Плещеев

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 165. Л. 47–47об. Подлинник.

№ 10

1718 г. февраля 27.

**Письмо Ф.М. Апраксина капитану-поручику И. Плещееву
с показанием о присылке ему товаров М.П. Гагариным**

К капитану поручику гвардии Плещееву

Сего февраля 27-го числа почтенное ваше письмо в котором изволили объявлять что имянным его царского величества повелением чрез кабинет секретаря Макарова Сибирской губернии Вам изследовать и от меня взять ведомость от Сибирского губернатора князя Гагарина ко мне камки и китайки присылали и сколько числом и в котором году и за что. И к человеку моему Федосею Бурнашову китаек или других товаров что прислано и сколько прислано и не тех ли товаров что прислано от сибирского губернатора или другие на которое отвечаю: в прошлом 1714 году в мае месяце при Санкт-Петербурге губернатор сибирской говорил мне что он имеет указ царского величества принимать денги в китайской торг хто похочет послать и возвращать с прибылью толиким же числом что возметца чрез три года, чтоб и я послал сколько возмогу и по тем розговором отдал я на имя брата моего родного Андрея Апраксина пять тысяч рублей в таком намерении ежели в те три года постигнет смерть чтоб те денги и с прибытком возвратить в награждение помянутому моему брату понеже он недвижимого моего имения лишен, и взял в тех денгах от него губернатора письмо, что ему взятые мои денги чрез три года и с прибылью возвратить за прописанием собственной его руки, а в прошлом 1717 году в марте месяце прислал ко мне вышепомянутой губернатор князь Гагарин за вышепомянутые мои денги с присланным от себя, а с кем имянно не упомяну пятьсот косяков¹⁷¹ камок меньшей руки и восьмсот тюней¹⁷² китайки нашот в десять тысячное число. Ис которых камок я велел продать триста косяков в Санкт-Петербурге вряд, а не китаек двести тюней для продажи прислал в Москву человеку моему Федосею Бурнашову и проданы тюнь по шти рублей с полтиною, а по договорном писму надлежало б было мне принять пять тысяч рублей денгами или китайским золотом по цене московской, а за другую пять тысяч рублей китайскими товарами: однако ж за оскудением денег кроме вышепомянутого числа камок и китаек не отдано:

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1. Лл. 38об.–39. Копия.

¹⁷⁰ На документе пометы «да», «ше», «да».

¹⁷¹ Косяк — отрезок, состоящий из отрезков (по В. Далю).

¹⁷² Тюнь — тюк, связка простой тюневой китайки.

1718 г. мая 7.

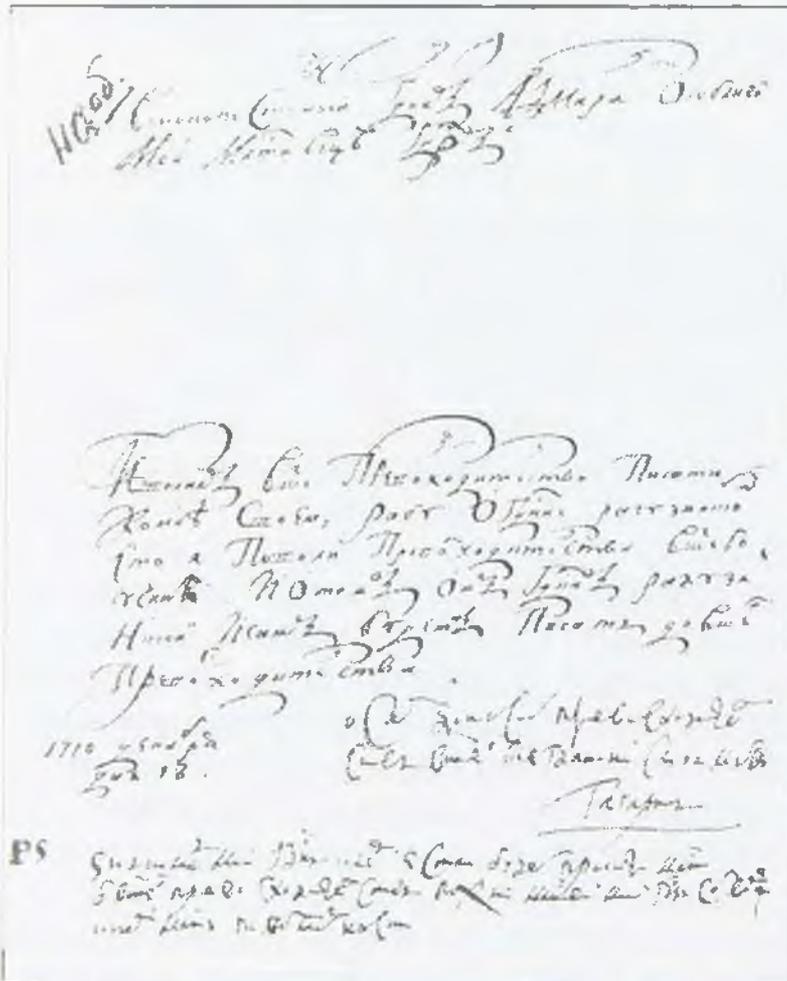
Письмо И. Плещеева Ф.М. Апраксину с требованием представить кабинет-секретарю А.В. Макарову сведения о товарах, присланных адмиралу М.П. Гагариным

Сиятельный генерал адмирал граф Федор Матвеевич
Милостивой государь мой

Сего мая 6-го дня в письме ко мне тайного советника Петра Андреевича Толстова написано.

Его царскому величеству бил челом секретарь Осип Павлов в прошлом де 717 году отпущен он был для своих нужд в Москву и при отъезде просил его Александр Кикин, надлежит де ему взять на Москве из сибирского приказа китаек на три тысячи рублей и чтоб оные принять ему Павлову и дал ему от князя Гагарина к Чепелеву об отдаче тех китаек письмо которое он и отдал, но за скорым отъездом из Москвы просил шурина своего Беляева и оставил во оных росписку чтоб он оные китай-

ки принял, а ныне от вашего сиятельства уведомился он что те китаики из дому шурина его взяты и отвезены к адмиралтейским припасом и ныне лежат тамо под караулом, Александра Кикина за воровство его и измену все движимые и недвижимые его описные и неописные имении повелено мне отписать и оценить и распродать, того для помянутую китаику велено мне взять и оценя как надлежит по указу. И продать, а об отсылке ко мне тех китаек к вашему сиятельству указом царского величества писано того ради изволте ваше сиятельство в Москву об отдаче оных китаек в канцелярию ведомства моего учинить по его царского величества указу вашего сиятельства.

**Автограф М.П. Гагарина. 1710.
Декабря 18.**

**Письмо М.П. Гагарина Ф.М. Апраксину о
встрече с С.Л. Рагузинским.**

РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 6. Л. 110 об.

Иван Плещеев

**В Санкт-Петербурхе мая
7 дня 1718 году**

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д.
165. Л. 48-48об. Подлинник.

1718 г. октября 8.

Приказ М.П. Гагарина о выдаче жалованья иноземцам, вступившим в царскую службу

По указу великого Государя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержца и по приказу Губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту г[осподи]ну Дурново которые иноземцы приняли службу царского величества порутчики Нилс Коет Яган Роткирх Барк Ман Яган Бихнер Морис Шнеп и по получении сего указа давать тебе оным иноземцом великого Государя жалованья ис тюменских доходов помесечно октября с перваго числа денег на месяц по два рубли с полтиною каждому человеку правианту муки аржаной пополусема четверика овса потому ж без удержания а что выдано будет и о том в Тоболеск к Губернатору Сибири князю Матвею Петровичю Гагарину писать.

Семен Карпов

Справил Никифор Борисов

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 30. Зав. копия.

1719 г. февраля 11.

Приказ ближнего стольника князя А.М. Черкасского учинить следствие по указу Петра I о лихоимстве М.П. Гагарина и усилить надзор за вывозом заповедных товаров, мягкой рухляди и золота.

По указу великого Государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу ближнего столника князя Алексея Михайловича Черкасского на Тюмень каменданту г-ну Воронецкому сего апреля 5 числа в указе великого Государя написано сего февраля 11 дня 1719 году в письме к ближнему столнику ко князю Алексею Михайловичю Черкасскому лейб-гвардии маэора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова написано имянным де царского величества указом за собственною его величества рукою повелено им следовать о делах по фискалскому доношению на сибирского губернатора князя Гагарина в роздаче превеликих непотребных расходов и в других разных делах а прошедшаго де генваря 11 дня царское величество указал поимянному своему великого государя изуственному указу против фискалского доношения которые каменданты и камисары и дяки и торговые и всяких чинов люди из сибирских городов к Москве и в Санкт-Питербурх или в другие города едут и их на заставах, где пристойно осматривать по прежним великого государя указом и ежели из оных явятца какие заповедные или неявленные товары и мяхкая рухлядь и золото и такне товары и рухлядь и золото у тех людей на заставах брать по-прежнему, на себя великого государя, бесповоротно и чтоб о том чинить по прежним и по вышеписанному его величества указом и как ты сей его великого государя указ получишь и тебе б учинить заставы во всех тех местех,

где прежде всего были при ведомстве Андрея Виниуса и вновь, где надобно учинить заставы и на тех заставах в осмотре и прочем чинить так как таможенные уставы и прочие указы посланные при Андрея Виниусе повелевают и что зделано будет, о том в Тоболеск к ближнему столнику ко князю Алексею Михайловичю Черкасскому с товарищи писать вскорости а отписку подать в канцелярии лантратского правления Греков.

Справил Иван Филипов

1719 г. апреля в 1-й день сей великого государя указ записать в книгу и к таможенному голове с сего указу послать указ на заставах где преж сего при [Андрее] Виниусе были заставы всем о том у таможенного головы ведомости за рукою и поставить заставы где преж сего были и о том писать в Тоболеск.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3310. Лл. 1–2. Зав. копия.

№ 14

1720 г. августа 2.

Предписание канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова Санкт-Петербургской адмиралтейской коллегии сообщить о поступлении товаров из Сибирского приказа в 1711 г.

[На] 1720 г. августа 2 дня по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца генералу адмиралу Кавалеру губернатору тайному советнику и президенту адмиралтейской каллегии графу Феодору Матвеевичю Апраксину с товарищи; великий государь царь и великий князь Петр Алексеевичь всеа великия и малыя и белыя России самодержец указал по имянному своему великому государя указу за собственною его величества рукою Брегадиру и лейб-гвардии майору Ивану Ильичю Дмитриеву-Мамонову с прочими афицеры; следовать дела по фискальскому доношению на Сибирского губернатора князя Гагарина в роздаче в Сибирском приказе превеликих непотребных расходов а по тем делам надлежит в адмиралтейской каллегии справясь подлинно выписать в 711-м году мая 3 дня из Сибирской канцелярии в адмиралтейство в положенное число товаров на две тысячи рублей в том числе сто баберек¹⁷³ ценою по адиннатцати рублей баберек четырнатцать тюней китайки по девяти рублей тюнь, а досталные камка средней руки ценою по семи рублей постав¹⁷⁴ приняты ль и по какому указу и оных баберек китайки и камок по цене на сколько рублей и в приход те бабереки китайка и камки все ль записаны и в котором месяце и числе и кто те товары в адмиралтейство отдавал; да тое выписку за крепкою для следования прислать в канцелярию ведения брегадира и лейб-гвардии майора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова с прочими афицеры; и по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца; генералу адмиралу кавалеру губернатору тайному советнику и

¹⁷³ Баберек (байберек, бамберек) — шелковая парча.

¹⁷⁴ Постав — штука, конец, половинка сукна.

президенту адмиралтейской коллегии графу Феодору Матвеевичю Опракенину с товарищи; о присылке оной выписки учинить по его великого государя указу.

Капитан Пашков

Капитан-лейтенант Бахметев

Записав в книгу [пятнатцать] по повытью и справясь по сему у них ему ответствовать немедленно 1720 августа 7 дня

Справные письма в адмиралтейскую в военную в кантору посланы августа 17 дня [...].

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 75. Лл. 251об.–252. Подлинник.

№ 15

1720 г. после августа 17.

Сообщение повытчиков Московской адмиралтейской канцелярии на представление обер-секретаря Тормасова об отсутствии записей о поступлении товаров в 1716–1719 гг.

1720 г. августа в 17 день в адмиралтейской канцелярии справясь у Главного приходу и с присланными из Московской адмиралтейской канцелярии ведомости немедленно и подписать под сим писмом в прошлом 711-м году мая 7 дня из сибирской канцелярии в адмиралтейство в положенное число товаров на две тысячи рублей в том числе сто бабереков ценою по одиннатцети рублей баберек четырнатцать тюней китайки по девяти рублей тюнь. А досталные камками средней руки ценою по семи рублей постав приняты ль и по какому указу и оных бейбереков китайки и камок по цене на сколко рублей и в приход те баберики китайки и камки всель записаны и в котором месяце и числе и те товары в адмиралтейство от кого приниманы и куды употреблены понеже оног известия требуют указом для следования в канцелярию ведения брегандира и лейб-гвардии маиора господина Дмитриева-Мамонова по фискалскому доношению на сибирского губернатора князя Гагарина.

*Обор-секретарь Тормасов
Канцелярист Федор Ключарев*

По справке в адмиралтейской канцелярии в прошлых 716 и в 717 и 718-м годех у Главного приходу в Сибирской губернии в положенной оклад китайками бабереками камками платежа не бывало. И в Московской адмиралтейской канцелярии в положенной оклад во оной губернии китайками и бабереками камками прием были ль того в адмиралтейской канцелярии неведомо для того что из оной канцелярии в тех годех в Санкт-Петербургскую адмиралтейскую канцелярию о том не писывали.

Писал Сава Богданов

У Федора Назимова в 719 году и в нынешнем 720 году у главного прихода за Сибирскую губернию такого платежа не было ж.

Писал Федор Назимов

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 75. Лл. 254–254об. Подлинник.

1720 г. августа 24.

**Предписание канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова
Ф.М. Апраксину об исполнении указов Петра I по поводу поступления и
расхода товаров из Сибирской канцелярии**

В 1720 году августа в 20-й день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержца: генералу адмиралу и кавалеру губернатору тайному советнику и президенту адмиралтейской канцелярии графу Феодору Матвеевичю Апраксину с товарищи; Сего августа 2-го дня в указе великого государя из канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии маэора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова; с прочими офицеры в адмиралтейскую канцелярию: К Тебе генералу адмиралу кавалеру губернатору тайному советнику и президенту адмиралтейской канцелярии графу Феодору Матвеевичю с товарищи писано; чтоб в адмиралтейской канцелярии справясь подлинно выписать: в 711 году мая з 7-го дня из Сибирской канцелярии в адмиралтейство в положенное число товаров: на две тысячи рублей, в том числе сто байбереков ценою по адиннатцати рублей байберек; четырнатцать тюней китайки по девять рублей тюнь, а досталныя камками средней руки, ценою по семи рублей постав, приняты ль, и по какому указу; и оных байбереков китайки и камок по цене на сколько рублей и в приход те байбереки, китаки и камки все ль записаны и в котором месяце и числе и кто те товары в адмиралтейство отдавал, да тое выписку за крепкою для следования прислать в канцелярию ведения бригадира и лейб-гвардии маэора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова с прочими офицеры и по тому его великого государя указу из адмиралтейской канцелярии оною ведения, сего августа по 20 число не прислано: И великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержец: Указал по прежнему и по сему своим великого государя указом: о присылке оною ведения из адмиралтейской канцелярии во оную канцелярию свой великого государя указ учинить тебе генералу адмиралу кавалеру губернатору тайному советнику и президенту адмиралтейской канцелярии: графу Феодору Матвеевичю с товарищи; и по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя росии самодержца, генерал адмиралу кавалеру губернатору тайному советнику и президенту адмиралтейской канцелярии графу Феодору Матвеевичю Апраксину с товарищи, учинить по его великого государя указу: [Дмитриев-Мамонов].

*Капитан Пашков
Капитан-лейтенант Бахметев
Смотрел¹⁷⁵ Михайло Иванов*

Записать в книгу пятнатцать по повытью и о всем справясь ответствовать немедленно а зачем по первому указу не ответствовано [отписать].

1720 августа 24-го числа.

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 75. Лл. 258-259 об. Подлинник.

¹⁷⁵ Очевидно, правильно — справил.

1725 г. марта 3.

**[Из журнала исходящих документов повытья 1725 г.]
об указе Екатерины I о возвращении чинов офицерам,
несправедливо отданных М.П. Гагариным в солдаты**

Указ из Сената марта 3 дня в котором объявлено: всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна Самодержица всероссийская указала которые офицеры в чины произведены княз Матвеем Гагариным и другими и за непорядочное во офицеры произвождение написаны в салдаты в гвардию и в другия полки тех всех от салдатства свободить и быть им во офицерских чинах кто в каком определен был по прежнему.

*В повытье Пимена Пареного взял
Иван Васильев марта 4 дня*

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 10. Д. 161. Л. 21. Подлинник.

К. Голодников

* * *

...Что же касается кн. Гагарина, то если история и не может простить ему наклонности его к любостыжанию, за которую он и заплатил преждевременную позорную смертью, то, с другой стороны, она не может и отказать ему в его полезной для Сибирского края деятельности. Кн. Гагарин заботился горячо о благоустройстве г. Тобольска и вообще всего вверенного его управлению края; всеми зависящими от него мерами старался о распространении в нем православия и народного образования; делал от себя значительные пожертвования в пользу церквей и много помогал бедным, особенно пленным шведам.

Князь Матвей Петрович Гагарин был первым губернатором обширной тогда Сибирской губернии и замечательным лицом как по доверенности к нему императора Петра I и богатым своим дарованиям, так и по превратности судьбы своей.

В молодости кн. Матвей Петрович служил стольником при государе; потом в течение нескольких лет продолжал службу свою уже в Сибири.

Около 1699 года приезжал из Москвы в Сибирь думный дьяк Данило Полянский для производства следствия по разным делам над иркутским воеводой князем Иваном Гагариным и братом его, нерчинским воеводой князем Матвеем Гагариным. Полянский, приведя в известность все их имущество, самих воевод заключил под стражу, а товарища нерчинского воеводы Петра Мусина-Пушкина, вызвав в Енисейск, бил кнутом и сослал в Якутск; имение же его взял в казну. Когда же затем он, Полянский, сослал в Якутск и красноярского воеводу Алексея Башковского, то красноярские жители подали на него жалобу и вследствие ее Полянский, не окончив следствия, был отозван в Москву.

Князь Матвей Петрович был оправдан и определен судьей Сибирского приказа, находившегося в Москве. Занимая эту и другие возложенные на него должности, он скоро соискал доверие к себе государя, был близким человеком у кн. Меншикова и находился в родственных отношениях с графом Головкиным и подканцлером Шафировым. Государь, назначая кн. Гагарина полномочным правителем обширной страны¹⁷⁶, вероятно, принимал в соображение, что Гагарин ранее сего знал близко Сибирь и потом, будучи судьей в Сибирском приказе, имел достаточную для новой должности подготовку. Князь Гагарин ехал в Сибирь при весьма роскошной обстановке: от Верхотурья и до Тобольска он плыл на судне, обитом красным сукном, и окруженный многими чиновниками, избранными им для занятия разных должностей в Сибирской губернии. Принимая парадные встречи от встречавшихся на пути городов, он дал в Чердыни обещание построить там в монастыре Иоанна Богослова каменный храм, что впоследствии и исполнил посылкою для работ из Тобольска военнопленных шведов. В то время губерния и провинция

¹⁷⁶ Тобольская, или, правильнее сказать, Сибирская, губерния заключала в себе тогда 30 городов, а именно: Тобольск, Енисейск, Илимск, Тару, Березов, Сургут, Тюмень, Томск, Мангазею, Иркутск, Кузнецк, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якутск, Нерчинск, Красный Яр, Пелымь, Кетск, Кулгур, Великую Пермь, Чердынь, Соликамск, Кай-городок, Яренск, Вятку и на Вятке четыре пригорода. Вообще же она простиралась от Великого Новгорода до Восточного берега Камчатки на 114° длины. (Полн. собр. зак. № 2, 218 — указ 18 декабря 1708 г.)

ее состояли из городов, города из дистриктов, дистрикты из слобод, сел и деревень. Так как новая система разделения государства на губернии по неготовности необходимых для того сведений и при громадном труде приведения их в систематический порядок осуществлялась только в 1711 году, по приезде уже в Тобольск кн. Гагарина, то итог податных дворов, в 1709 году составленный, показывал в Сибирской губернии 49,824 двора: сибирский губернатор был тогда начальником по всем отраслям местного управления. Военная часть находилась в его ведении; обер-комендант был ему помощником по гарнизону. Горная часть до 1715 года состояла также под его управлением. Губернская канцелярия составляла главное административное и вместе с тем судебное учреждение, в ней председательствовал губернатор, слово которого имело решающее значение. Из рук губернатора летели грозные и милостивые распоряжения до Камчатки и за Урал.

Губернская канцелярия помещалась в построенном в 1703—1705 годах для Приказной палаты каменном здании. Возле канцелярии, к северу, по берегу Иртыша, стоял посольский двор, где принимались послы от некоторых владетелей Средней Азии, чаще всего джунгарских. На северо-востоке от Успенского собора находился каменный гостиный двор, построенный в 1703—1706 годах (ныне в этом здании помещается отделение губернского архива).

Около 1715 года по распоряжению кн. Гагарина построена была на горе военнопленными шведами каменная крепость с зубчатыми стенами, начиная от упомянутого выше гостиного двора к западу до берега Иртыша с двумя воротами — Троицкими и Воскресенскими; а над спуском с горы — каменное здание на трех арках с крепостными воротами. В то же время из крепости в эти ворота устроен был Прямской взвоз, от которого шла мостовая по горе до земляного вала, а под горою до Знаменского монастыря. К этой мостовой подходила такая же со стороны Казачьего взвоза. Более же мостовых в городе нигде не было. Архиерейский дом соединялся на северо-западе с гостиным двором и крепостью, представляя своими каменными стенами и башнями как бы продолжение крепости. В 1719 году было дворов в Тобольске на горе 1153 и под горою 2105.

Между прочими правительственными действиями губернатору сибирскому предстояло тогда расширить в Сибири русские владения, устроить в них тишину и порядок и затем переговорами с соседними владениями обеспечить ей границы.

Вследствие этого кн. Гагарин, обратив особенное свое внимание на северо-восток отдаленной Сибири, определил в Якутск обер-комендантом племянника своего для ближайшего наблюдения за делами тамошнего воеводства и вместе с тем предписал якутскому коменданту подробно и основательно разведать о племенах северо-восточного материка и прилегающих к нему островов со стороны Ледовитого моря и Камчатки.

В исполнение этого распоряжения приказчиком Удского острога в р. Уде построены были лодки, на которых якутские казаки в 1712 году и доплыли до устья Тогур и там прожили все лето; в следующем же году были на трех Шантарских островах, где видели множество медведей, волков, соболей и лисец. Пробыв здесь более года, они в 1714 году возвратились в Якутск; где и сообщили сведения, что на Шантарских островах гиялки занимаются звероловством. Не довольствуясь этими сведениями, губернатор в 1716 году поручил полковнику Ельчину внимательно осмотреть тамошние воды и острова, в видах завести торговые отношения с Японией. Для выполнения разных других поручений Ельчину командировал на один из островов боярского сына Филькеева. Команда сего последнего, подойдя к берегу, была между Тогуром и Амуром захвачена гиялками и вся истреблена. Предприятие это не имело дальнейших последствий, так как в конце 1717 года не было уже в Сибири предприимчивого и даровитого губернатора кн. Гагарина. Для сокращения пути в Камчатку, который через Анадырск был далек и даже не безопасен от нападений коряков, —

кн. Гагариным в 1714 году послан был в Якутск к полковнику Ельчину пленный швед Генрих Буш. С ним вместе отправлены были из Якутска в Охотск двадцать казаков, которые и построили там первое судно длиной $8\frac{1}{2}$ и шириною $3\frac{1}{2}$ саж. и в 1716 году пустились на нем в путь. Исполнив по возможности поручение, отряд этот весной 1717 года возвратился в Охотск.

Упомянув выше о пленном шведе Буше, считаем небезынтересным сказать несколько слов и о товарищах его по плену, проживающих в Сибири и принесших ей немалую пользу. Во время управления Сибирью кн. Гагарина присланы были в Тобольск и другие города Сибири военнопленные шведы. Сначала, приведенные из-под Полтавы в Москву, они пробыли там месяц и потом разосланы были в нескольких отделениях, по 100 человек в каждом, по разным городам Архангельской, Казанской и Астраханской губерний, но когда в апреле 1711 года открыт был в Свияжске заговор относительно побега их в свое отечество, то большая часть из них послана была в Сибирь, и Тобольск сделался местом ссылки многих офицеров и нижних чинов. Здесь шведы завели фабрики и мануфактуры: некоторые из них взяли на откуп продажу пива и меда, делали карты, разные вещи из серебра, вытачивали из мамонтовой кости табакерки, коробки, шлифовали дорогие камни, вырезали печати и проч. Ротмистр Гилль был в Тобольске отличным красильщиком; ротмистр Раддеборг вышивал золотом и серебром шапки и чепраки. Корнету Эннесу князь Гагарин заказал сделать для своей огромной залы шелковые обои с золотыми и серебряными цветами и для исполнения этой работы доставил ему все нужные материалы, обещая заплатить по одному рублю за каждый локоть. Этот огромный и медленный труд потребовал пособия нескольких рук и поэтому Эннес приискал себе помощников: ротмистра Маллина и корнетов Горна и Барри. Проработав таким образом несколько месяцев, они так поправили свои денежные средства, что могли каждое воскресенье угощать у себя обедом до 12 человек из своих бедных товарищей, не знавших никакого ремесла. В числе прочих шведов были музыканты, учителя танцевания, актеры и проч. Капитан Врех в 1713 году завел в Тобольске школу, где обучались дети шведов и даже русских из высшего сословия. Капитан Страленберг, автор известного сочинения о России¹⁷⁷, в продолжение своего плена в Сибири ездил по этой стране для снятия ее местностей на карту и, окончив свой труд, отправил его в Москву, а по возвращении в Швецию, в 1730 году, издал эту книгу в Любеке. Корнет Эннес вел записки, но, к сожалению, часть их сгорела потом в Швеции, во время пожара, истребившего небольшое имение вдовы его.

Прежнее устье р. Тобола находилось почти прямо нагорной части Тобольска, и в этом месте тобольная вода делала напор в Иртыш, от чего волны последнего, ударяясь в гору, подмывали ее до того, что огромные глыбы песчано-глинистой земли обрушивались с грохотом в реку, а потому кн. Гагарин, воспользовавшись пленными шведами, и распорядился прорыть выше за три версты канал из Тобола в Иртыш, — и таким образом возникло нынешнее устье Тобола. Добросердечный Гагарин всеми зависящими от него средствами старался облегчить положение пленников и не раз выдавал по несколько тысяч рублей в пособие наиболее нуждающимся из них в средствах к жизни. Шведы, проживая в Сибири, желали вступить в супружество с местными женщинами и девицами, — но последние упорно уклонялись от подобных браков, несмотря на указы Синода, свободно разрешавшие подобные союзы. После этого правительство не нашло лучшей меры к сближению сибирячек со шведами, как поручить Синоду в 1721 году написать к православным русским обывателям послание и именем церкви, со ссылками на Священную историю и Библию, доказать о незазорности браков русских со шведами. Какой успех имело это распоряжение

¹⁷⁷ Stralenberg: Das nord und ostliche Fheil von Europa und Asia. Stokholm, 1730 an.

— неизвестно, ибо 30 августа того же 1721 года заключен был Ништадтский мир, на основании которого все пленные шведы освобождены были без выкупа.

Из записок корнета Эннеса видно, что в Швецию возвратилось не более 600 человек; из числа же остальных одни приняли русское подданство, другие, занявшись торговлею и ремеслами, не захотели променять верные средства к жизни в чужом краю на неверные в отечестве, а некоторые, женившись на русских, не пожелали ехать на родину без жен, которые, на основании одной из статей договора, не имели права выехать в Швецию с мужьями; наконец, из числа пленных многие и умерли в Сибири.

Губернатор кн. Гагарин, исполняя волю императора Петра и по своему собственному усердию к церкви, много содействовал и к распространению в Сибири христианства. Во время управления его митрополит схимонах Феодор обратил в христианство множество остяков, вогулов и других инородцев и построил в приходах их до 30 церквей, на сооружение которых Гагарин много жертвовал из собственности своей. Не ограничиваясь этим, он много жертвовал деньгами и вещами и в разные другие церкви, как в Сибири, так и в России. Например, в Киево-Печерскую лавру — золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями; в Тобольский кафедральный собор — драгоценную митру и т.п. При содействии кн. Гагарина митрополит Иоанн Максимович отправил первую духовную миссию в Пекин, под начальством архимандрита Иллариона.

Горное дело при кн. Гагарине продолжалось в Восточной Сибири. В 1711 году по приказу его отправлено было в Москву с Нерчинских рудников 9 п. 38 ф. серебра. В 1712 году провезено через Тобольск в Москву плавленного серебра из Нерчинска 4 п. 35 ф. 59 зол. По приказу губернатора в 1713 году посланы из Нерчинска в Москву опыты красной меди и медная руда. В 1717 году нерчинский комендант прислал тобольскому губернатору для свидетельства яшмы до 70 пудов.

Во время князя Гагарина в Тобольске существовала продажа песочного золота, привозимого из Яркенда, подвластного в то время джунгарскому конгтайше. Желая овладеть этим городом, а вместе с ним и золотыми промыслами его, Гагарин в 1713 году послал дворянина Трушникову для дознания и покупки золотого песку и, не дождав его возвращения, поспешил представить Петру I образцы купленного золотого песку, причем донести, что от Яркенда до Тары доходят в $2\frac{1}{2}$ месяца и что, утвердясь при озере Ямышевском, стоит только продолжить цепь укреплений чрез джунгарские владения до Яркенда. Представляя проект завладения этим городом, он вызвался устроить по Иртышу крепости, образовать там гарнизоны и содержать их из доходов Сибирской губернии. Государь, одобрив представление князя, отправил в Сибирь по этому делу полковника Бухгольца, повелев ему находиться в распоряжении сибирского губернатора, но вместе с тем и дал ему особую инструкцию. Хотя Бухголец в деле этом и не достиг полного успеха, но все-таки, в видах укрепления русской границы и на случай могущего последовать распространения ее, основал по реке Иртышу несколько крепостей и в том числе Омскую, Ямышевскую и Железинскую.

Возвратясь в Петербург, Бухголец, в видах оправдания своих действий перед лицом государя, очернил перед ним деятельность сибирского губернатора. К тому же, по доносу обер-фискала Нестерова, государю сделались известными некоторые противозаконные поступки князя Гагарина и его громадное богатство. В ноябре 1717 года он вызван был в столицу для присутствования по делу царевича Алексея Петровича, а между тем государь повелел одному из приближенных к нему лиц, заслуженному полковнику, фамилия которого, к сожалению, осталась неизвестною, исследовать на месте справедливость доноса, расспросить под рукою сибирских жителей о поступках их губернатора, и если он окажется действительно виновным, запечатать все его бумаги, привезти оные в Петербург. Покровительствовавший Гагарину князь Меншиков убедил Екатерину посоветовать следователю скрыть от государя неисп-

равности и злоупотребления, какие по дознанию окажутся в Сибири. Но, к несчастью, велед за этим полковником государь тайно отправил в Сибирь одного из денщиков своих для проверки его действий, причем приказал привезти и бумаги Гагарина, если они оставлены без внимания. Полковник сдержал слово, данное государыне, и уверил монарха, что в Сибири все довольны своим губернатором. Денщик же донес совсем противное и донесение свое подкрепил документами, хранившимися в кабинете Гагарина. Государь сильно прогневался на полковника и хотя этот последний, принося повинную, просил о помиловании ради многих полученных им ран в сражениях, но Петр, преклонив колена, поцеловал раны храброго воина — и затем все-таки приказал предать смерти нарушителя присяги.

В 1719 году генерал-майор Лихарев прибыл в Тобольск с двумя поручениями: исследовать малоуспешность командировки Бухгольца; разыскать, подлинно ли есть яркендское золото, и если есть, то дойти до Нор-Зайсана и построить там крепость, и 2) произвести следствие по Сибири об управлении кн. Гагарина. В 7-м пункте инструкции сказано было Лихареву: «Его Величество приказал по городам Сибирской губернии объявить письменно и словесно, что Гагарин недобрый человек и губернатором в Сибири ему не быть, и будет на место его прислан другой». Вследствие этого одни говорили, что яркендское золото — ложь; другие — что Гагарин злоумышлял отделиться от России, для чего и водворены были в Тобольске оружейные мастера и началось делание пороха; третьи же говорили о растрате губернатором государевой казны на свои удовольствия. Лихарев производил следствие с майором Тютчевым, а в Иркутск посылал гвардии капрала Мусина-Пушкина. Но прежде назначения Лихарева следователем по настоящему делу, Сенат по доносу тобольского обер-фискала Нестерова, чрез доверенных лиц на месте, имел уже ясные доказательства о сибирских злоупотреблениях, так что 11 января того же 1719 года объявил взяточниками и разорителями народа комендантов, комиссаров, дьяков и недорослей, которых кн. Гагарин привез с собою из России, а равно и самого Гагарина. По окончании суда над царевичем Алексеем Петровичем, кн. Гагарин заключен был в адмиралтейскую тюрьму, где и содержался около двух лет. По словам же Бассевича и Бухгольца, он был пытан и бит кнутом, но во взведенных на него преступлениях не сознался. 16 марта 1721 года кн. Гагарин приговорен был к смерти на виселице, которая и устроена была против окон Юстиц-коллегии. Государь, многие вельможи, сенаторы, престарелая супруга кн. Гагарина и его дети были во время казни в этой коллегии и видели позорную кончину несчастного. Сын Гагарина, также изобличенный в лихоимстве, разжалован был в матросы и лишен права на отцовское наследство. По смерти Гагарина найдено было 3500000 рублей, множество золота, серебра и драгоценных камней.

В частной жизни князь Гагарин удивлял всех несметным своим богатством, великолепием и роскошью. За официальным обеденным столом кушанья у него подаваемы были на пятидесяти серебряных блюдах; в доме его находилось множество серебряных и золотых приборов и разных других драгоценных вещей. Стены комнат убраны были шелковыми, вышитыми золотом и серебром обоями, а в двух комнатах даже выложены сплошь жемчужными раковинами; полы устланы дорогими персидскими коврами. Роскошь и великолепие обстановки кн. Гагарина доходили до того, что колеса у кареты его были окованы серебром, а подковы у коней — серебряные. Торжественные обеды и балы происходили с музыкою: трубами, литаврами и органами; во время таких празднеств из окон дома его бросаемы были черному народу горстями серебряные деньги, как говорилось, «на драку». В московском же доме его на Тверской, стены были зеркальными; на стеклянных потолках, снабженных водою, плавали разнородные рыбы. Образа, находившиеся в спальне его, обложены были бриллиантами и стоили, по свидетельству тогдашних ювелиров, более 130000 руб.

Сообщив дошедшие до нас сведения об управлении и частной жизни кн. Гагарина, остается сказать несколько слов о более или менее замечательных событиях, случившихся во время пребывания его в Тобольске. В 1711 году на 25 августа ночью загорелся большой мост в Соликамске, а потом торговые ряды, канцелярия, земская изба, таможня, соляные амбары и, наконец, церковь Рождества Христова; в сентябре открыт был и зажигатель, усалец Егор Лаптев, который и был закопан живой в землю. В том же году по царскому указу приезжал в Тобольск лейб-гвардии Преображенского полка прапорщик Иван Арсеньев для получения ведомостей за все губернии и отсылки их в Камер-коллегию. За недоставление их в свое время он держал всех судей в канцелярии под караулом в цепях в течение 18 месяцев. В 1716 г. был в Иркутске пожар, истребивший крепость и несколько обывательских домов. В 1714 году в Тобольске получено казенных сборов: таможенного 8953 р. 85 к., табачного 17019 р. 1 к., за мед и пиво 1799 р. 82 к., кабачного 1123 р. 45 к. и от продажи карт 25 р. 45 к., а всего 28921 р. 58 к...

К. Голодников. Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск, 1887.

П. Милюков

* * *

...поступление 1707 г. было на целых 125 тысяч ниже старого оклада, по которому взимались, до учреждения губерний, сборы Сибирского приказа...

...Как в действительности поступали доходы Сибирской губернии по этому окладу, — об этом губернатор кн. Матв. Гагарин, по-видимому, умышленно старался не сообщать сведений: он не посылал ни ведомостей третних и годовых о приходах и расходах губернии, ни самих подлинных документов, когда Сенат требовал их для ревизии¹⁷⁸. Вероятно, по этой причине единственные сведения, какие мы имеем о действительном приходе Сибирской губернии, принадлежат самому губернатору, даны им уже после следствия над ним и не основаны ни на каких определенных документах¹⁷⁹. Впрочем, если бы мы даже и не имели этих цифр, мы могли бы предположить (по аналогии со следующими далее губерниями), что при низкой оценке оклада 1711

¹⁷⁸ См. об этом в перечне неисправлений сибирского губернатора. Арх. Мин. юст. Дела Сената по Сибирск. губ. Кн. 2/154. Лл. 502—504.

¹⁷⁹ Госуд. арх. Каб. д. Кн. № 45. Л. 491 (прошение Гагарина 28-го мая 1720 г.):

1706 — 145772	1710 — 281551	1714 — 314872
1707 — 171312	1711 — 403290	1715 — 302189
1708 — 162171	1712 — 227219	1716 — 412162
1709 — 607804	1713 — 368322	1717 — 647525

Он высчитывает здесь свои сборы для «хотя малаго какого оставления в вине». К ревизии кн. Вадбольского подлинныя документы из Сибирск. губ. также были представлены слишком неполно, так что Вадбольский должен был просто переписать в свой отчет ведомости «ландрихтера Чепелева и дьяков сибирской канцелярии». По этим ведомостям, оборот сумм 1710 г. был следующий (Арх. Мин. юст. Кн. № 37/37. Лл. 489—490):

Остаток от 1709 г.	405743
Приход из доимки	131279
Осталось за китайским отпуском и взято из долгов	32025
Окладных и запросных (по смете: окл. 274884 р. запр. 55708 р.) поступило	87923
Всего	656970 (подл. 655169)
Из того числа в расходе	296763
Остаток к 1711 г.	360207 (подл. 358406)

г. действительные сборы будут превышать его, не говоря уже о сборах сверх таблицы. Это предположение вполне подтверждается возникшими против кн. Гагарина обвинениями. О губернаторском «расхищении» казны доносил еще в 1712 и 1713 гг. фискал Нестеров. В 1715 г. кн. Гагарин был вызван в Петербург и должен был «отвечать» на обвинения перед следственной комиссией кн. Вас. Вл. Долгорукова. Одним из важных, по-видимому, пунктов обвинения против него было то обстоятельство, что оклад 1711 г. показан им слишком низко: «то явная губернаторская неправда и похищение казны». Обвинение исходило из сличения таблицы с собственной ведомостью сибирского губернатора за 1710 г., поданной в 1711 г.: 1) Там ясаку показано было в сборе 56482 р.; по таблицы значилось 49685, «а наперед сего до 1705 г. из одних сибирских городов (к которым относится последняя цифра) в сборе бывало ясаку с лишком по 100000 р.». 2) Таможенных и кабацких сборов было в 1710 г. собрано 27591 р. (т.е. меньше таблицы); «а наперед сего в одной Сибири собиралось больше одних таможенных доходов; а ныне сказывают, что в Сибирской губернии таможенных и кабацких собирается близ 100000 р.». 3) От железных заводов, вместо показанных в таблице 2293 р., получено было в 1710 г. 20387 р.; следовательно, действительный сбор превышал табельный на 18094 р. или, как выражалось в обвинении, — этих денег «в таблице не дописано». 4) Наконец, из Камчатки, «которая обыскана вновь», привезено было в 1713—1714 гг. пушного товара на 49600 р., «а в ведомостях нигде он, губернатор, не объявил»¹⁸⁰. В этом, конечно, и состояла его вина: в «необъявлении» прибора, — так как определение самого оклада по данным 1705—1707 гг. было сделано по распоряжению Сената и, разумеется, не было виной губернатора, что оклад оказался слишком низок.

Итак, действительные поступления Сибирской губернии, несомненно, значительно превышали оклад. В следующий же год и окладной расход губернии был увеличен: с 1712 г. оклад Посольского приказа возрос на 936 р.¹⁸¹, и в Петербург к городским делам велено было ежегодно посылать по 5836 р. С 1714 г. к ежегодным окладным платежам присоединились еще 3235 р., которые Сенат считал возможным сэкономить на ее служебный персонал, и которые велено было присылать в канцелярию Сената. Кроме этих, постоянных по величине, прибавок к окладу, ежегодно расходовались значительные цифры запросных сборов, размер которых колебался из года в год, но назначение которых оставалось, большею частью, то же. Сюда относятся, главным образом, сбор вместо присылки рабочих в Петербург к «гаванному делу», по 10 р. за человека; затем целый ряд сборов на фураж и провиант в Петербург, в Смоленск, в Ригу¹⁸². С другой стороны, окладной расход губер-

Сравнивая эти цифры с показанными Гагариным, можно прийти к заключению, что Гагарин имел в виду только приход текущего года, но не принимал в расчет остатков от предыдущих лет.

¹⁸⁰ Все эти обвинения по Госуд. арх. XXIV. № 1.

¹⁸¹ Докл. и пр. II, 1, 298.

¹⁸² Наиболее полное перечисление этих сборов находим в Арх. Мин. юст. Дела Сената по Сибирск. губ. Кн. 4/156. Лл. 52—57: выписка об окладе и высылке из губернии по поводу следствия над кн. Гагариным. По собранным здесь и подтверждаемым по частям другими источниками цифрам (см. особенно Докл. и пр. III, 686, след.), оклады запросных сборов были следующие:

	В С.-Пб. губ. за рабочих	Провиант и фураж	За подводьямшикам	За лошадей Каз. губ.	Итого	Окладной расход	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1711	30486	—	—	—	30486	222080	252.566
1712	31440	12651	14580	5228	63899	228852	292751

нии уменьшился с 1712 г. на всю цифру субсидии, которую должны были платить Сибирской губернии, но не платили, губернии Московская и Казанская¹⁸³.

Уплаты по окладу уже в 1710 и 1711 гг., когда денежная наличность в губернии по показаниям ландрихтера Чепелева была весьма велика, — производились тем не менее не особенно аккуратно. За 1710 год еще к 1711-му и даже 1712 г. не дослана была почти четверть взносов; за 1711 г. не дослано более трети¹⁸⁴. Далее неаккуратность взносов быстро прогрессирует. К 1715 г. считалось уже «из той губернии против табели запущено в доимке многия тысячи рублей» — именно 70761 р.¹⁸⁵ Но особенно велики становятся недоплаты Сибирской губернии с 1715 года, в котором губернатор ездил в Петербург. С этой поездки он сам ведет начало неисправлений своей губернии. «А та многая недоплата в положенныя места, — говорится в одном из его донесений, — учинилась от того, что в прошлом 1715 г. по имянному Его Царского Величества указу велено мне быть в С.-Петербурге, а в губернии всякое управление велено ведать кроме меня обер-комиссару Ив. Бибикову, и тот 1715 год даже и до половины 1716 г. все правил он, Бибиков; и той ради моей отлучки учинилось великое неисправление, а в сборах помеша-

1	2	3	4	5	6	7	8
1713	32220	4858	—	—	37078	228852	255930
1714	25820	38747	3200	—	67767	232087	299854
1715	25820	37281	—	—	63101	232087	295188
1716	31140	28400	—	—	59540	232087	291627
1717	31140	45195	—	—	76335	232087	308422

Напомним, что в счете оклада здесь не приняты 45006 р., платившиеся прямо в Адмиралтейство из губерний Московской и Казанской. Затем, здесь не введены в счет *собственные расходы* губернии (служителям и всякого чина людям), исчисляемые в 66952 р. (Арх. Мин. юст. 2/154. Л. 1050; в Госуд. арх. XXIV № 1 — 66879 р. на содержание 19549 челов. в 19-ти городах Сиб. губ., *ср.* § 17, стр. 169, пр. 2). и *неокладный расход* губернии, исчисляемый (в обоих источниках) в 12000 р. (дачи посланцам, ясачным, аманатам, на заводах рабочим). В своем доношении 28-го мая 1720 г. Гагарин показывает цифры табельного расхода 288786 р. (в том числе жалованье гарнизонным и всякого чина служилым людям 75202 р.) и по сенатским указам 86888 р. (в том числе в Петербург за рабочих 20733 и за провиант 49824 р. — цифры не точные, как видим), всего 375674 р. Госуд. арх. Каб. д. Кн. № 45. Л. 491.

¹⁸³ Указ 17-го декабря 1712 г. Докл. и пр. II, 2, 403, 454 и выше. На Сибирскую губернию положена была уплата 88283 р., вносившихся в Адмиралтейство по табели 1710 г. из соляного сбора. С этой прибавкой старый оклад Адмиралтейского пр., положенный на Сибирскую губернию (22597 р.), повысился до 110880 р. Из этой цифры Сенат и решил, после двукратных представлений (12-го мая и 5-го августа 1712 г.), возложить 45006 р. прямо на Московскую и Казанскую губернии взамен положенных на них субсидий (Арх. Мин. юст. Дела Сената по Сиб. губ. Кн. 2/154. Лл. 810—813, 816). 16-го февраля 1715 г. велено платить в Адмиралтейство из Сиб. губ. по 18254 р. ежегодно (*ibid.*, лл. 877, 879).

¹⁸⁴ В 1711 году не было выслано еще на 1710-й: в *Военный* приказ (из 109089) — 4142 р. (Докл. и пр. 1, 8, 18, 69; не доплачен еще и в январе 1712 II, 1, 45); в *Адмиралтейский* (из 22597) — 7532 р. (I, 66—67); в *Артиллерию* еще в конце мая 1712 г. не дослано (из 17170) — 13477 р. (II, 2, 121, 197); в *Посольский* приказ, кажется, выплачено сполна, потому что в 1712 г. доимка числится только за 1711 г. Итак, не дослано 38168 р. из 161868 р., т.е. 23,5%. За 1711 год из 171210 не дослано 60151 р. (Арх. Мин. юст. 2/154. Л. 494), т.е. 35%.

¹⁸⁵ Арх. Мин. юст. 2/154. Лл. 531—534: к 21-му июля 1715 г. не доплачено на 1711 г. — 787 р.; на 1712 г. — 3689; на 1713 — 9986; на 1714 — 56289 р.

тельство¹⁸⁶. Вероятно, это «великое неисправление» было одной из причин того, что старым и новым доносам Нестерова дан был ход; из комиссии кн. Вас. Вл. Долгорукова, ведшей дело, по словам Нестерова, «с закрытием, как ему, Гагарину, в том надобно», следствие передано в новую комиссию Дмитриева-Мамонова с товарищами. Когда осенью 1718 г. эта комиссия начала свое разбирательство, недосылка за Сибирской губернией по справкам в канцелярии Сената считалась следующая (кн. Гагарин поспешил ввиду возобновленного следствия уплатить часть доимки, именно 215229 р.; состояние недоплат после этих взносов, к 1-му октября 1718 г. показано во втором ряду цифр¹⁸⁷:

1713	8308	8308
1714	10297	9177
1715	112219	81737
1716	106730	83123
1717	283229	124210
Итого	520783	305554

Нет никакого сомнения, что князь Гагарин был действительно виноват в тех преступлениях, за которые его повесили; но в этой недосылке он был виноват, во всяком случае, не в полной мере. В Сибирской губернии, как и в других, часть уплат производилась вместо посылки в «определенные места» на месте, по специальным распоряжениям Сената; здесь точно так же эти уплаты вели к бесконечной переписке о зачетах их в счете табельных взносов. Первым делом Гагарина при возбуждении дела было подать список этих следующих к зачету расходов. По списку Гагарина¹⁸⁸ следовало зачесть и скинуть со счетов Сибирской губернии

¹⁸⁶ Арх. Мин. юст. Дела Сен. по Сиб. губ. Кн. 2/154. Лл. 1086–1090, донесение 8-го августа 1718 г.

¹⁸⁷ Ibid., кн. 4/156. Лл. 56–57. О доносах Нестерова *ср. Соловьев*, XVI, 243–247. О влиянии в этом деле Меншикова *id.*, XVIII, 151.

¹⁸⁸ Арх. Мин. юст. Кн. 2/15. Лл. 1086–1090, цитированное выше донесение Гагарина 8-го августа, где цифры недосылки показаны вообще несколько ниже принятых в тексте цифр, сообщенных канцелярией Сената, всего в сумме 315011 р. К зачету губернатор представил следующие расходы:

в 1715 и 1716 гг. отпуск для строения крепостей у Ямышева озера подполковника Бухгольца стоил губернии	115373 р.
в 1716 г. взято в долг царск. велич. китайских товаров	5438 р.
в 1718 г. отпущено соболей к Прусской королеве и в Посольский приказ	7620 р.
отдано торговым людям за взятую у них юфть	34577 р.
в 1717 г. куплено на Вятке хлеба и доставлено в Архангельск около 30 тыс. четвертей (если считать по 1 р. 40 к. за четв.)	42000 р.
Итого	205008 р.

Кроме того, доимки в Посольский приказ, по утверждению губернатора, вовсе не было, в Артиллерийский приказ есть доимка только на 1717 г. — 4306 р.; а числящийся в доимке ежегодной уплаты 3235 р. из расходов, которые велено «отставить» в губернии и выслать в казну Сената, — он не признавал, так как «тех расходов отставить невозможно» и соответственной суммы присылать не из чего. (*Ср.* подобный ответ из Казанской губ.). Всего, по его счету, этой напрасно сочтенной на губернии доимки было 76078 р., а вместе с предыдущей зачетной суммой — 281085 р. следовало из числившейся на губернии доимки скинуть. Так как по этому донесению доимки сочтено было всего за С.-Петербургской губ. 315011 р., то доплатить оставалось 33926 р. «И то отдано будет товарами ныне в скорости», — кончал губернатор свое доношение 8-го августа.

281085 р. Конечно, отдельные статьи поданного им счета были подозрительны: часть сумм, якобы отпущенных с Бухгольцем на строение крепости, он мог положить к себе в карман или поделить с последним; купленный на Вятке хлеб мог утратить, вместо отсылки к Архангельску. Но самого факта расходов в счете таблицы это не уничтожает: признав же этот факт, мы приходим к заключению, что часть недосылки, во всяком случае, должна была покрыться зачетом, как и в других губерниях. Конечно, здесь, как и в других известных нам случаях, Сенат мог отказать в зачете и требовать, чтоб соответствующие расходы были производимы сверх таблицы, из прибыли доходов. Насколько возможно было уплачивать из прихода губернии обе категории расходов, трудно сказать при наших не совсем надежных сведениях о приходе Сибирской губернии; если верны цифры, показанные губернатором (выше, стр. 348, прим. 2-е), и если примем средний окладной расход губернии в 350 тысяч, включая ее собственные расходы (стр. 350, пр. 1), то приходим к вероятному заключению, что при расходах сверх окладного эта цифра, действительно, не всегда могла уплачиваться¹⁸⁹...

И. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905.

В. Корсакова

* * *

Гагарин, князь Матвей Петрович, сибирский губернатор, сын кн. Петра Афанасьевича, казнен 16 марта 1721 г. В боярских книгах он показан стольником уже в 1686 году, но первое упоминание о его службе относится к 1691 году. С сентября этого года он был в течение двух лет товарищем воеводы в Иркутске у своего родного брата, кн. Ивана Петровича Гагарина, с 1693 до 1695 г. — воеводой в Нерчинске, или, как тогда называли, «в Даурех», на границе китайской. Во время его воеводства в Нерчинске был прислан в Китай царями Иоанном и Петром Алексеевичами поверенный, чтобы разузнать, принят ли китайским богдыханом мирный договор, заключенный в Нерчинске в 1689 г. Поверенным этим был датчанин Елизарьев сын Избрант, торговавший в России с 1677 г. Перед отъездом Избранта из Пекина, уже после отпусковой аудиенции у богдыхана, ему были вручены от имени китайского вельможи Сомготу три «листа» к кн. Гагарину. В них подтверждалось запрещение русским подданным ловить зверей на китайской земле и сообщалось новоизданное повеление богдыхана относительно количества людей, которое может сопровождать послов, едущих в Пекин. В 1695 г. Гагарин отозван из Нерчинска, а в 1696 году издан именной указ о взятии с торговых людей поморских городов, которые торгуют в Сибири, показания относительно уплаты ими таможенных пошлин в 1692—1695 гг., в бытность воеводами в Иркутске стольников князей Ивана и Матвея Петровичей Гагариных, а в Якутске кн. Ивана Михайловича Гагарина. Очевидно, что до Москвы дошли слухи о их злоупотреблениях, и решили эти слухи проверить. Торговые люди должны показать, сколько чьих товаров (воевод, их родственников и знакомых) было в караванах в Китай, а также сообщить, не ездили ли с ними туда родственники и знакомые каких-либо воевод? Далее дело шло уже о злоупотреблениях вообще сибирских

¹⁸⁹ Вывод этот затрудняется, однако, сделанным выше наблюдением, что в цифрах Гагарина не приняты в счет остатки прошлых лет. С таким остатком в 1710 г. наличность была 656 тысяч. В донесении 28-го мая 1720 г. Гагарин заявляет, что «за отдачей и всякими расходами осталось наличных товаров и денег по отлучении моем на 957 тысяч, что явно по поданной ведомости в Сенат». Как составила последняя цифра, мы, к сожалению, не знаем, а потому не можем ею воспользоваться.

воевод. Кн. Матвей Петрович был, по-видимому, не безупречен и пользовался своим положением воеводы хотя бы для дешевой покупки в Китае тех вещей, которые дорого ценились в России; это можно заключить из судного дела, возникшего в 1700 г. вследствие отказа Гагарина уплатить «работные» (по-теперешнему комиссионные) деньги одному алмазнику за покупку им в Китае для князя драгоценных «каменьев», жемчугу и пр.

Какого рода службу нес Гагарин в течение пяти лет, со времени возвращения в 1695 г. из Нерчинска до 1701 г., неизвестно. Несмотря на то, что в 1701 г. Петр Великий поручил Гагарину надзор за деланием шлюзов в разных местностях Европейской России, неисправности его нерчинского воеводства еще не были забыты. 1 февраля 1701 г. воеводой в Нерчинск отправлен стольник Юр. Богд. Бибилов, и ему дан особый наказ, в 7 пункте которого предписывалось «сыскать накрепко всеми Нерчинского города и уездов и острожков Нерчинского приезде русскими людьми и иноземцы, от чего в Нерчинске при кн. Матвее Гагарине в 203 г. (1695), а при Иване Николаеве в 207 г. (1699), великого государя ясачной казне учинился многий недобор». Чем кончился сыск Бибилова — мы не знаем.

После взятия Азова и Азовского моря в 1696 г. Петр I пожелал соединить Дон с Волгою, чтобы север России мог принять участие в движении по новому водному пути, и для этой цели нашел наиболее пригодным Иван-озеро (в теперешней Тульской губернии), соединяющееся посредством Шати и Упы с Окою. Главным начальником работ был назначен Гагарин, заведовавший также и «перекопными» работами в Вышнем Волочке для соединения Балтийского моря с морями Каспийским и Черным посредством каналов (из Волги Тверцою вверх, из Тверцы во Мсту, а Мстою в Новгород, и оттуда в Балтийское море). Так как Вышний Волочек отстоял от Ивана-озера на 560 верст, то для удобства надзора за работами в Вышнем Волочке в 1703 г. кн. Гагарину дан в помощники его брат кн. Василий. С 1701 г. по 1707 г. Гагарин неустанно трудился над выполнением предписания Петра I относительно делания шлюзов. К весне 1707 г. было готово 24 шлюза, и работы по соединению Волги с Доном были доведены до того, что 300 кораблей прошло по каналам, соединявшим промежуточные реки, которые снабжали их водою.

Приставив Гагарина к своему любимому делу — расширению и упорядочению водных путей, Петр тем самым приблизил к себе князя, а потому весьма естественно, что в 1703 г., на торжественном открытии в Воронеже водяных сооружений, Гагарин был в числе тех близких к Петру лиц, список которых он приложил к своему письму на имя кн. Меншикова. В 1703 г., будучи в Новгороде, кн. Гагарин распорядился отправкой хлеба на устье Волхова на плотам и стругах.

В 1706 г. кн. Гагарин назначен «начальным человеком» Сибирского приказа, а с ним в товарищах дьяки Ив. Чепелев и Афан. Герасимов. Согласно царскому указу, ему велено писаться «генеральным президентом и Сибирских провинций судьбою». Так как Сибирский приказ и Оружейная палата ведались одним судьбою, то Гагарину приходилось выполнять приказания Петра I об изготовлении и высылке оружия, знамен и т.д. Мы находим мелочные, но любопытные указания на круг деятельности Гагарина в 1706—1707 гг. в переписке Петра I с самим Гагариным, а также с кн. Ф.Ю. Ромодановским, известным под именем «князя-кесаря», с кн. Никитою Ив. Репниным, кн. Меншиковым, Т.Н. Стрешневым, Б.П. Шереметевым, Ив. Алексеев. Мусиным-Пушкиным и Кир. Алексеев. Нарышкиным.

В мае 1707 г. Гагарин был назначен московским комендантом и как раз в это время приказано «Кремль и Китай фортификавать», вследствие слуха о намерении Карла XII идти из Саксонии в Польшу для вторжения в Россию. Весной 1708 г. усиленно шли работы на укреплениях, и сначала издан был приказ отобрать у иностранцев, живших в Москве, всех русских слуг без разбора в солдаты, а затем

потребовали с домов Немецкой слободы людей для работ на укреплениях (с трех печей по одному человеку). Английский посланник Витворт был возмущен этим и с трудом выхлопотал у Гагарина разрешение англичанам сохранить слуг по списку, представленному им кн. Гагарину.

В бытность московским комендантом Гагарин, кроме исполнения своих прямых обязанностей, должен был немало времени и внимания уделять шведским пленным. 25 августа 1708 г. Витворт писал статс-секретарю Бойлю: «Генерал-адыютант Канифер (шведской службы) привезен сюда на прошлой неделе и помещен у коменданта, кн. Гагарина, которому приказано разделять с ним свой стол и вообще обращаться любезно». Через год того же Канифера и генерала Горна за тайную переписку с их правительством велено заключить под строгий караул в тюрьму, где они и просидели три месяца. Размещение в 1708–1709 гг. шведских пленных в Можайске, Серпухове и подмосковных селах и деревнях, назначение их к городским работам и приглашение на русскую службу также возложено было на кн. Гагарина.

Усиленно заботясь о распространении в России технических знаний и об улучшении существующих заводов, Петр I велел Гагарину в августе 1709 г. отдать англичанину Вилиму Лойду стеклянные заводы в Москве, близ с. Воробьева, на 10 лет с обязательством увеличить стеклянное производство и обучить этому делу 12 русских. Случалось, что Гагарин должен был исполнять поручения лично для царя, например, изготовить и выслать ему теплое одеяло на лисьем меху, крытое парчой.

В начале 1700-х годов печатание книг в России, исключая церковные, зависело исключительно от воли и распоряжения царя, а исполнителем его приказаний был начальник Московской типографии Ив. Алексеев. Мусин-Пушкин. Директором этой типографии с начала 1700-х годов до 1722 и с 1726 по 1731 г. состоял бывший прежде «справщиком» Федор Поликарпов; что же касается гравирования чертежей и фигур к выходящим книгам, то наблюдение за этим в 1708–1709 гг. было возложено на кн. Гагарина. Сохранился целый ряд писем кн. Гагарина к Поликарпову, а также письма Мусина-Пушкина и Виннуса, из которых мы узнаем, между прочим, подробности о медленном выполнении чертежей к трактатам: 1) механики и 2) о «вейверках», т.е. фейерверках, а также к книгам по архитектуре, артиллерии и геометрии. Ощущался недостаток в граверах; это можно заключить из следующего письма Мусина-Пушкина к царю: «а г. Гагарин сказал, которые книги у него были архитектурная и фортификаческая, и те книги послал он к тебе, государю, а фигуры де геометрические умедлил сделать мастер (гравер Пикард) для того, что многия иныя твои государевы были дела, да и болен многое время был».

Должность московского коменданта налагала на Гагарина обязанности представительства; он умел держать себя с достоинством, и насколько ценили его внимание даже высокопоставленные лица, можно заключить из заметки кн. Бориса Ив. Куракина, относящейся к 1709 г.: «Приезд до Москвы ставлю себе за счастье от всех в приемности особливой всего моего веку. Но остатие покажу то, что при отъезде моем самом имел в доме своем столько персон знаменитых, как кн. Гагарина — коменданта московского, так и других прочих». В июле 1709 г. Полтавскую победу праздновали в Москве в течение трех дней со всевозможными проявлениями радости; с московских укреплений сделано несколько тысяч выстрелов; было два обеда: один у царевича Алексея Петровича, другой у кн. Гагарина. Барон Гизен говорит в своих «Записках», что Гагарин велел выставить перед своими палатами для народа и шведских пленных много бочек с вином, водкою, медом и пивом и достаточное количество кушанья. Месяц спустя после этих торжеств 4-го августа в Москве был сильный пожар; сгорело около пяти тысяч домов, из которых многие принадлежали знатнейшим лицам, в том числе сгорел новый дворец кн. Гагарина.

При учреждении в 1708 г. губерний, в Сибирскую губ. был назначен «московский комендант и генерал-президент, Сибирский провинциальный судья» кн. Гагарин. Война 1708—1709 гг. с Карлом XII не дала Петру I возможности подвинуть введение губернского устройства, и только в конце 1709 г. ему удалось прибыть в Москву, а в январе 1710 г. начальники губерний занялись подготовительными работами по собиранию в городах и приказах сведений о доходах, подлежащих взиманию в их губерниях. Гагарин прожил в Москве весь 1710 год и половину 1711 г., несмотря на то, что 6 марта 1711 г. получил официальное звание «сибирского губернатора». Посмотрим, какого рода указы посылались ему в 1710 г. и как, живя в Москве, он должен был одновременно с распоряжениями в качестве московского коменданта, заботиться о приведении в исполнение царских указов, касавшихся Сибирской губернии. Вследствие пожара, бывшего в Москве в августе 1709 г., Петр I приказал сломать в Кремле и Китай-городе деревянные строения и лавки и заменить их каменными; несостоятельные люди должны были меняться местами с богатыми, имеющими возможность строить из кирпича, причем Гагарину велено следить, чтобы при этой мене не были обижены «убогие». В Белом и Земляном городах, напротив, не дозволено вновь строить каменных домов. Петр I требовал в течение 1710 г. из Москвы в Петербург полки Московского гарнизона, шлюзных мастеров, несколько тысяч мастеровых для адмиралтейских и городских работ, годных для военной службы молодых царедворцев, солдат и рекрутов и 1000 солдат в Рижский гарнизон. Весной 1710 г. кн. Гагарину велено осмотреть большие Боровичские пороги и принять меры для удобного судоходства по реке Мсте; в конце июля — выслать в Петербург огородные семена и корни и 13 молодых ребят, для обучения «огородной науке»; в сентябре — потребованы золотая парча и соболи к бракосочетанию царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндским Фридрихом. Так как в Москве находилось много пленных шведов, то царь возложил на Гагарина надзор за лицами, ведущими переписку со Швецией, а 1 сентября того же 1710 г. ему приказано выслать в Петербург пленных шведских генералов Пипера, Рейншильда и Зедергельма, под надежным караулом. Работники к городским работам в Петербурге требовались не только из Москвы, но из Сибирской губ., где кроме того приказано заготовить провиант (13269 четвертей муки) и набрать 738 рекрутов. В конце 1710 г. велено было Гагарину командировать особое лицо, для распределения пленных шведов, бывших в Азове и Воронеже, по разным городам Сибирской губернии. Этим не исчерпывался еще, однако, круг деятельности кн. Гагарина: 9 декабря 1710 г. он получил от царя собственноручную записку о собирании сведений о всех государственных доходах и расходах на армию, гарнизон, флот и губернии.

В половине 1711 г. Гагарин отправился в Сибирскую губернию; кроме азиатской Сибири, в эту губернию входили также некоторые «приписные поморские города», именно верховья Вятки и Камы и почти все течение Вычегды; на первых двух реках она граничила с Казанской губернией, на последней с Архангелогородской губ. Табель 1711 г. определила доход Сибирской губернии в 222080 руб., приняв за точку отправления «не взятые трех лет» (1705—1707 гг.), а лишь «взятые» одного 1707 г., когда поступление было на 125 тысяч ниже старого оклада, по которому взимались до учреждения губерний сборы Сибирского приказа. Кроме таможенных и кабацких сборов были еще две важные статьи дохода: ясак и торговля с Китаем. Гагарин, его родственники и приятели, по-видимому, с первого же года его губернаторства в Сибири, стали обогащаться от этого китайского торгового ущерб казне. Слухи о недобросовестных деяниях сибирского губернатора дошли до царя, и он велел Гагарину вывезти из Сибири всех своих свойственников. В 1712 г. Гагарин был в Москве; 13-го мая выгорела почти треть города (около 15 тысяч домов, не считая надворных строений и служб), причем дом Гагарина разрушен, несмотря на то, что он был каменный. При Гагарине находилась в Москве его «походная Сибирская

канцелярия», в которой он 12-го июня разобрал какой-то политический донос, а 13-го июня выехал в Сибирь, как видно из того, что ландрихтер Чепелев подписал в этот день указ, которым приказывается хранить в Тобольске денежную казну «до приезда в Тобольск губернатора кн. М.П. Гагарина». Тобольск, расположенный на левом берегу Иртыша, разделялся на верхний и нижний город. В верхнем городе по указу царя Гагарин построил каменную крепость, названную кремлем.

В конце 1713 г. Гагарин получил от царя дозволение прибыть в Петербург. Вместе с ним приехал и горный инженер Блюгер, по поручению Петра I, основательно познакомившийся с Сибирью. Для упорядочения уже существовавших рудников и открытия новых Блюгер считал необходимым употребить много работников и значительную сумму денег, о чем и представил донесение царю. Сенаторы воспротивились предприятию Блюгера, так как желали, чтобы все издержки были покрыты в первый же год, что, конечно, было невозможно. Кн. Гагарин привез из Сибири золотого песка, местонахождение которого открыл только царю; из фунта этого песка Блюгер в присутствии царя получил 28 лотов чистого золота. Брауншвейгский резидент при петербургском дворе Вебер так описывает свое посещение Гагарина в его петербургском доме: «Кн. Гагарин, в бытность мою в России, давал посредственный (т.е. не особенно парадный) обед, на котором подано было более 50 рыбных блюд, различнейшим образом и на постном масле изготовленных. Этот вельможа ел на серебре, жил великолепно и держал себя по-княжески, особенно когда был губернатором Сибири. Он провел меня в свой кабинет и показал икону, которая вся была унизана драгоценнейшими бриллиантами, и тамошние ювелиры уверяли меня, что эта святыня стоила князю 130000 рублей». Со слов Блюгера, тот же Вебер записал интересные подробности о встрече Гагариным китайского посольства на границе Сибири и об обеде, данном в честь этого посольства. По свидетельству Блюгера, Гагарин, которого «можно сказать, боготворят в Сибири за его щедрость и доброту», в продолжение трехлетнего своего губернаторства раздал всем пленным с лишком 15000 рублей.

Возвратившись из Петербурга в Сибирь, Гагарин согласно воле царя отправил в 1714 г. в Охотск из пленных шведов достаточное количество матросов и корабельных плотников, и они построили там морские суда; среди пленников оказался искусный штурман Генрих Буш, родом голландец, и с этого времени установилось водяное сообщение из Охотска в Камчатку. В том же 1714 г. Петр I отправил в Тобольск подполковника Бухгольца, вспомнив про донесение Гагарина о находимом в Малой Бухарии, в калмыцком владении при городке Эркети, в реке Дарье, песочном золоте. По инструкции царя Бухголец должен был взять у Гагарина 1500 воинских людей и несколько шведов (инженеров и сведущих в минералах), построить у Ямышева озера крепость, овладеть городом Эркети и разузнать, в каких именно местах р. Дарьи находится золото.

В 1715 г. Гагарин был вызван в Петербург и должен был «отвечать» на обвинения перед следственной комиссией кн. Вас. Влад. Долгорукого. Одним из важных, по-видимому, пунктов обвинения против него было то обстоятельство, что оклад 1711 г. показан им слишком низко: «то явная губернаторская неправда и похищение казны». В действительности же Гагарин был виновен в «необъявлении прибора», т.е. в том, что он скрывал поступления, превышавшие табель; что касается определения самого оклада по данным 1705–1706 гг., сделанного по распоряжению Сената, то не губернатор был виноват, что оклад оказался слишком низок. Несомненно, что поступления Сибирской губ. значительно превышали оклад, но в то же время увеличивался и окладной расход губернии. Гагарин крайне неаккуратно высылал в Петербург окладные сборы. Особенно велики становятся недоплаты Сибирской губернии в 1715 г., когда он ездил в Петербург, что Гагарин объяснял передачей управления во время его отсутствия обер-комиссару Бибикову. «И той ради моей отлучки — читаем мы в одном из его донесений

— учинилось великое неисправление, а в сборах помешательство». Вероятно, это «великое неисправление» было одной из причин того, что дали ход старым и новым доносам обер-фискала Нестерова. Из комиссии кн. Якова Долгорукова, ведшей дело, по словам Нестерова, «с закрытием, как ему, Гагарину, в том надобно», следствие передано в 1717 г. в комиссию Дмитриева-Мамонова, Лихарева, Пашкова и Бахметева. Несмотря на то, что Гагарин уплатил тогда в казну крупную сумму (215229 руб.), за Сибирской губернией, по справкам канцелярии Сената с 1713 г. по 1 октября 1718 г. — 305554 руб. При возбуждении дела о недосылке сборов, Гагарин подал список расходов, которые следовало зачесть в табельные взносы, так как часть уплаты производилась по специальным распоряжениям Сената на месте. По списку Гагарина следовало зачесть и скинуть со счетов Сибирской губернии 281085 руб.

Еще в 1714 г. Нестеров писал царю, что Гагарин допускает к китайскому торгу только своих приятелей, вместе с которыми получает себе «превеликое богатство». Для уяснения сущности дела следует хотя вкратце сказать, как производилась торговля с Китаем. Туда направлялся царского величества «купчина», с которым отпускались казенные товары из Сибирского приказа и из сибирских городов на большую сумму, приблизительно на 200 тысяч рублей. В Москве и других городах он забирал товары у частных лиц по московской цене или по той, какая существовала в данном городе, а по возвращении из Китая отдавал каждому из «складчиков» (так назывались люди, отдавшие свой товар купчине) по договору, заключенному в Сибирском приказе, китайскими товарами вдвое.

Пока шло следствие, Гагарин продолжал жить в Сибирской губернии, а в 1718 г. был вызван в Петербург, участвовал в Верховном суде по делу царевича Алексея Петровича и подписался под приговором: «Губернатор Сибирской кн. Матвей Гагарин». Лишь 11 января 1719 г. последовало его увольнение от должности сибирского губернатора с повелением содержать его под караулом. Неделю спустя дана инструкция гвардии майору Лихареву: «Ехать тебе в Сибирь и там разыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина, о всем против данного тебе реестру подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному офицеру надлежит». В 6-м пункте инструкции сказано: «Его Царское Величество изволил приказать о нем Гагарине сказывать в городах Сибирской губернии, что он Гагарин плут и недобрый человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на его место иной»*.

В 1720 г. китайское правительство, известясь, что будто бы Гагарин подпал под гнев государев за то, что проявил медлительность в отправлении в Китай писем и за то, что произошли в принадлежащей Китаю Карчинской области беспорядки, убийства и пр., прислало русскому правительству такую грамоту: «Понеже сие все старое из подлаго и купеческаго народа ради прибыли своей чинено, того ради мы такая дела ни во что почитаем; Гагарин же чрез многие минувшие годы никакого озлобления или затруднения около наших рубежей не чинил, и письма с обеих сторон никогда удерживаемы не были».

Отправленный в Сибирь гвардии майор Лихарев для расследования на месте провинностей Гагарина прислал целый реестр взяток и сборов, которых в приходе не оказалось. На следствии открылось, что Гагарин утаил хлеб, купленный на Вятке для отпуска за море; велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, а приходные и расходные книги кинул; брал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи; писал угрожающее письмо купчине Гусятникову, чтоб прислал ему китайские подарки, что и было исполнено; удержал три алмазных перстня и алмаз «в гнезде», купленный на деньги, взятые в китайский торг из комнаты царицы Екатерины Алексеевны, и т.д.

* К. Голодников дает ссылку на 7-й пункт инструкции с видоизмененным текстом. — *Прим. сост.*

17 февраля 1721 г. были даны указы о пытании и допросе содержавшихся под арестом людей Гагарина и о приписке к дворцовым волостям всех деревень, пожалованных ему. 11 марта велено допросить Гагарина по обвинениям на него и пытать его в застенке. 14 марта высочайше утвержден приговор Сената о присуждении Гагарина к смертной казни, 15-го велено взять в казну все его движимое и недвижимое имущество. Гагарин во всем повинился и написал письмо царю: «Припадая к ногам вашего Величества, прошу милосердия и помилования ко мне погибающему: разыскивают много и взыскивают на мне управления во время ведения моего Сибирской губ. и покупки алмазных вещей и алмазов, что я чинил все не по приказному обыкновению. И я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многия дела просто, непорядочно и не приказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иныя чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания кроме виновности своей принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости Всевышняго к вашему величеству: сотвори надо мною многобедным милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и недвижимом моем имени да будет воля вашего величества». Мы не знаем, какого месяца и числа писано было это письмо, так как у Соловьева, у которого мы его заимствовали, не выставлены даты.

16 марта 1721 г. Гагарин был повешен перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии царя и всех своих знатных родственников. Спустя несколько времени его перевезли на обширную площадь недалеко от большой новой биржи, где Берхгольц* видел его на виселице 18 июля 1721 г. Когда было совершенно снято с виселицы тело Гагарина — неизвестно; 25 ноября 1721 г. последовал указ, чтобы с помощью железной цепи снова укрепить его на виселице. В октябре того же 1721 г. жене Гагарина были возвращены ее приданные деревни; описанные имения самого князя пожалованы Мамонову, Девиеру, Пашкову и Брюсу; московские и загородные дворы переданы Олсуфьеву, а двор в Петербурге, на Петербургском острове, пожалован бригадиру Шувалову. Себе лично Петр I взял два ружья в серебряной оправе и велел выслать из Сибири в Петербург мастера Пиленко, работавшего их. В Москве на Тверской улице у Гагарина были великолепные каменные палаты, воздвигнутые по образцу венецианских и по плану одного из иностранных архитекторов. Внутреннее убранство соответствовало внешнему виду. По словам Снегирева, «разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр и канделябр, где в висячих стеклянных прудках плавали рыбы, где разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры». Сохранилась песня о Гагарине, в которой описываются его «хитрые» палаты; между прочим сказано, что он лежит на кровати, любит рыбу и мечтает послужить в Сибири и построить потом палаты:

«...Не лучше бы, не хуже бы государева дворца,

Только тем разве похуже — золотого орла нет».

Уж за эту похвальбу государь его казнил.

Кн. М.П. Гагарин был женат на Евдокии Степановне Траханиотовой. У него был один сын кн. Алексей Матвеевич, женатый на дочери барона П.И. Шафировва. Одна из двух дочерей кн. Матвея Петровича была замужем за гр. Ив. Гавр. Головкиным, а другая постриглась в монахини, чтобы избежать брака со старшим сыном сенатора гр. Мусина-Пушкина.

* По-видимому, речь идет о И.Д. Бухгольце. — *Прим. сост.*

Литература

- Акты ист. V. С. 475–476.
Доп. акт. ист. X. С. 269, 272, 276–283.
Перв. полн. собр. зак. Тт. III, IV, V.
Оп. Сен. арх. Т. I.
Голиков. Деяния Петра В. Тт. I–VII, IX, XI, XIII–XV.
Письма и бумаги императора Петра Великого. Тт. II и IV (изд. 1887–1900 гг.).
Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872 г. II.
Рус. старина. Тт. II, V, VI, LXXII, LXXIII, LXXXV, CVI.
Рус. архив. 1865, 1868, 1872, 1878 и 1889 годы.
Сб. Имп. Рус. ист. общ. Тт. 11, 39, 40, 50, 56, 61, 66, 69 и 79.
Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Изд. В.М. Флоринским. Казань, 1882 г.
Дневник камер-юнкера Берхгольца. Изд. Рус. арх. 1902 г. Т. I.
Архив кн. Куракина. Тт. I–IV.
Мартынов. Рус. старина в памятниках церковного и гражданского зодчества (текст Снегирева). Изд. 2-е. М., 1852, год третий. С. 24–29.
Миловидов А.И. Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном (Историко-географ. очерк). Чт. Моск. общ. ист. и Др. Рос. 1892. Кн. I. С. 1–30.
Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Тт. I и II.
Соловьев. История России. Т. 16. С. 243–247.
Устрялов Н.Г. Петр Великий в Жолкве (Др. и Нов. Россия). 1876 г. I. С. 5–12.
Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII стол. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 220, 221, 263, 395, 396, 467–474; прилож. III. С. 54, 55, 58, 59, 62, 63, 66, 67.
В. Корсакова. Гагарин, князь Матвей Петрович, сибирский губернатор... / *Русский биографический словарь*. М., 1914. Переиздание. М., 1991.

М. Акишин

Глава III. Тайны кн. М.П. Гагарина

Матвей Петрович Гагарин (1659–1721) происходил из древней княжеской династии России. Основатель этого рода Михаил Гагара был внуком последнего правителя Стародубского удельного княжества Андрея Федоровича, участника Куликовской битвы, а первый правитель Стародубского удела — князь Иван — сыном Всеволода Большое Гнездо, великого князя Владимиро-Суздальской земли.

В царствование Ивана Грозного род Гагариных подвергся ссылкам и казням. Осенью 1565 г. 18 Гагариных «в опале» были испомещены в Казанском крае. В 1568 г. по делу о «заговоре» конюшого И.П. Федорова-Челядинина были казнены князь Владимир и Андрей Гагарины. После опричнины Гагарины получили поместья в Рязанском уезде. Там в конце XVI в. владел поместьями и дед Матвея Петровича Гагарина, Афанасий Федорович, — в с. Благодать, четвертью в с. Сenniцы, жребьем в с. Плоского броду, пустошью, «что была дер. Горяиново».

В XVII в. представители рода Гагариных не занимали заметных должностей в правительстве России, их отправляли служить на второстепенные воеводские должности в городах, «меньшими» воеводами в полках «на украине». В 1606–1690-х гг. двенадцать Гагариных побывали на воеводствах в Сибири. В 1623–

1624 гг. князь Афанасий Федорович, дед Матвея Гагарина, воеводствовал в Томске и попал там под следствие по обвинению в разорении посадской общины. Князь Петр Афанасьевич, отец Матвея Гагарина, был воеводой в Нарыме (1665–1667) и Березове (1667–1670).

Матвей Гагарин начал служить в 1686 г. стольником, первое его заметное назначение — посылка «товарищем» к брату Ивану Петровичу на воеводство в Иркутск (1691–1692), затем он самостоятельно воеводствовал в Нерчинске (1693–1695).

В конце XVII в. почти вся Восточная Сибирь оказалась в руках Гагариных: в 1691–1695 гг., помимо Ивана и Матвея Петровичей, в Якутске воеводствовал их двоюродный брат князь Иван Михайлович.

Во второй половине XVII в. из-за хищнической эксплуатации пушных промыслов сибирские ясачные сборы резко уменьшились. В Сибирском приказе причину такого положения усматривали в «воевоцком нерадении и многой корысти», «воровстве» ясачных сборщиков. В 1690 г. из Москвы в Якутск для следствия о том, «от чего ясачный сбор умалился и про воеводские несправые дела», был послан тобольский дворянин Ф.Р. Качанов...

В результате сыска Ф.Р. Качанова Гагарины попали под суд, у них было конфисковано имущество, которое они везли из Сибири. На Ивана и Матвея Петровичей наложили «пеню» в 13376 руб.¹⁸⁹ Но результаты следствия почти не отразились на карьере кн. М.П. Гагарина. Уже в 1701 г. он отправился с царским поручением в Польшу, позже руководил строительством шлюзов для соединения Дона с Волгой, а с 1703 г. — устройством Вышневолоцкого канала¹⁹⁰.

Причину столь быстрого возвышения объясняет переписка красноярского воеводы С.И. Дурново, находившегося вместе с кн. М.П. Гагариным под следствием в Сибири. Судя по письмам М.П. Гагарина, его «милостивым благодетелем» был человек из ближайшего окружения Петра I, глава Сибирского и Посольского приказов А.А. Виниус. Послания кн. М.П. Гагарина от писем всех других корреспондентов С.И. Дурново отличает пристальный интерес к реформам молодого Петра I — находясь под следствием в далекой Сибири, Гагарин имел подробную информацию об Азовских походах, Великом посольстве и других свежих столичных новостях¹⁹¹.

В 1706 г. кн. М.П. Гагарин уже сам стал «начальным человеком» Сибирского приказа, а в мае 1707 г. был назначен комендантом Москвы. В эти годы он как «министр» принимал участие в работе в Ближней канцелярии Петра I. В официальных документах его именовали: «генеральный президент, московский комендант и сибирских провинций судья».

У Гагарина сложились доверительные отношения с Петром I, он находился с ним в личной переписке. Наиболее важными поручениями царя были: забота об укреплении Москвы на случай прорыва Карла XII к столице; надзор за пленными шведами; отсылка рекрутов, денег и боеприпасов в армию; наблюдение за изготовлением чертежей и гравюр для книг Московского печатного двора. Отмечу, что кн. М.П. Гагарин принял деятельное участие в подготовке русской гражданской азбуки¹⁹².

¹⁸⁹ *Вершинин Е.В.* Воеводские наказы в Сибирь конца XVI–XVII вв. как источник по истории управления // *Источниковедение массовых источников.* М., 1988. С. 60.

¹⁹⁰ *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956. С. 256.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 942а. Лл. 1об.–2.

¹⁹² *Письма и бумаги императора Петра Великого.* СПб., 1907. Т. V. С. 131.

В распоряжении кн. М.П. Гагарина находился весь обширный гарнизон Московской губернии, а также все рекруты и военные припасы, которые направлялись через Москву в действующую армию. Гагарин не только комплектовал в Москве новые полки и отправлял их на театры военных действий, но, по заданиям царя, руководил всеми потоками людей и оружия, которые стекались со всей России к столице. Таким образом, он фактически стал начальником тыла русской армии в годы побед под Лесной и Полтавой. Его вклад в эти победы вполне сравним с делами самого Петра I, князей А.Д. Меншикова и В.В. Долгорукова.

Много сделал кн. М.П. Гагарин для строительства каменных зданий в Москве. После пожара в Китай-городе московский комендант сразу же запретил там деревянное строительство и приказал строить здания только из камня. Царь полностью одобрил эту меру.

В Москве кн. М.П. Гагарин построил себе великолепный особняк в стиле барокко. Именно о нем в 1773 г. говорил знаменитый русский архитектор В.И. Бажов: «...а всех домов прекраснее дом князя Гагарина на Тверской». Особняк был построен по проекту Джованни Марио Фонтана. По мнению академика И.Э. Грабаря, Фонтана в эти годы сделал проект и для Лефортовского дворца Меншикова. Дом Гагарина и дворец Меншикова объединяют не только дружба этих двух вельмож и проекты одного архитектора, но и общий источник финансирования. В 1709 г. от кн. А.Д. Меншикова поступило в Сибирский приказ 10 тыс.руб. «за постройку его дома»¹⁹³.

Как московский комендант кн. М.П. Гагарин ведал пленными шведами, размещенными в русской столице. По указанию царя он организовывал триумфальное шествие тысяч пленных через Москву в ознаменование побед русского оружия...

За всеми тяжелыми обязанностями московского коменданта Матвей Петрович находил время и силы для успешного руководства Сибирским приказом. Отмечу только, что, по данным Ближней канцелярии, доходы от сибирских городов при думном дьяке А.А. Винусе составляли 357909 руб. (1703 г.), при «князекесаре» Ф.Ю. Ромодановском — 105812 руб. (1704 г.) и 125419 (1705 г.), при кн. М.П. Гагарине они возросли с 275382 р. в 1706 г. до 665100 руб. в 1709 г.

Значение кн. М.П. Гагарина в русском правительстве этого времени довольно точно чувствовали иностранные послы. Так, в 1708 г. посланник при русском дворе Ч. Витворт писал в Англию, что на время отсутствия царя «забота о столице и все здешние дела поручаются... царевичу-наследнику, московскому коменданту князю Гагарину и Пушкину»¹⁹⁴.

Итак, в эти годы кн. М.П. Гагарин стал одним из самых значительных вельмож в России. 23 ноября 1707 г. он заведовал обедом в честь именин кн. А.Д. Меншикова, где присутствовали вдовствующая царица, царевна Наталия и «около четырехсот знатнейших гостей»¹⁹⁵. Сын М.П. Гагарина, Алексей, был женат на дочери барона П.П. Шафирова; из двух его дочерей одна была замужем за графом И.Г. Головкиным, другая постриглась в монахини, чтобы избежать брака с сыном графа И.А. Мусина-Пушкина¹⁹⁶.

Как уже говорилось, в Москве князь построил великолепный особняк. Позже Гагарин построил роскошный особняк в новой столице России — Санкт-Петер-

¹⁹³ К. де Бруин. Путешествие в Московию // Россия XVII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 96.

¹⁹⁴ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых. Иркутск, 1968. С. 116.

¹⁹⁵ ПСЗ. Т. III. № 1594.

¹⁹⁶ ПСЗ. Т. III. № 1594, 1595, 1670; Т. IV. № 1822.

бурге. Как и первый, он строился в подражание западноевропейским архитектурным стилям. Но усадьба Гагарина в его подмосковном имении построена в соответствии с традицией русских боярских хором. На глазах у царя-реформатора он стремился быть европейским вельможей, а в домашнем быту оставался московским вотчинником.

Опись дел Вотчинного приказа за 1706—1707 гг. показывает, что в эти годы кн. М.П. Гагарин активно занимался земельными сделками в Арзамасском, Коломенском, Веневском, Переяславль-Залесском, Тульском, Рязанском и Шацком уездах... влиятельный вельможа укрупнял свою земельную собственность за счет мелких дворян, разорявшихся из-за службы и налогов с их крестьян¹⁹⁷. В своих имениях кн. М.П. Гагарин был рачительным хозяином...

В 1710 г. ряд упущений М.П. Гагарина по службе вызвали сильный гнев Петра I. 26 января 1710 г. английский посол Ч. Витворт писал статс-секретарю Бойлю: «Шведские генералы пожаловались его величеству, будто русские власти допустили нескольких шведских рядовых до голодной смерти и даже не позаботились о погребении их. Царь в сильном гневе приказал подвергнуть московского коменданта, одного из высших сановников, князя Гагарина, аресту в собственном его доме, из-под которого князь с трудом освободился вчера вследствие ходатайства вдовствующей царицы и царевен... Этот случай несколько взволновал двор...»

22 февраля 1710 г. секретарь английского посла Л. Вейсборд сообщал сэру Никласу Роу: «Прошлую субботу, 24-го, царь приказал арестовать и посадить в тюрьму, наравне с обыкновенными мошенниками, трех из своих сановников: московского губернатора Тихона Никитича, командующего войсками, в Москве расположенными, сибирского губернатора князя Гагарина и архангелогородского губернатора князя Голицына. Главная причина такой строгости, говорят, та, что они не заготовили новобранцев и лошадей к назначенному времени. Но первый из них выпущен был на свободу в тот же вечер во внимание к его возрасту и ходатайствам, второй — в воскресенье, третий же — в понедельник; и в тот же день его величество снова обедал с Гагариным. По слухам, он и Тихон Никитич сохраняют свое положение»¹⁹⁸.

Царь занимался в это время разработкой губернской реформы и решил оставить в компетенции князя только управление Сибирью. 6 марта 1711 г. было велено писать кн. М.П. Гагарина сибирским губернатором¹⁹⁹.

В результате губернской реформы кн. М.П. Гагарин получил почти бесконтрольную власть над Сибирской губернией. Как было сказано ранее, губернатор успешно справлялся со своей главной обязанностью — сборы налогов в его правление Сибирью резко возросли, из-за Урала в действующую армию ежегодно поступали тысячи рекрутов. Кн. М.П. Гагарин играл заметную роль в дипломатических отношениях с восточными соседями России — Китаем, Джунгарским ханством, монгольскими феодалами и др. Он даже стал инициатором и организатором войны на востоке страны.

За всеми государственными делами кн. М.П. Гагарин успевал заботиться о благосостоянии вверенного ему края. При нем было закончено строительство Тобольского кремля, в Тобольске действовали три школы — на архиерейском дворе, цифирная и шведских пленных. Отмечу, что по числу учащихся (224 чел.) Тобольская цифирная школа в 1722 г. находилась на втором месте в империи. В 1710-х гг. архиерей схимонах Феодор обратил в православие несколько десятков тысяч сибирских «иноверцев». По свидетельству самого миссионера, в

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 625. Лл. 3—4об.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1350. Л. 115об.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1451. Л. 524—524об.

своей деятельности он получал большую поддержку от губернатора, кн. М.П. Гагарин жертвовал на церкви для новокрещеных свои деньги. Губернатор сам не грабил простых сибиряков, часто ставил милостивые резолюции на их прошения. Для подавляющего большинства населения Сибири в течение своего правления он оставался «милостивым государем, батюшкой».

На должности сибирского губернатора кн. М.П. Гагарин не потерял права личной переписки с Петром I. В письмах царя и губернатора активно обсуждались вопросы сбора налогов в Сибири, высылки рекрутов, посылки китайских караванов, дипломатических отношений с Китаем и Джунгарским ханством, военном походе И. Бухгольца и т.д. М.П. Гагарин писал царю о крещении «иноверцев» в Сибири, предлагал обратить в православие «лютеран». По заданиям Петра I на уральских заводах изготовили 3000 палашей для Преображенского полка, «ценинную посуду аглицкую дву манеров... по посланной модели от г-на Арескова».

М.П. Гагарин посылал Петру I дорогие подарки — китайский фарфор, ткани и драгоценные камни, более 2000 кедровых деревьев для царского сада, «бургорное» скифское золото и т.д. Только в декабре 1716 г. губернатор послал царю 96 крупных золотых изделий и 20 «мелких золотых вещей» общим весом более 22 кг из скифских курганов.

Дружеские отношения сложились у кн. М.П. Гагарина с царским секретарем А.В. Макаровым. В октябре 1714 г. он приглашал А.В. Макарова в гости: «...ежели возможно пожалуй обলেখчися ко мне в деревню мою, которая от Москвы во сте верстах, а я буду ожидать тебя, моего государя».

Обращался губернатор к царскому секретарю и с личными просьбами. В начале 1710-х гг. М.П. Гагарин «купил... двор в Питербурхе» и нанял архитектора «сделать нарочитые палаты», но А.Д. Меншиков сказал ему, что через территорию его дворца проектируется провести канал. Гагарин просил А.В. Макарова: «...по своему жалованию ко мне, пожалуй, принеси о сем всемилостивейшей нашей государыне царевне Екатерине Алексеевне, дабы она... изволила молвить князь Александру Даниловичу, чтоб не испортить того двора моего и не удержал бы делать мне палаты предбудущей весны»²⁰⁰.

Во время управления Сибирской губернией кн. М.П. Гагарин несколько раз штрафовался Петром I и Сенатом за упущения в отправлении дел. В 1711 г. на него был наложен штраф в 1000 рублей за неприсылку вовремя приходных книг губернии за 1710 г. В 1714 г. он был трижды оштрафован на общую сумму в 386 руб. за задержку с присылкою денежных податей, денег «на дело ружья», лошадей для армии. В 1716 г. его оштрафовали на 890 руб. за задержку с присылкою денег в Адмиралтейство. Однако следует учитывать, что такие штрафы были обычны даже для самых расторопных и исполнительных слуг нетерпеливого царя. Сам перечень штрафов кн. М.П. Гагарина за 1711–1716 гг. свидетельствует только о том, что он не успевал присматривать за очень незначительным кругом дел из обширного делопроизводства своей губернии²⁰¹.

Думается, если бы не возникло следствие о злоупотреблениях сибирского губернатора, историки ставили бы кн. М.П. Гагарина в один ряд с Б.П. Шереметевым, кн. В.В. Долгоруковым, П.А. Толстым и другими «птенцами гнезда Петрова». Но следствие было начато и окончилось трагедией для кн. М.П. Гагарина...

4. Версия Страленберга—Татищева

Деятельность кн. М.П. Гагарина на должности сибирского губернатора и причины казни его вызвали разноречивые слухи среди современников реформ

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1331. Лл. 139об.—141.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1310. Лл. 464—465об.; Оп. 5. Д. 1587. Лл. 2об.—4об.

Петра. Наиболее подробно эти слухи передал Ф.И. Страленберг в своих «Записках». Шведский пленный Ф.И. Страленберг провел в ссылке в Сибири с 1711 по 1722 год. Он лично знал Петра I и кн. М.П. Гагарина. Участвовал в экспедициях Д.Г. Мессершмидта. Страленберг относил себя к числу обиженных Гагариным.

Условия для злоупотреблений Гагарина шведский пленный видел в порочности идеи губернской реформы Петра. Он писал, что царь отдал 8 новообразованных губерний «в аренду» губернаторам «с условием, чтобы они сами нашли метод, как доставить указанную сумму из каждой губернии ежегодно в кассу, к чему он предписал свободу принимать вице-губернаторов, ландратов и других служащих по своему желанию».

На Сибирскую губернию царь положил 200000 рублей и предложил ее «в аренду» Строганову, но тот «смирненно отказался... и при этом дал понять, что все приобретенное его предками... охотнее сохранит для содержания своей семьи; он к тому же не откажет его величеству и государству помощь при необходимости в нескольких сотнях тысяч рублей к налогам и подати». Тогда-то «дворянин (позже князь) Гагарин» и стал сибирским губернатором.

Желание Гагарина стать губернатором пленный швед объяснял тем, что он ранее «был... в Иркутской провинции... воеводой» и «изрядно изучил случай делать деньги в Сибири». Несмотря на то, что за свои прежние злодеяния в Иркутске Гагарин «был приговорен к виселице, от которой тогда освободился отдачей большой суммы денег... такому опрометчивому человеку вся губерния была отдана в аренду».

Страленберг не просто пишет о взятках и казнокрадстве Гагарина, он сообщает о его планах образовать из Сибири самостоятельное «королевство». По словам шведа, губернатор старался завоевать расположение простых людей: набирал рекрутов из поморских городов в два раза больше положенного, а из Сибири не брал, но не забывал получать за это взятки. «Он в Сибири снял свой парик, — пишет Страленберг, — и одевался в наполовину русское, наполовину немецкое платье, притворялся очень благочестивым, ежедневно посещал церковь и строго придерживался постов, с крестьянами при входе и выходе из церкви милостиво разговаривал, обнадеживал их лучшими временами, и таким просителям всегда давал быстрое решение обещанием возможной помощи».

Для осуществления своих планов Гагарин организовал военные отряды, создал сибирскую милицию в составе двух драгунских полков. «Он легко мог создать пехоту и в случае необходимости мог иметь много шведских пленников в качестве офицеров», для чего оказывал «много добра шведским пленным и очень беспокоился, чтобы они в своей бедности могли что-нибудь заработать».

Чтобы скрыть свой план, Гагарин приказал своему родственнику, верхотурскому воеводе Траханиотову «задержать устные и письменные донесения из Сибири», а на всех других дорогах поставил караулы.

Но для осуществления плана Гагарину не хватало ружей и пороху. Тогда губернатор послал своих людей в Бухару и они там закупили 10 фунтов золотого песка. Это золото Гагарин повез царю и попросил ружей и амуниции на 100000 человек для организации похода за золотом.

Царя обрадовало известие Гагарина, но Петр «этой лисе не очень доверял». Командовать походом был назначен Бухголец и «постепенно все интриги князя Гагарина... открылись», сам губернатор «был после семикратной пытки приговорен к заслуженному наказанию, к виселице»²⁰².

²⁰² РГАДА. Ф. 248. Кн. 156. Л. 13–16об.; Доклады и приговоры... Т. III. № 769, 1093; Т. IV. № 140, 184.

Те материалы следствия о кн. М.П. Гагарине, которые ныне известны, не содержат никакого подтверждения версии Ф.И. Страленберга. Если бы следователи установили, что Гагарин пытался отделить Сибирь от России, то это, несомненно, отразилось бы в приговоре суда: Петр к этому времени уже пережил бегство сына за границу и суд над ним, измену Мазепы; у него не было причин скрывать какие-либо политические аспекты преступлений князя Гагарина.

Обращают на себя внимание и неточности рассказа Страленберга: он слабо представлял себе родословную и биографию Гагарина; не знал о том, что единственный в Сибири драгунский полк был организован в 1698 г.; преувеличивал милости губернатора к шведам и т.д. Особо отмечу, что в 1710-х гг. около Тобольска действовал оружейный завод Н. Пиленка и в Сибири не было недостатка в ружьях. Все это заставляет относиться к сообщениям Страленберга как к легенде. Но как она возникла?

Современники, жившие в Москве и Петербурге, интересовались следствием о Гагарине. В ряде записок того времени рассказывается о милости Гагарина к шведам; о тех пытках, которые он перенес под следствием; о том, как он был повешен. Но ничего не говорится о плане Гагарина отделить Сибирь от России.

Только В.Н. Татищев в своем «мнении», поданном императрице Анне Иоанновне, писал: «...при самовластном, но молодом и от правления внутреннего удалившемся монархе великую власть имеющие Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданства отложиться дерзнули»²⁰³. Но в своем суждении В.Н. Татищев полностью зависел от Ф.И. Страленберга — он был первым переводчиком труда шведа²⁰⁴.

Думается, легенда о том, что Гагарин хотел отделить Сибирь от России, возникла среди жителей Тобольска. Следствие о кн. М.П. Гагарине, по рассказу историка-тоболяка начала XIX в. П.А. Словцова, развязало «языки у злословия» и некоторые стали рассказывать, «что Гагарин замышлял отделиться от России, потому, верно, что им водворены в Тобольске вызванные оружейники и началось делание пороха». В 1889 г. историк В.К. Андриевич писал, что «в Тобольске, и по сие время, существует убеждение в том, что первый сибирский губернатор князь Гагарин замышлял отделиться от России и образовать отдельное Сибирское государство»²⁰⁵.

Возможно, эта тобольская легенда отражает отголоски разговоров, которые вел кн. М.П. Гагарин и верхи сибирской администрации. Столь долгое бытование легенды свидетельствует о том, что она наложила определенный отпечаток на формирование самосознания русского населения Сибири...

Акишин М. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

А. Зуев

* * *

...Матвей Петрович Гагарин — представитель княжеской фамилии. С 1691 г. служил товарищем воеводы в Иркутске (воеводой был его старший брат Иван), в 1693—1695 гг. — воеводой в Нерчинске. На этом посту оказался замешан во взяточничестве и казнокрадстве, за что угодил под следствие, но сумел вывернуться, ограничившись уплатой штрафа. Вошел в ближайшее окружение Петра I. С 1706

²⁰³ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Сент. С. 57—61.

²⁰⁴ Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. № 5.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 341об.

г. — глава Сибирского приказа, с 1707 г. одновременно московский обер-комендант. За злоупотребления неоднократно находился под следствием, но, несмотря на это, Петр I назначает его в 1711 г. сибирским губернатором. Получив в свои руки полную власть над огромной территорией, Гагарин создал фактически преступную организацию из местных чиновников, которые наживались на незаконном винокурении и торговле «заповедными» товарами, контрабанде в Китай, взятках с купцов, казнокрадстве и «наглых насилиях и грабежах». Вопиющие злоупотребления заставили царя в 1717 г. назначить следствие над Гагариным и его приспешниками. По итогам розыска Гагарин и ряд сибирских администраторов были приговорены к смертной казни. Гагарина повесили 16 марта 1721 г...

Зуев А. Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998.

Именной указатель

А

- Абрамов Н.А., историк — 50, 149
Абулхаир, сын Тявки-хана — 107, 108, 111–113
Аввакум, протопоп — 25, 26, 142
Аджа-хан — 164
Адриан, патриарх — 63, 149
Айдар, башкир. старшина — 24
Акишин М.О., историк — 140, 147, 193, 199
Аксак Андерс, плен. швед — 168
Алей, сын Кучума — 72
Александр II Николаевич — 161
Алексей, сын Петра I — 15, 38, 41, 42, 117, 137, 145, 180, 181, 188, 191
Алексей Михайлович, царь — 10, 76, 121, 133, 137
Алишев, служ. татарин — 127
Алметев, служ. татарин — 127
Андреев А.И. — 156, 157
Андрей Федорович, правитель Стародубского удельного княжества — 193
Андреевич В.К., историк — 23, 26, 50, 142, 199
Анна Иоанновна, императрица — 41, 189, 199
Антуфьев Н.Д., основатель династии Демидовых — 138
Апраксин Андрей, брат Ф.М. Апраксина — 170
Апраксин Ф.М., сподвижник Петра I — 130, 131, 162, 165, 169–171, 173–175
Аресков — 197
Арсеньев И., прапорщик — 182
Аскубин, теленгут. калмык — 100
Атласов В., первооткрыватель Камчатки — 151, 157
Аюка-хан — 52, 67, 85, 102, 110, 125–128, 130, 131, 149

Б

- Бажов В.И., архитектор — 195
Балкашин Н., историк — 68, 80
Бантыш-Каменский Д.Н., историк — 14, 50, 137
Бантыш-Каменский Н.Н., тоб. губернатор — 68, 80, 150, 193
Барри, плен. швед — 32, 179
Бассевич — 181
Бахметев И.И., капитан-лейтенант, член следственной комиссии по делу Гагарина — 174, 175, 191
Башковский А., краснояр. воевода — 177
Бекович-Черкасский А., кабард. князь — 108, 109, 118, 123, 149, 162
Белокуров С.А. — 158
Белоусов Н., тоб. бояр. сын — 113
Берхгольц Ф.В., камер-юнкер, автор известного «Дневника» (1721–1725 гг.) — 192, 193
Бессонов П.А. — 158
Бибииков И., тоб. воевода, обер-комиссар — 184, 190
Бибииков Ю.Б., нерчин. воевода, стольник — 187
Бибииков, берез. обер-комендант — 50
Бихнер Яган — 172
Бичурин Н.Я. — см. Иакинф
Блюгер, горный инженер — 30, 190
Богданов Савва, повытчик — 174
Богданов Федор, писарь — 168
Богословский М.М. — 199
Бойль, статс-секретарь — 188, 196
Борис — 112
Борис Годунов, царь — 54, 73
Борисов Никифор, писарь — 169, 172
Борокургал, посланец Цеван-Раптана — 130, 131
Брагин Тимофей, денщик — 168
Бринк Юнна, плен. швед — 165
Брокгауз Ф.А. — 42, 133, 134, 141, 145, 161

Бруин де К. — 195
 Брюс Я.В., рус. госуд. и военный деятель, сподвижник Петра I — 192
 Булавин К.А., донской атаман — 26
 Бурнашов Федосей, подданный Ф.М. Апраксина — 170
 Бурундук, казах. хан — 161
 Бухгольц И.Д., подполковник — 33, 46, 69, 88–95, 97–101, 104–108, 110, 119–121, 124, 127, 155, 159, 160, 163, 166, 180, 181, 185, 186, 190, 197, 198
 Буцинский П.Н., историк — 26, 50, 142
 Буш Генрих, плен. швед — 179, 190
 Быков, казак — 127

В

Вадбольский Н.М., князь — 182
 Вальянов Г., тоб. дворянин — 110, 127
 Варлаам (Ясинский), киев. митрополит — 44, 63
 Васильев И. — 176
 Ватулин, казак — 127
 Вахромеев, комендант Тюмени — 166
 Вебер, брауншвейг. представитель при рус. дворе — 15, 190
 Вейсборд Л., секретарь английского посла — 196
 Вельяминов-Зернов И.Л., майор — 107, 128, 130, 161, 163
 Вершинин Е.В. — 194
 Веселовский Н.И., историк — 90, 127
 Вещилов К. — 25
 Виниус А.А., управл. Сиб. Приказом — 12, 16, 17, 32, 135, 173, 188, 194, 195
 Витворт Ч., англ. посол — 188, 195, 196
 Владимир Святой, Вел. князь — 47, 50, 64, 149
 Волконский М., князь — 140
 Воронцовский И.В., полковник — 168, 169, 172
 Врех фон, плен. швед. — 32, 179
 Всеволод Большое Гнездо, Вел. князь — 8, 9, 193

Вязмин Матвей, тюмен. служилый человек — 169

Г

Гагара Михаил, основатель рода Гагариных — 193
 Гагарин Алексей, сын М.П. Гагарина — 192, 195
 Гагарин Андрей, князь — 193
 Гагарин Афанасий Федорович, дед М.П. Гагарина — 193, 194
 Гагарин Богдан, племянник М.П. Гагарина — 140
 Гагарин Василий, племянник М.П. Гагарина — 140, 187
 Гагарин Владимир, князь — 193
 Гагарин Иван Михайлович, двоюродный брат М.П. Гагарина — 186, 194
 Гагарин Иван Петрович, брат М.П. Гагарина — 9, 177, 186, 194, 199
 Гагарин Матвей Петрович — 5–16, 21–24, 27–46, 49–52, 54–56, 59, 61, 64–67, 69–71, 76–84, 86–93, 95, 96, 98, 100–102, 105–120, 122, 123, 125, 128, 129, 131, 132, 135–137, 140, 143, 144, 146, 147, 155, 159, 165–174, 176–200
 Гагарин Петр Афанасьевич, отец М.П. Гагарина — 186, 194
 Гагарины — 9
 Газенвинкель К.Б. — 156
 Гакбарк Т., приказчик — 83
 Галдан-Бошукту (Бошокту), контайша — 80, 158, 159
 Галдан-Церен, сын Цеван-Раптана — 124, 164
 Гарвинг, немец. лекарь — 68
 Гендун, джунгар — 86, 97
 Герасимов Афанасий, дьяк Сибир. Приказа — 187
 Гизен, барон, автор «Записок» — 188
 Гиль, плен. швед — 31, 179
 Гмелин И.Г., ученый-натуралист — 34, 145
 Годунов М., тюм. воевода — 154
 Годунов П.И., воевода — 157
 Голиков — 193
 Голицын В.В., боярин, воевода — 10, 15, 55, 130, 134, 196
 Головачев П. — 47

Головкин Г.И., гос. канцлер — 10, 130, 134
Головкин И.Г., зять М.П. Гагарина — 177, 192, 195
Голодников К. — 143, 177, 182, 191
Горн, плен. швед, генерал — 32, 179, 188
Грабарь И.Э., академик — 195
Греков, канцелярист — 173
Гуммеганс Карл, швед. офицер — 168
Гусятников, купец — 191

Д

Даваци — 164
Дасемен, служ. татарин — 167
Даудов, посол — 76
Девьер (Дивьер) А.М., граф, генерал-полицмейстер Петербурга — 192
Демидовы Н.Д. и А.Н., урал. заводчики — 16, 138, 140, 168
Деркем, джунгар — 86, 97
Дмитриев-Мамонов И.И., генерал-майор — 130, 146, 147, 172–175, 185, 191
Дмитрий Ростовский (Туптало), церк. деятель — 45, 63, 147, 148
Долгоруков А.Л., князь — 130, 146
Долгоруков В.В., князь, один из приближен. Петра I — 146, 165, 183, 185, 190, 195, 197
Долгоруков Г.Ф., князь, сподвижник Петра I — 140
Долгоруков Я.Ф., князь, сподвижник Петра I, през. Ревизионной коллегии — 140, 191
Донской Дмитрий — 133
Досифей, иерусалимский патриарх — 149
Дурново, комендант г. Тюмени — 172
Дурново С.И., краснояр. воевода — 194
Дюмберх Адалф, пл. швед — 165

Е

Евзала — 165
Евреиновы А. и Б., купцы — 146
Екатерина Алексеевна, императрица, жена Петра I — 41, 43, 134, 137, 147, 176, 180, 191, 197

Екатерина Вторая — 141, 150, 152
Екатерина Ивановна, племянница Петра I — 42
Елецкий А.В., тар. воевода — 60, 154
Елизавета Петровна, царица — 140
Ельчин, полковник — 178, 179
Еремин В., драгун — 127
Ермак, каз. атаман — 59, 142
Ершов В.С., моск. вице-губернатор — 20, 140
Есипов С. — 156
Ефремовы А. и Б., купцы — 146
Ефрон И.А. — 42, 133, 134, 141, 145, 161

Ж

Жадовский Н., тар. каз. голова — 74, 155

З

Загоскин Н.П. — 135
Затрапезников, купец — 159
Зедергельм, плен. швед. генерал — 189
Зиннер Э.П. — 195
Зиновьев, казак — 151
Златкин И.Я. — 151, 152, 154
Зотов Никита — 148
Зубов А.Ф. — 14, 41, 43
Зуев А.С. — 144, 199, 200

И

Иакинф (Бичурин), архимандрит — 68, 150, 153
Иван, князь, сын Всеволода Большого Гнездо — 193
Иван Алексеевич, брат Петра I — 18, 53, 54, 58, 62, 137, 186
Иван Грозный — 135, 193
Иванов Гроза, каз. атаман — 69, 74
Иванов Михаил, писарь — 175
Избрант (Елизарьев), датчанин, царский поверенный — 186
Илларион (Лежайский), архимандрит — 52, 66–68, 180
Иллерицкий В. — 162
Иоанн (Максимович), сиб. митрополит — 28, 34–36, 44, 46, 48, 49, 51, 52, 55, 65, 66, 146, 180
Ирдени Юрукта (Ердения Журыхта), конгайша — 83, 95, 96

К

- Кабай — 112
 Кадаев, служ. татарин — 127
 Каип (Хаип), сын Тявки-хана — 107, 108, 111–113, 161
 Кайсаров М.Ф., тар. воевода — 74, 155
 Каландер И., строитель ом. крепости — 97, 105, 111, 115
 Канифер, швед. генерал-адъютант — 188
 Канси, кит. император — 52, 67, 80, 81, 112, 132
 Кантемир Д.К., советник Петра I — 130
 Карл XII, швед. король — 12, 80, 90, 136, 187, 189, 194
 Карпов С.П., тоб. обер-комендант — 115, 121, 169, 172
 Касимов, посол — 76
 Касым, казах. хан — 161
 Катанаев Г.Е. — 5–7, 74–76, 106, 142, 152, 155, 158
 Катырев-Ростовский, тоб. воевода — 154
 Качанов Ф.Р., тоб. дворянин — 194
 Кикин А.В., сподвижник Петра I — 171
 Ключарев Федор, канцелярист — 174
 Ключевский В.О., историк — 19, 20, 26, 136, 139
 Кобелев, бояр. сын — 151
 Ковалев, генерал-адмирал — 173
 Коет Нилс, плен. швед — 172
 Кожин А. — 162
 Колесников А.Д., историк — 157
 Колмаков, бояр. сын — 116, 117, 119, 124
 Копылова С.В. — 144
 Корсакова В., историк — 30, 186, 193
 Котвич В.Л. — 153
 Крижанич Ю., ссыльн. серб — 76, 158
 Куракин Б.И., князь, дипломат, свояк Петра I — 188, 193
 Курбатов А.А., гос. деятель — 20, 140
 Кучум, хан — 23, 49, 59–61, 71, 72, 74, 79, 142, 154

Л

- Лазарь, старообрядец — 26, 142
 Лама-Доржи — 164
 Ланге, немец. лекарь — 68
 Лаптев Егор, поджигатель — 182
 Ласковский (Ласовский) Ф.Ф., инженер, генерал-лейт. — 161
 Лестих Пипиер, плен. швед — 168
 Ликург — 107, 162
 Линберх Эрих, плен. швед — 165
 Лихарев И., гв. майор — 69, 70, 119–130, 146, 147, 181, 191
 Логинов И., тар. казак — 127
 Лойд Вилим, англичанин — 188
 Лойол И., исп. дворянин — 150
 Лопухина Евдокия — 137
 Лхабсан-хан — 161
 Львов — 166
 Люберас И., швед. барон — 20, 140
 Лыков Б.М., князь — 135

М

- Мазепа, гетман — 33, 35, 199
 Макаров А.В., кабинет-секретарь Петра I — 119, 128, 169–171, 197
 Максимов С.В., писатель — 25, 56
 Максимович И., родственник сиб. митрополита — 35
 Макшеев А. — 145
 Маллин, плен. швед — 32, 179
 Мамонов — 192
 Ман Барк, плен. швед — 172
 Маремьянов А., бояр. сын — 106, 111, 127
 Мартиниан, архимандрит — 48, 63
 Мартынов А.А., моск. археолог — 14, 193
 Матвеев А.С., боярин — 10, 133
 Матигоров, подполковник — 106, 115
 Машенский, казак — 127
 Медведев Дмитрий, тюмен. охотник — 169
 Меншиков А.Д., сподвижник Петра I — 15, 130, 137, 165, 177, 180, 187, 195, 197
 Меньший Моисей, дед С. Ремезова — 157
 Мессершмидт Д.Г., исследователь Сибири — 144, 198
 Миллер Г.Ф., историк — 87–89, 105, 126, 141, 145, 150, 154–156, 159

Миловидов А.И. — 193
 Милуков П.Н., историк — 19–21, 23, 25, 41, 42, 78, 94, 139, 147, 182, 186, 193
 Михаил Федорович, царь — 69, 73, 74, 105, 133, 155
 Можатин Н., бояр. сын — 127
 Моисеев В.А. — 145, 153, 161, 162
 Морозов Б.И., боярин — 10, 133
 Муратов, служ. татарин — 127
 Мусин-Пушкин, гвардии капрал — 181
 Мусин-Пушкин И.А., сенатор — 130, 187, 188, 192, 195
 Мусин-Пушкин П., товарищ нерчин. воеводы — 177
 Муханов Ипат, мелетинец — 165
 Мясников С., тар. казак — 127

Н

Назимов Федор, повытчик — 174
 Нарышкин В.Г. — 16
 Нарышкин К.А. — 187
 Нарышкин Л.К. — 15, 137
 Нарышкина Н.К., царица — 137, 138, 199
 Недбай Ю.Г., историк — 143, 145
 Нестеров А.Я., обер-фискал — 21, 65, 117, 140, 146, 180, 181, 183, 185, 191
 Нефес, туркмен — 87
 Никитич Тихон, моск. губернатор — 196
 Николаев Иван, нерчин. воевода — 187
 Николай II — 31
 Никон, патриарх — 142
 Новицкий Григорий — 33, 46, 48, 50, 156

О

Оболдай-Зайсан — 86
 Оглоблин Н.Н., историк — 16, 138, 157
 Олсуфьев М.Д., обер-гофмейстер двора Петра I, зав. общими делами дворцовой канцелярии — 192
 Онучин Алексей, писарь — 166, 167
 Ордин-Нащекин А.Л., боярин — 10, 133
 Орлик, мазепинец — 33

П

Павел I, сиб. митрополит — 27, 57, 58, 62, 63, 143
 Павел III, рим. папа — 150
 Павлов Осип, секретарь — 171
 Пареный Пимен — 176
 Парфенов А., дьяк — 53
 Пашков Е., капитан, член следств. комиссии по делу М.П. Гагарина — 146, 174, 175, 191, 192
 Пекарский — 193
 Петлин И., том. казак — 76
 Петр I — 5, 10–13, 15, 17–21, 24–26, 35, 40–46, 49, 53, 54, 58, 62, 65, 69, 78, 81, 84, 87–93, 95, 98, 100, 101, 107–111, 118, 120, 123, 127, 128, 133–141, 143, 146–149, 151, 156, 159, 162, 163, 166–168, 172, 173, 175, 177, 180, 181, 186–190, 192–194, 196–200
 Петров Е. (Ерепяка Остяк) — 65
 Пикард, гравер — 188
 Пиленко Н., владелец оружейного завода — 192, 199
 Пипер, плен. швед генерал — 189
 Плещеев И., капитан-поручик — 169–171
 Плотников Ф., переводчик — 127
 Позднеева А.М., востоковед — 153
 Поликарпов Ф., директор Московской типографии — 188
 Полянский Д., дум. дьяк — 177
 Поппа М., немец, торговец — 83, 86, 123
 Поселянин Е. — 148
 Посошков И.Т., экономист — 20, 140
 Поспелов П., урядник — 127
 Потанин Г.Н., историк, общ. деятель — 59, 79, 116, 141
 Прасолов, тюмен. комиссар — 168
 Преображенский А.А. — 194
 Пржевальский Н.М., путешественник — 101, 141, 159
 Пугачев Е. — 152
 Пушкин — 195
 Пыпин А., историк — 32, 34

Р

Рагузинский С.Л. — 171
 Раддеборг, плен. швед — 31, 179
 Рейншильд, плен. швед. генерал — 189

Ремезов С.У., картограф — 70, 76, 144, 156, 157
 Ренат И.Г., плен. швед — 32, 103, 144, 145
 Репнин А.И., князь — 15, 137
 Репнин Н.И., князь — 187
 Романов Г. (Елеска Хромой), остяк — 65
 Ромодановский Ф.Ю., стольник — 15, 58, 137, 187, 195
 Роткирх Яган, плен. швед — 172
 Роу Никлас, англичанин — 196
 Ртищев Ф.М., глава ряда приказов — 10, 133
 Рюрик, основатель династии Рюриковичей — 9

С

Салтыков Ф.С., сподвижник Петра I — 21, 78, 130, 140
 Свирский, тар. бояр. сын — 115
 Сейдяш, служ. татарин — 167
 Синджиб, сын Аюки-хана — 67
 Синявский, гетман — 33
 Скоропадский, гетман — 135
 Словцов П.А., историк — 23, 28, 31, 46, 50, 95, 141, 199
 Снегирев И.М., историк — 14, 192
 Собесский Ян, польск. король — 158
 Соловьев С.М., историк — 11, 20, 55, 142, 185, 192, 193
 Сомов, поручик — 119, 124
 Софья Алексеевна, сестра Петра I — 10, 14, 18, 22, 25, 27, 134, 135, 143
 Спасский Г. — 156, 158
 Сперанский М.М. — 141
 Страленберг (Филипп Таберт), плен. швед — 32, 144, 179, 197—199
 Стрешнев Т.Н., сенатор — 15, 138, 187
 Строганов Г.Д., граф — 140, 198
 Ступин П., подполковник — 52, 67, 111, 115—117, 119, 122, 123
 Сулоцкий А.И., священнослужитель, историк — 29, 34, 46, 50—52, 66, 143, 150
 Сумба-Хамбо — 161
 Сумин, врач, историк — 98—100, 103, 105, 111, 115—117, 119, 122, 123

Т

Тасурхай, джунгар — 86
 Татищев В.Н., историк — 144, 197, 199
 Тауке, казах. хан — 161
 Тевекель, киргиз. хан — 107, 161
 Тимган Мергень — 112
 Титов А. — 158
 Толстой М.В. — 149
 Толстой П.А., тайный советник — 35, 145, 171, 197
 Тормасов, обер-секретарь — 174
 Траурнихт Д., тоб. комендант — 92, 167
 Траханиотов С., верхотурский воевода, тесть М.П. Гагарина — 198
 Траханиотова Е.С. (в девичестве), жена М.П. Гагарина — 192
 Тройницкий В.А., тоб. губернатор — 32
 Трубников М., поручик — 98, 113
 Трушников Ф., тоб. дворянин — 69, 79, 80, 87, 96, 100, 101, 108, 129, 159, 180
 Туптало С.Г., отец Дмитрия Ростовского — 147
 Тютчев, майор — 181
 Тявки-хан, киргиз. хан — 107, 108, 112, 161

У

Ульвос Я(Ю)нос, плен. швед — 165
 Уляницкий В.А., историк — 76
 Унковский И., посол в Джунгарии — 33, 70, 90, 131, 132, 145
 Урусов, капитан — 119, 124
 Успенский В., китаевед — 153
 Устрялов Н.Г. — 193
 Ухтомский Э.Э., публицист — 31, 32
 Учужников Б., тар. казак — 74

Ф

Фалкелберх (Гендрик Фелкелберх), швед. поручик — 165
 Федор Алексеевич, царь — 10, 134
 Федоров-Челядинин И.П., коношый Ивана Грозного — 193
 Феодосий, иеромонах — 45
 Фик Г., вице-президент коммерц.-коллегии — 20, 139, 140

Фикшин А., архиерей — 146
Филиппов И., прибыльщик — 21,
140, 173
Филофей Лешинский (Феодор),
сиб. митрополит — 28, 29, 33,
35, 36, 44—46, 48—51, 55, 58, 62,
63, 65, 143, 146, 150, 180, 196
Филькеев, бояр. сын — 178
Флоровский Г. — 148
Фоккеродт И.Г., прусский дипло-
мат — 20, 139
Фонтана Дж. М., архитектор — 195
Фридрих, герцог Курляндский,
супруг Анны Иоанновны — 41,
189
Фридрих Вильгельм, прусский ко-
роль — 41

Х

Ханенев, полковник — 131

Ц

Цеван-Раптан (Цэван-Рабдан),
контайша — 52, 78, 80, 94, 106,
109, 124, 127, 130, 132, 145, 149,
158, 160, 164

Ч

Чепелев И., дьяк Сибирского при-
каза — 171, 182, 184, 187, 190
Чередов Борис, тар. казак — 116
Чередов Василий, тар. сотник —
101—103, 106, 107, 110, 111, 126,
127
Чередов Иван, тар. каз. голова —
33, 51, 66, 69, 70, 79—87, 94, 95,
122—128, 130, 132, 159
Черен (Церен) Дондук, контайша —
69, 99, 100, 102—107, 124, 160, 161
Черепанов И.Л., историк — 156
Черкасов Д., тоб. бояр. сын — 69,
74
Черкасские, тоб. воеводы — 53
Черкасский А.М., сиб. губернатор
— 120, 121, 130, 172, 173
Чингисхан — 68, 153
Чимитдоржиев Ш.Б. — 145

Ш

Шафиров П.П., вице-канцлер —
10, 35, 130, 134, 177, 192, 195

Шаховской Ю., тар. воевода — 74,
155
Шемардин, гв. капитан — 121, 128,
130
Шереметев Б.П., граф — 15, 137,
187, 197
Шигай, киргиз. хан — 107, 161
Ширгазы, хивинский хан — 162
Шнеп Морис, плен. швед — 172
Шувалов А.И., граф, ген.-фельд-
маршал, нач. Тайной разыскных
дел канцелярии — 192
Шхонебек А. — 11

Щ

Щеглов И.В., историк — 26
Щукин, обер-секретарь Сената —
119

Э

Эверлаков Б., комендант г. Тюме-
ни — 166
Эннес, плен. швед — 31, 32, 179,
180
Эрке, джунгар — 86
Этигер Т., тар. бояр. сын — 101—
103, 106, 107, 110, 126

Ю

Юдин Г.В., издатель
Южаков С.Н.
Ючин И. (Лугуйка-Торум-Ючен),
остяк — 65

Я

Яворский Стефан, блюститель
Патриаршего престола в Моск-
ве — 35, 45, 146, 148

КАТАНАЕВ Георгий Ефремович

КНЯЗЬ МАТВЕЙ ПЕТРОВИЧ ГАГАРИН

Генеральный президент Сибирского приказа
и сибирских провинций судия

Московский комендант и всея Сибири губернатор

(Первый сибирский автономист)

Сибирь эпохи Петра Великого

Оператор ПЭВМ Д. Никифоров
Корректоры М. Кремлева и Н. Тиунова

Подписано в печать 14.06.2005 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 12,09. Заказ №1332.
Тираж 400.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки:
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

630p

НОВАЯ ЦЕНА

630 руб. — коп.

~~88360~~
PVB 630-00